Class DB 929
Book .P8

YUDIN COLLECTION

МАДЬЯРСКІЙ ИСТОРИКЪ

ВЛАДИСЛАВЪ САЛАЙ

И

ИСТОРІЯ ВЕНГРІИ

ОТЪ АРПАДА ДО ПРАГМАТИЧЕСКОЙ САНКЦІИ.

СОСТАВИЛЪ

Нилъ Поповъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

Popov, Nil Aleksandrovich
Mad'iarskii istorik

МАДЬЯРСКІЙ ИСТОРИКЪ

ВЛАДИСЛАВЪ САЛАЙ

И

ИСТОРІЯ ВЕНГРІИ

ОТЪ АРПАДА ДО ПРАГМАТИЧЕСКОЙ САНКЦІИ.

СОСТАВИЛЪ

Popov

Нилъ Поповъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, у Владимірской, д. № 15, кв. № 3.
1868.

DB923
.7
.S89P66

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія Венгріи извѣстна весьма мало въ Европѣ, еще менѣе у насъ. А между тѣмъ она съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе напрашивается на вниманіе всякаго, кто интересуется не только судьбами народовъ, живущихъ по среднему и нижнему теченію Дуная, но и судьбами всего юго-востока Европы. Вѣсти, приходящія съ каждымъ днемъ изъ различныхъ земель, соединенныхъ съ такъ-называемою венгерскою короной, все болѣе и болѣе приближаютъ насъ къ интересамъ народовъ, населяющихъ долины Дуная и его притоковъ. Однакожь, какъ на интересахъ, такъ и на стремленіяхъ этихъ народовъ лежитъ не только печать племеннаго происхожденія, но и печать исторіи; ибо настоящее венгерскихъ народовъ еще не порвало всѣхъ своихъ связей съ прошедшимъ. А вслѣдствіе того и взглядовъ на венгерскую исторію существуетъ столько же, сколько народностей связано по своей судьбѣ съ историческою жизнію Венгерскаго королевства, начиная отъ игравшихъ наиболѣе видную въ ней роль Мадьяръ и Нѣмцевъ и оканчивая пользовавшимися наименьшимъ значеніемъ въ ней Румынами, Словаками и Русскими (мы разумѣемъ подъ послѣдними русскихъ туземцевъ Венгріи). Вотъ почему исторія Венгріи стала достояніемъ самой широкой публицистики чуть ли не прежде, чѣмъ строгая историческая критика успѣла выяснить ея главныя событія. Но съ другой стороны всѣ эти многостороннія требованія, обращаемыя къ венгерской исторіи, приносятъ ту несомнѣнную пользу, что даютъ возможность венгерской исторіографіи держаться на высотѣ, съ которой она можетъ давать отвѣты на самые разнообразные, обращенные къ ней запросы. Правда, эта высота не составляетъ удѣла какого-либо одного писателя: рѣдкій изъ мадьяр-

скихъ или нѣмецкихъ историковъ, говоря о событіяхъ, общихъ для всей Венгріи, обращаетъ должное вниманіе на замѣчанія, выставляемыя по тому же предмету писателями другихъ народностей. Но дѣло въ томъ, что одностороннее толкованіе какого-либо дѣянія, совершившагося на венгерской почвѣ, немедленно вызываетъ возраженія, которыя сыплются со всѣхъ сторонъ на гордаго своимъ исключительно-національнымъ пониманіемъ историка, и такимъ образомъ въ рукахъ читателя всегда остается возможность провѣрить показанія мадьярскихъ и нѣмецкихъ историковъ и публицистовъ замѣчаніями славянскихъ и румынскихъ писателей по той же части. Конечно, при такомъ разнообразіи венгерской исторической литературы, чрезвычайно трудно услѣдить за ея проявленіями; а потому въ ней, какъ и во всякой другой литературѣ, должны были установиться своего рода авторитеты, къ которымъ относились всѣ остальные писатели въ качествѣ дополнителей или исправителей, какъ неумышленныхъ, такъ и сознательныхъ ошибокъ, вкравшихся въ сочиненія этихъ признанныхъ корифеевъ венгерской исторіографіи. Такимъ путеводнымъ центромъ долгое время служила „Исторіи Венгріи и ея населеній", разказанная нѣмецкимъ докторомъ Игнатіемъ-Авреліемъ Фесслеромъ въ 10 томахъ, изъ коихъ первый появился въ 1815 году, а послѣдній въ 1825, въ Лейпцигской типографіи Гледича [1]). Въ этомъ сочиненіи исторія Венгріи доведена была до того самаго года, въ которомъ авторъ сталъ писать его, то-есть, до 1812 года. Фесслеръ не напрасно поставилъ въ заглавіи своей книги „разказанная": его сочиненіе дѣйствительно представляетъ разказъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ событій изъ венгерской исторіи, связанныхъ между собой лишь хронологіей. Правда, авторъ коснулся въ началѣ своего сочиненія свойствъ разноплеменнаго населенія Венгріи и соединенныхъ съ нею земель и время отъ времени удѣлялъ по нѣскольку страницъ исторіи народностей подчиненныхъ; но при всемъ томъ онъ слѣдилъ преимущественно за политическою исторіей, и такъ какъ политическіе интересы и права въ Венгріи принадлежали исключительно

---

[1]) Die Geschichten der Ungern und ihrer Landsassen. Erzählet von Dr. *J. A. Fessler*. Bde. I — X, Leipzig, 1815 — 1825. Мы не упоминаемъ здѣсь о сочиненіи Энгеля, какъ принадлежащемъ прошлому столѣтію и не обнимающемъ всей исторіи Венгріи.

высшимъ сословіямъ, то „Исторія“ Фесслера и является преимущественно исторіей привилегированныхъ сословій Венгерскаго королевства. Этотъ односторонній характеръ сочиненія нѣсколько освѣжается вытекавшими изъ самой исторіи венгерской разказами о религіозныхъ войнахъ, о борьбѣ сеймовъ съ притязаніями Вѣнскаго двора и печальною повѣстью о владычествѣ Турокъ надъ придунайскими долинами. Не смотря, однакожь, на всѣ свои недостатки, особенно ярко выдающіеся въ наше время, нашелся чтитель тяжелаго труда Фесслера и взялся за переработку его и пополненія. Это Эрнстъ Клейнъ, въ передѣлкѣ котораго и выходитъ теперь сочиненіе Фесслера въ Лейпцигѣ у Брокгауза. До сихъ поръ вышли три выпуска, каждый въ 8 листовъ самой убористой печати; всѣхъ же будетъ до 20[1]). Дѣленіе, принятое Клейномъ, отличается отъ дѣленія, принятаго въ первомъ изданіи самимъ авторомъ. Это-то реставрируемое нынѣ сочиненіе и было въ первой четверти настоящаго столѣтія тѣмъ центромъ, къ которому примкнули труды другихъ историковъ Венгріи. Фейеръ сталъ издавать свой многотомный „Codex diplomaticus“; графъ Іосифъ Телеки описалъ въ восьми книгахъ эпоху Гуніадовъ, одну изъ замѣчательнѣйшихъ по внѣшнимъ сношеніямъ въ цѣлой исторіи Венгріи. Графъ Іоаннъ Майлатъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ „Исторію Мадьяръ“, въ пяти книгахъ[2]). Уже самое заглавіе книги Майлата показывало, какъ смотрѣлъ авторъ на исторію своей родины: она представлялась ему исторіей Мадьярскаго народа. Еще ужe былъ взглядъ, на основаніи котораго написана была „Краткая исторія Венгріи“ доктора Михаила Горвата[3]). Это не что иное, какъ учебникъ для знакомства съ исторіей постепеннаго распространенія привилегій венгерскихъ магнатовъ, комитатскихъ собраній и государственныхъ сеймовъ и пробужденія либерализма въ Венгріи отъ Наполеоновскихъ войнъ до революціи 1848 года. Но всѣ эти попытки представить исторію Венгерскихъ земель съ мадьярской національной

---

[1]) Geschichte von Ungarn, von *Ignaz Aurelius Fessler*. Zweite vermehrte und verbesserte Auflage, bearbeitet v. *Ernst Klein*, mit einem Vorwort v. *Michael Horváth*. Leipzig, 1867.

[2]) Geschichte der Magyaren, von *Graf Johann Majláth*. 1 Aufl., Wien, 1828—31; 2 Aufl., Regensburg, 1852—53.

[3]) Kurzgefaszte Geschichte Ungarns, von *Dr. Michael Horváth*. 2 Bde, Pest, 1863.

точки зрѣнія должны были поблѣднѣть предъ сочиненіемъ, появившимся изъ-подъ пера прославленнаго между мадьярскими историками, публицистами и политическими дѣятелями Владислава Салая. Довольно сказать, что книга Салая не только удовлетворила національное самолюбіе Мадьяръ, но и обратила на себя общее вниманіе писателей всѣхъ другихъ народностей, населяющихъ такъ-называемыя земли Венгерской короны. Этому не мало содѣйствовали и даровитость мадьярскаго историка, и его политическая извѣстность. Едва окончилось печатаніе его сочиненія, какъ уже появился и первый томъ нѣмецкаго перевода Вёгерера[1]). Но Салай успѣлъ довести свой трудъ только до 1711 года, такъ что вся новѣйшая исторія Венгріи, получающая особую важность со временъ Прагматической Санкціи, остается необъясненною. Этотъ пробѣлъ до нѣкоторой степени пополненъ двумя сочиненіями М. Горвата: „Двадцать пять лѣтъ (1823 — 1848) изъ венгерской исторіи", на мадьярскомъ языкѣ въ двухъ томахъ въ Женевѣ въ 1864 году, а на нѣмецкомъ, въ переводѣ Новелли[2]), также въ двухъ томахъ въ Лейпцигѣ въ 1867 году, и „Борьба за независимость Венгріи въ 1848 и 1849 годахъ"[3]).

---

[1]) Geschichte Ungarns, von *Ladislaus v. Szalay,* deutsch von Heinrich Wögerer. Pest, 1866.

[2]) Fünfundzwanzig Jahre aus der Geschichte Ungarns v. 1823 — 1848, von *Michael Horváth.* Aus dem ungarischen übersetzt von Joseph Novelli. Leipzig, 1867.

[3]) Der Unabhängigkeitskampf Ungarns von 1848 und 1849. 3 Bde. Genf, 1865.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе I

I. Жизнь Владислава Салая до 1848 года 1

II. Жизнь его съ 1848 года до изданія въ свѣтъ перваго тома „Исторіи Венгріи“ 23

III. Исторія Венгріи по Салаю 63

Основаніе Венгерскаго государства Стефаномъ Святымъ и его учрежденія. — Преемники Стефана. — Борьба въ Галиціи. — Отношенія къ Чешскимъ и Австрійскимъ землямъ. — Король Андрей II и Золотая Булла. — Отъ нашествія Монголовъ до послѣдняго Арпада. — Внутреннее развитіе за это время. — Битва въ Моравской долинѣ (Marchfeld). — Притязанія Рудольфа Габсбургскаго на Венгрію. — Анжуйскій домъ и король Сигизмундъ Люксембургскій. — Постепенное преобразованіе конституціи. — Дѣятельность Гуніада и его преемниковъ до битвы при Могачѣ. — Сочиненіе графа Телеки: „Вѣкъ Гуніадовъ въ Венгріи“.

IV. Послѣдніе годы жизни Владислава Салая и окончаніе его исторіи Венгріи 131

Габсбурги отъ Фердинанда I до Фердинанда II и Турецкое владычество. — Религіозныя войны до контръ-реформаціи кардинала Пазманди. — Седмиградское княжество (Трансильванія) до Линцскаго мира при Фердинандѣ III. — Леопольдъ I и Вашварскій миръ. — Посягательства на конституцію и свободу вѣроисповѣданія. — Борьба за свободу подъ начальствомъ Текели до установленія престолонаслѣдія въ мужескомъ потомствѣ Габсбургскаго дома. — Событія до Карловацкаго мира. — Развитіе конституціи въ продолженіе Габсбургскаго періода. — Дѣла Седмиградскаго княжества. — Подготовленія къ новому посягательству на венгерскія учрежденія. — Дѣйствія князя Ракочи II до Сатмарскаго договора. — Послѣдніе годы жизни и смерть Владислава Салая.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	103,	строка	7	снизу:	*Венцеслава;*	слѣдуетъ:	*Вячеслава.*
„	114	„	1	сверху:	*domaniales;*	„	*dominales.*
„	163	„	5	снизу:	*Кашицахъ;*	„	*Кошицахъ.*
„	184	„	2	„	*Колочскій;*	„	*Калочскій.*

ГЛАВА I.

Владиславъ Салай до 1848 года.

Эпоха французской революціи и Наполеоновскихъ войнъ впервые пробудила національныя стремленія въ народахъ, населяющихъ Венгрію. Но это пробужденіе было слабо: и не одни народы Венгріи, но вообще народы австрійскіе держались въ сторонѣ отъ движенія, охватившаго всю среднюю Европу. Хотя вѣнскіе министры не разъ во время войнъ съ Наполеономъ обращались къ народамъ имперіи, но самъ императоръ Францъ никогда не хотѣлъ слышать о такихъ геройскихъ средствахъ, и въ 1815 году, во время Вѣнскаго конгресса, онъ съ улыбкой замѣтилъ барону Гагерну, который за два года предъ тѣмъ обращался съ воззваніемъ къ патріотическому энтузіазму австрійскихъ народовъ: „Замѣчательно, мой любезный Гагернъ! дѣло обошлось и безъ шума". Императоръ былъ правъ: ибо австрійскіе народы какъ-будто не замѣтили потрясеній, испытанныхъ западною Европой. Правда, венгерскій придворный совѣтникъ Сирмай, въ самый разгаръ французской революціи, написалъ книгу: „Historia Jacobinorum Hungaricorum", въ которой старался оправдать казни, постигшія венгерскихъ революціонеровъ за ихъ предполагаемыя сношенія съ Франціей; но изъ всѣхъ показаній, собранныхъ почтеннымъ историкомъ, нельзя не замѣтить, что революціонный образъ мыслей коснулся въ Венгріи только отдѣльныхъ личностей. Иначе и быть не могло. Та часть венгерскаго общества, которая занималась политикой, состояла преимущественно изъ дворянства, и только высшее дворянство было достаточно образовано и пользовалось такимъ положеніемъ, которое давало ему возможность слѣдить за европейскими событіями. Притомъ французская революція нанесла неизлѣчимую рану исключительному положенію высшаго дворянства; могла ли она

найдти сочувствіе въ венгерскихъ магнатахъ? Большинство образованныхъ людей въ Венгріи ожидало только небольшой уступчивости отъ правительства во внутреннихъ дѣлахъ. Аристократическая Венгрія не могла относиться благосклонно и къ первой Французской имперіи, которая, возникнувъ изъ нѣдръ революціи, попирала всѣ наслѣдственныя права, всѣ преимущества рожденія, — и Наполеоновскія прокламаціи, которыми Венгры были приглашены собраться для избранія себѣ короля, были отосланы въ пакетахъ въ Вѣну, не произведя въ Венгріи никакого дѣйствія. Словомъ, венгерскіе патріоты, хотя и не были довольны вѣнскимъ управленіемъ, однакожь, не были расположены приходить въ энтузіазмъ отъ мысли о независимости своей родины.

Но съ другой стороны, соглашаясь, хотя и съ угрюмымъ неудовольствіемъ, на требуемыя субсидіи и поставку рекрутъ, сражаясь и проливая кровь подъ австрійскими знаменами на различныхъ поляхъ Европы, сыны Венгріи не любили, однакожь, заводить рѣчь о болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ между венгерскою націей и вѣнскимъ правительствомъ. И когда венгерскій сеймъ 1811 года совершенно разошелся послѣ продолжительныхъ бурныхъ преній, не принявъ знаменитаго финансоваго патента, а правительство, не смотря на всѣ протесты, ввело этотъ патентъ въ Венгріи, какъ временную мѣру; когда наслѣдственныя земли западной половины Австрійской имперіи одобрили такой поступокъ своего правительства и даже прямо назвали правительство Венгріи помѣхой для развитія и усиленія Австріи; когда, наконецъ, въ Лейпцигѣ появилось сочиненіе, внушенное, какъ утверждали, австрійскимъ правительствомъ: „Опытъ изложенія венгерской конституціи“ (Versuch einer Darstellung der hungarischen Constitution, von *Non quis sed quid*),—тогда смущеніе умовъ въ Венгріи стало всеобщимъ и глубокимъ. Недовольные раздѣлились однако на два лагеря. Одни были раздражены тѣмъ, что нашлись люди, сомнѣвающіеся въ достоинствахъ венгерской конституціи и говорящіе о перемѣнахъ въ ней; другіе же ожесточены были неконституціоннымъ характеромъ самаго правленія. Для послѣднихъ было ясно, что венгерское управленіе нуждается въ реформѣ, согласно съ духомъ времени; но при этомъ они желали, чтобы такая реформа произошла путемъ, согласнымъ съ узаконеніями. Это были именно тѣ люди, которые сумѣли вполнѣ оцѣнить преобразовательныя стремленія Іосифа II, направленныя къ общему благу людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко сожалѣли о томъ, что этотъ замѣчательный человѣкъ не дер-

жался согласныхъ съ конституціей формъ при выполненіи своихъ возвышенныхъ идей. Преемниковъ Іосифа эти люди осуждали еще больше за ихъ равнодушіе къ благосостоянію страны и за открытое сопротивленіе всякимъ реформамъ въ либеральномъ смыслѣ. Но изъ всѣхъ этихъ элементовъ не могло сложиться прочной оппозиціонной партіи, которая бы смѣло требовала реформъ.

Къ числу людей, настроенныхъ конституціонно, но принимавшихъ въ разчетъ и обстоятельства времени, принадлежалъ и секретарь намѣстничества Петръ Салай, человѣкъ съ просвѣщенными взглядами, не лишенный патріотизма, который не мѣшалъ ему въ точномъ исполненіи обязанностей по службѣ. Онъ принадлежалъ къ дворянскому сословію, хотя дворянская грамота фамиліи Салаевъ была обнародована въ Пештскомъ комитатѣ только въ 1816 году. Политическое образованіе свое Петръ Салай почерпнулъ изъ той довольно обширной литературы мелкихъ брошюръ, касающихся политическихъ вопросовъ, которая возникла во времена Іосифа II, возвратившаго падавшей Венгріи ея законныя права. Сдерживаемые до тѣхъ поръ умы пришли въ движеніе, и когда Леопольдъ II созвалъ сеймъ 1790 года, то внутреннее пробужденіе Венгерскаго народа выразилось во множествѣ газетъ и политическихъ брошюръ. „Эта форма политическихъ извѣстій, какъ справедливо замѣчаетъ Шпрингеръ, не вытекала изъ древнихъ венгерскихъ привычекъ, но существовала въ кружкахъ просвѣтителей временъ Іосифа II и была заимствована у нихъ; эта литература ждетъ еще своего собирателя и толкователя“. Петръ Салай принадлежалъ къ числу самыхъ ревностныхъ собирателей этой литературы: въ его библіотекѣ можно было найдти всѣ сколько-нибудь значительныя брошюры конца прошлаго столѣтія. Онѣ могли замѣнять ему политическія мадьярскія газеты, выходившія тогда въ Вѣнѣ: *Magyar Kurir, Magyar Hirmondó, Magyar Mercur,* и почти никогда не занимавшіяся внутренними дѣлами. Слѣдя за политической литературой своего времени, секретарь намѣстничества велъ также знакомство съ писателями, выдававшимися впередъ въ тогдашней мадьярской литературѣ, въ особенности съ ученымъ профессоромъ Степаномъ Горватомъ. Петръ Салай и дóма у себя оставался настоящимъ Мадьяромъ: хотя онъ зналъ нѣсколько языковъ, но его родной языкъ — а онъ былъ родомъ изъ Гранскаго или Острыгомскаго комитата — былъ господствующимъ въ его домѣ, между тѣмъ какъ городъ Буда или Офенъ, въ которомъ онъ жилъ, уже тогда казался нѣмецкимъ городомъ, благодаря своему чиновничьему населенію. Петръ Салай и самъ

былъ не прочь отъ ученыхъ занятій и опытовъ въ публицистикѣ. Такъ, между рукописями Пештскаго національнаго музея хранится до сихъ поръ его сочиненіе на мадьярскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Желанія истиннаго Венгерца“, которое можетъ служить доказательствомъ горячаго патріотизма его автора. Кромѣ того имъ составлены два латинскіе сборника: „Urbarium regni Hungariae“, оказавшій большую услугу урбаріальной коммиссіи, назначенной сеймомъ 1825 года, и „Memoria Palatinorum et Locumtenentium regiorum regni Hungariae fide diplomatica illustrata, studio et opera Petri Szalay concinnata“.

18-го апрѣля 1813 года, Терезія Салай, урожденная Рудольфъ, обрадовала секретаря намѣстничества рожденіемъ четвертаго сына, который получилъ имя Владислава. Все, что могли сдѣлать благоразуміе отца и любовь матери для воспитанія сына, было сдѣлано для маленькаго Владислава. Отецъ рано посадилъ его за книгу, и не смотря на свое слабое здоровье, еще въ семилѣтнемъ возрастѣ Владиславъ Салай былъ приготовленъ въ гимназію, которую онъ посѣщалъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ въ Офенѣ и потомъ два года въ Стольномъ Бѣлградѣ (Stuhlweissenburg, Székes Fejézvar); въ послѣднюю Владиславъ Салай былъ переведенъ отцомъ по совѣту Горвата, который самъ былъ жителемъ Бѣлграда; притомъ въ гимназіи этого города маленькій Салай могъ лучше ознакомиться съ мадьярскимъ языкомъ, нежели въ онѣмеченной гимназіи Офена. Изъ воспоминаній о гимназическомъ ученіи Салай въ послѣдствіи разказывалъ своимъ друзьямъ о томъ, какъ онъ однажды долженъ былъ говорить рѣчь при концѣ учебнаго года, при чемъ ему пришлось взойдти на каѳедру, на которую прежде онъ смотрѣлъ съ какимъ-то священнымъ трепетомъ. Эта рѣчь была направлена противъ поѣздокъ учениковъ домой, во время вакацій: онѣ обвинялись въ томъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль успѣвали вытѣснить изъ головы учениковъ все заботливо переданное учителями въ продолженіе года. Рѣчь эта написана была, разумѣется, однимъ изъ наставниковъ, притомъ высокопарнымъ латинскимъ языкомъ, и маленькій ораторъ, произносившій ее, не понялъ даже вполнѣ названія: Itinerationis lenocinium, и движимый любопытствомъ отыскалъ въ словарѣ ихъ значеніе. Надо впрочемъ замѣтить, что во второй гимназіи, въ Стольномъ Бѣлградѣ, Владиславъ Салай имѣлъ своими наставниками людей, отличавшихся національнымъ чувствомъ и еще довольно рѣдкою въ то время терпимостію въ религіозныхъ вопросахъ.

Въ 1825 году Владислава Салая постигъ первый чувствительный

ударъ: смерть отняла у него отца, который былъ его вѣрнѣйшимъ другомъ и совѣтникомъ. Вскорѣ послѣ того Салай кончилъ свое гимназическое ученіе и возвратился въ Пештъ. Онъ былъ въ мрачномъ расположеніи духа: серіозное настроеніе, которымъ онъ отличался въ продолженіе всей своей жизни, уже начинало сказываться въ 14-лѣтнемъ юношѣ; отъ чего тысячи его соотечественниковъ приходили въ восторгъ, на то едва вышедшій изъ школы юноша смотрѣлъ хотя не прозаическимъ, но трезвымъ взглядомъ. Въ то время въ Пештскомъ нѣмецкомъ театрѣ въ первый разъ давалось представленіе на мадьярскомъ языкѣ: патріоты блаженствовали, какъ будто отечество было освобождено отъ новаго нашествія Турокъ. Послѣ спектакля это важное событіе было отпраздновано шумнымъ пиромъ въ гостинницѣ „Семи курфирстовъ". Молодой Салай съ глубокимъ огорченіемъ смотрѣлъ на такія развлеченія націи, одушевлявшейся подобными мелочами. На слѣдующій день происходило погребеніе мадьярскаго виртуоза—цыгана Бигари: это также составляло важное событіе! Въ послѣдствіи Салай писалъ: „Тогда у меня было очень легко на сердцѣ, потому что я видѣлъ, что наше общество находилось въ первобытномъ мірѣ идиллій; но я зналъ также, что должна погибнуть та страна, которая могла оставаться при дѣтскихъ грёзахъ въ сосѣдствѣ со столькими зрѣлыми народами, и я понялъ болѣзненное негодованіе того Англичанина, которому жители „Дотисъ" разказывали однажды полныя чудесъ сказки о зеленоглазыхъ рыбкахъ съ золотыми перьями, водящихся въ глубинѣ ихъ водъ, а между тѣмъ не извлекли выгодъ изъ этихъ водныхъ богатствъ своей страны". Такимъ направленіемъ проникнутъ былъ Салай, оканчивая такъ-называемый философскій курсъ, который въ то время былъ равенъ нынѣшнимъ послѣднимъ двумъ классамъ гимназій. Наставники его были сильны въ системѣ преподаванія, усвоенной въ то время, но самая система была нехороша, и способные молодые люди, какъ Салай, обязаны были своимъ развитіемъ своимъ личнымъ занятіямъ.

Кромѣ того, Салая не оставлялъ своими совѣтами лучшій между тогдашними историками и филологами въ Венгріи, Стефанъ Горватъ, Этого ученаго многіе изъ современниковъ считали чудакомъ, а между тѣмъ въ своихъ сношеніяхъ съ молодыми людьми, у которыхъ замѣчалась охота и любовь къ наукѣ, онъ былъ ласковъ и дружелюбенъ, какъ никто другой. Но когда рѣшались затрогивать не совсѣмъ правильные результаты его научныхъ изслѣдованій, тогда его ожесточенію не было предѣловъ; когда онъ видѣлъ, что люди, едва прибли-

зившіеся къ преддверію науки, не хотѣли излагать основательно положеній, которыя онъ представлялъ какъ плодъ многолѣтнихъ изысканій, но старались выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ, при помощи дешевыхъ остротъ, тогда имъ овладѣвала неудержимая ярость. Всѣ знали эту слабость его и нарочно шутили надъ этимъ подвижнымъ человѣкомъ, и чѣмъ болѣе надъ нимъ смѣялись, тѣмъ раздражительнѣе и несговорчивѣе становился онъ. Какъ ни старался палатинъ Венгріи, эрцгерцогъ Іосифъ, убѣдить Горвата, чтобъ онъ соединился для общихъ научныхъ изслѣдованій съ совѣтникомъ Крибелемъ, труды котораго дѣйствовали возбудительно на Горвата, онъ никакъ не могъ достичь того. Въ послѣдствіи, когда основана была Венгерская академія наукъ, Горватъ не только отказался отъ чести принадлежать къ этому обществу, въ которомъ, впрочемъ, засѣдали многіе изъ самыхъ горячихъ его противниковъ, но даже весьма рѣзко отказалъ академіи въ просьбѣ передать въ ея библіотеку принадлежавшую ему драгоцѣнную рукопись венгерскаго филолога Ревай. „Я не нуждаюсь въ академіи, обыкновенно говаривалъ Горватъ, я одинъ работаю болѣе, чѣмъ вся академія“. И дѣйствительно, онъ работалъ богатырски, онъ засиживался по цѣлымъ ночамъ надъ изслѣдованіями о происхожденіи, древнѣйшей исторіи и языкѣ Мадьяръ; онъ обогатилъ венгерскую литературу множествомъ филологическихъ и историческихъ сочиненій, нерѣдко весьма страннаго содержанія, каково, напримѣръ, его сочиненіе: „О Германіи со временъ Моисея до Тацита“. Притомъ Горватъ былъ весьма ревностнымъ собирателемъ рукописей и книгъ, и эта страсть, которой предавался также и Петръ Салай, послужила связью между ними, которая перешла по наслѣдству и къ сыну Салая. Еще въ 1825 году Пештскій сеймъ назначилъ ежегодное вспомоществованіе въ 2.000 гульденовъ для библіотеки Горвата, и почти такъ же велики были постоянныя приношенія съ тою же цѣлію отъ частныхъ людей. Горватъ такъ добросовѣстно распоряжался этими деньгами, что послѣ своей смерти оставилъ библіотеку, въ которой было не менѣе 30.000 печатныхъ книгъ и множество цѣнныхъ рукописей. Такой-то человѣкъ научилъ молодаго Салая основательному знанію древней исторіи въ то время, когда другіе молодые люди, не заботясь о прошедшемъ и будущемъ, жили только радостями настоящаго. Горватъ также служилъ для Салая блестящимъ образцомъ твердости и чистоты характера, патріотизма и гуманности. Въ послѣдствіи баронъ Этвешъ, товарищъ Салая по ученію, писалъ: „Ни одинъ изъ нашихъ наставниковъ не училъ столь многихъ изъ насъ искренней любви къ

отечеству, какъ Горватъ". Однако, Салай, перенявъ хорошія качества у своего учителя, умѣлъ замѣтить его недостатки. Онъ понялъ, что здравая критика и философски-настроенный умъ составляютъ первое условіе для историческаго изслѣдователя, и его глубоко оскорбляли преслѣдованія и насмѣшки надъ Горватомъ; но онъ долженъ былъ сознаться, что его ученый другъ и наставникъ нерѣдко увлекался фантазіей, и твердая почва дѣйствительности уходила изъ-подъ его ногъ. Кромѣ Горвата, у Салая былъ еще неофиціальный наставникъ: поэтъ Павелъ Семери, искренно привязанный къ нему, не смотря на то, что былъ старше его 30-ю годами, заставилъ его полюбить философскія занятія.

Салай поступилъ въ 1829 году въ Пештскій университетъ по юридическому факультету. Когда онъ былъ на второмъ курсѣ, праздновался пятидесятилѣтній юбилей этого высшаго училища Венгріи. По этому случаю Салай, побуждаемый Семери, издалъ небольшую критическую работу подъ заглавіемъ: „Замѣчанія на третій и четвертый томы Музаріона", и посвятилъ ее своимъ товарищамъ. Объ этой работѣ мадьярскій поэтъ Кёльчей замѣтилъ въ своемъ письмѣ къ Салаю: „О Музаріонѣ едва-ли написано еще что-нибудь, что показывало бы такой глубокій взглядъ и разнообразное знаніе". Байза, который тогда уже составилъ себѣ почетное имя какъ критикъ, писалъ объ этой работѣ одному изъ мадьярскихъ литераторовъ отъ 6-го іюля 1830 г.: „Владиславъ Салай на десять лѣтъ моложе меня, и не смотря на то я нашелъ въ его замѣчаніяхъ на „Musarion" многое, чего я не зналъ до сихъ поръ; сознаюсь охотно и не краснѣя предъ каждымъ, что я узналъ оттуда о многомъ: но развѣ преступленіе—поучаться у человѣка, который моложе насъ десятью годами?"

Не смотря на свои ревностныя научныя занятія въ университетѣ, Салай былъ и остался глубоко поэтическою натурой. Мы приведемъ здѣсь одну черту изъ его жизни за то время, рѣзко характеризующую всего человѣка. Однажды, въ августѣ 1830 года, онъ зашелъ неожиданно, съ довольно объемистымъ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукѣ, къ одному изъ самыхъ близкихъ своихъ друзей и предложилъ ему скорѣе одѣться и ѣхать вмѣстѣ къ острову Маргариты, знакомому путешественникамъ, бывавшимъ въ Пештѣ, своимъ романтическимъ положеніемъ. Прибывъ на этотъ островъ, друзья расположились въ уютномъ мѣстечкѣ близь водъ Дуная; Салай открылъ дорожный мѣшокъ свой и вынулъ изъ него нѣсколько нумеровъ газетъ, въ которыхъ помѣщены были подробныя извѣстія объ іюльскихъ событіяхъ

въ Парижѣ. Новости были прочтены съ жадностью, и когда чтеніе кончилось, Салай сказалъ: „а теперь осушимъ стаканъ за свободу народовъ!“ Потомъ онъ вынулъ изъ дорожнаго мѣшка двѣ бутылки шампанскаго, и оба друга провели нѣсколько часовъ, распивая веселящій напитокъ въ честь важныхъ событій эпохи. Давно уже наступилъ вечеръ; надъ ихъ головами свѣтила луна, у ихъ ногъ катились съ шумомъ волны Дуная. Салай вырвалъ два небольшихъ листка изъ своей записной книжки и отдалъ одинъ своему другу, сказавъ: „Возьми, мы напишемъ тутъ свои имена!“ Потомъ онъ вложилъ въ каждую бутылку по одному листку, плотно закупорилъ пробкой и, бросивъ бутылки въ Дунай, прибавилъ: „Онѣ поплывутъ теперь далеко, далеко внизъ, въ Черное море, и Богъ знаетъ куда еще; наконецъ, ихъ найдетъ кто-нибудь, и хотя такимъ путемъ мы все же будемъ извѣстными людьми“. Оба друга обнялись молча и сѣли въ лодку, чтобъ отправиться въ Пештъ. Были ли когда-нибудь найдены эти бутылки — неизвѣстно, но оба друга сдѣлались извѣстными людьми, ибо спутникомъ Салая былъ баронъ Этвешъ.

Въ 1831 году Салай окончилъ свои научныя занятія правомъ и въ октябрѣ того же года попытался поступить на службу въ Сатмарскомъ комитатѣ; но всѣ сколько-нибудь способныя удовлетворить его честолюбіе мѣста были заняты. Онъ получилъ мѣсто практиканта при комитатскомъ нотаріатѣ, откуда можно было лучше всего присмотрѣться къ ходу комитатскихъ дѣлъ. Но онъ пробылъ тутъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ и снова вернулся въ Пештъ. Здѣсь принялъ его къ себѣ адвокатъ Іосифъ Май, жена котораго была въ родствѣ съ фамиліей Салаевъ, и молодой практикантъ правъ провелъ въ этомъ домѣ много счастливыхъ дней, воспоминаніе о которыхъ было тѣмъ пріятнѣе для него въ послѣдствіи, что это знакомство положило начало дальнѣйшей сердечной связи, которая озарила небогатую радостями жизнь Салая свѣтомъ искренняго семейнаго счастія. Въ 1832 г. Салай перешелъ на канцелярскую службу при намѣстничествѣ; а 30-го сентября слѣдующаго года онъ выдержалъ испытаніе на званіе адвоката, при чемъ коммиссарами были: графъ Леопольдъ Надажди, Георгъ Немети и нынѣшній архіепископъ, Іосифъ Лоновичъ. Но вмѣсто того, чтобы заняться юридической практикой, Салай, сдѣлавшись адвокатомъ, отказался отъ должности при намѣстничествѣ и посвятилъ себя научнымъ занятіямъ, намѣреваясь познакомиться со всѣмъ, что было замѣчательнаго въ иностранныхъ юридическихъ литературахъ. Но какъ бы въ доказательство вѣрности изрѣченія Жанъ-Поля, что каждый юноша есть поэтъ, Салай, погру-

жаясь въ сухія изслѣдованія юристовъ, писалъ въ минуты, когда приходило къ нему одушевленіе, прелестнѣйшія пѣсни. Сначала онѣ появлялись разбросанно въ отдѣльныхъ журналахъ, потомъ онѣ собраны были въ одинъ томъ подъ заглавіемъ „Bimbok“ (Почки). Пѣсни эти были писаны не безъ вліянія со стороны Этвеша, который былъ въ постоянной перепискѣ съ Салаемъ. По поводу этого сборника пѣсень Этвешъ писалъ своему другу: „Я получилъ твое письмо, равно и книгу; за то и другое прими мою благодарность и нижеслѣдующую коротенькую рецензію, которая исходитъ не изъ одного сердца, но также и головы, и потому заслуживаетъ довѣрія. Многіе считаютъ дѣтство весною жизни, но это не такъ: дѣтскій возрастъ есть оцѣпенѣлая зима съ блестящими хлопками снѣга и съ деревьями, блистающими отъ ледяныхъ узоровъ; ледяная кора лежитъ на всѣхъ чувствахъ; лишь въ немногихъ случаяхъ жизнь пробивается чрезъ этотъ ландшафтъ горячимъ ключомъ, но эти случаи вовсе не изъ самыхъ счастливыхъ. Не смотря на то, дѣтство есть самое счастливое время въ нашей жизни, потому что тогда жизнь еще полна и нѣтъ въ ней того дуализма, который причиняетъ въ послѣдствіи такъ много печалей. Но какъ въ природѣ переходъ отъ зимы къ веснѣ совершается чрезъ періодъ дождей, точно также и переходъ отъ дѣтскаго возраста къ юношескому обиленъ слезами, и лишь когда пройдена эта эпоха, открывается вокругъ насъ смѣющаяся весна: потомъ юноша становится мужемъ. Въ этотъ возрастъ теперь вступилъ и ты. Стихотворенія, которыя ты теперь посылаешь мнѣ въ одномъ сборникѣ, я встрѣчалъ еще раньше въ разныхъ мѣстахъ. Я поздравляю тебя, какъ творца этихъ роскошныхъ цвѣтовъ. Ты знаешь меня и не сочтешь за льстеца, если скажу тебѣ, что въ цѣломъ нашемъ отечествѣ нѣтъ такого таланта въ лирикѣ, который равнялся бы твоему: кто можетъ писать такіе стихи, тотъ поэтъ, и это могла сказать сама толпа“.

Не смотря на столь лестный отзывъ со стороны любимаго и остроумнаго друга, Салай оставилъ въ покоѣ свою лиру, но не покидалъ пера. Въ слѣдующіе годы онъ издалъ нѣсколько переводовъ, изъ коихъ драма, взятая съ французскаго: „Пастухъ Лазарь“ до настоящаго времени сохранилась въ репертуарѣ національнаго мадьярскаго театра; потомъ двѣ большія новеллы: „Письма Альфонса“ и „Фридрихъ и Каттъ“, разумѣется на мадьярскомъ языкѣ. Послѣднею новеллой Салай закончилъ рядъ своихъ беллетристическихъ работъ. Напрасно друзья склоняли его къ дальнѣйшимъ трудамъ на этомъ поприщѣ. „Художникъ не долженъ быть празднымъ, писалъ ему Кёльчей отъ 26-го октября

1834 г., потому что демонъ лѣности весьма злой демонъ; онъ поселяется постепенно и потомъ его нельзя уже выгнать. Я все еще вспоминаю съ удовольствіемъ о „Фридрихѣ и Каттѣ“; тамъ многое напоминаетъ мнѣ глубину и пылъ Виктора Гюго. Я охотно прочелъ бы разказъ о какомъ-нибудь событіи, касающемся Венгріи, изложенный въ такихъ же чертахъ, нѣсколько обширнѣе, но также отчетливо и ясно“. А чрезъ два года, когда Салай былъ назначенъ членомъ-корреспондентомъ Венгерской академіи наукъ, Кёльчей снова писалъ ему: „Меня радуетъ, что ты много занятъ. Работа и любовь къ жизни идутъ рука объ руку, но когда же ты снова представишь намъ литературное произведеніе? Отъ сочлена академіи можно ожидать этого съ полнымъ правомъ. Повѣрь мнѣ, я не знаю между нами другаго лучшаго таланта для новеллы, чѣмъ твой. Отчего не пойдти по этому пути?“ Но всѣ эти совѣты прошли безслѣдно для Салая. Уже тогда у него была та желѣзная воля и то несокрушимое терпѣніе, которыя не отступали отъ принятаго намѣренія ни предъ препятствіями, ни предъ заманивающими голосами приведенныхъ въ восторгъ друзей. Беллетристика была для него только упражненіемъ въ слогѣ; онъ занимался ею такъ, какъ занимаются обыкновенно танцовальнымъ искусствомъ: не для того, чтобы довести его до виртуозности и зарабатывать себѣ этимъ хлѣбъ, но чтобы пріучить себя къ легкости и граціи движеній. Уже тогда въ немъ окрѣпла мысль пересадить на венгерскую почву пріобрѣтенія современной юридической науки права и произвести формальную и матеріальную реформу въ венгерскомъ правѣ; а чтобъ его система скорѣй и легче нашла себѣ послѣдователей, ее надо было поддерживать пріобрѣтенною опытомъ силою слога: при помощи легкаго занимательнаго изложенія можно было сдѣлать привлекательными сухіе предметы, популяризацію которыхъ онъ предпринималъ.

Такіе замыслы должны были отвлечь Салая отъ трудныхъ занятій практическаго адвоката. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи была непродолжительна и принесла ему болѣе чести, чѣмъ денегъ. Къ тому же на адвокатское званіе онъ смотрѣлъ какъ на обязанность, а не какъ на средство къ жизни: „Я веду только такіе процессы, говаривалъ онъ, въ которыхъ я убѣжденъ, что мой кліентъ правъ, а за защиту справедливости трудно брать плату“. Однажды онъ выигралъ процессъ у человѣка, въ крайней бѣдности котораго убѣдился изъ актовъ; на этотъ разъ Салай взялъ вознагражденіе у своего кліента, но тотчасъ же положилъ въ пакетъ и отослалъ бѣд-

няку, противъ котораго велъ процессъ. Въ другой разъ онъ защищалъ цехъ красильщиковъ въ Пештѣ и выигралъ процессъ. Явилась депутація отъ цеха съ благодарностію и предложеніемъ вознагражденія. Салай упорно отказывался отъ послѣдняго, говоря; „Вы бѣдные ремесленники и можете лучше употребить ваши деньги". Староста цеха просилъ по крайней мѣрѣ дозволенія при случаѣ услужить какою-либо красильною работой. „Они упросили моего слугу Мишку, говорилъ потомъ Салай, дозволить имъ выкрасить его шкафъ для платья, когда меня не было дома". Это было весной, а осенью Салаю случилось уѣхать на два дня въ Стольный Бѣлеградъ, и когда онъ по возвращеніи въ Пештъ подходилъ къ воротамъ своего дома, то сильный запахъ поразилъ его, а когда вошелъ въ свою квартиру, подумалъ, что попалъ на терпентинный заводъ. Красильщики выкрасили двери, окна, полы, часть мебели, — словомъ, все, до чего только могла коснуться ихъ кисть. Мишка вышелъ на встрѣчу своему господину, лукаво улыбаясь и надѣясь видѣть его восторгъ отъ такого сюрприза. Салай понялъ, что случилось, молча подошелъ къ комоду, взялъ немного бѣлья, положилъ его въ дорожный мѣшокъ, и сказалъ растерявшемуся слугѣ: „Эти дни я буду жить въ гостинницѣ „Семи курфирстовъ". Въ дверяхъ онъ обернулся еще разъ, печально посмотрѣлъ на свою мебель и прибавилъ: „Видишь, Мишка, это происходитъ отъ того, что мы бываемъ корыстолюбивы". Такой корыстолюбивый человѣкъ, конечно, не могъ долго оставаться адвокатомъ; онъ окончательно перешелъ къ теоретическимъ и догматическимъ занятіямъ по юриспруденціи.

Не безъ ужаса долженъ былъ смотрѣть Салай на тогдашнее состояніе венгерской юстиціи и юриспруденціи. Зная юридическую литературу Европы, Салай постигалъ то страшное разстояніе, которое отдѣляло Венгрію отъ остальной Европы. Но еще болѣе его должно было поражать то обстоятельство, что лишь немногіе изъ юристовъ Венгріи сознавали эту отсталость и проникнуты были необходимостію исправительныхъ реформъ. Все законодательство Венгріи до 1848 г. представляло нескладную массу историческихъ наслоеній. Два фоліанта „Corpus juris hungarici seu decretum generale inclyti regni Hungariae etc.", собраніе „Praxis criminalis" и „Centuria certarum contrarietatum et dubietatum per Ioannem Kittonich", взятые вмѣстѣ, заключали въ себѣ не только все государственное право Венгріи, но также и все написанное по гражданскому и уголовному праву ея. Недостатокъ писанныхъ законовъ вызывалъ необходимость въ дополни-

тельномъ обычномъ правѣ. Случалось часто, что на практикѣ приходилось примѣнять законы, существовавшіе цѣлыя столѣтія; они находились въ слишкомъ явномъ противорѣчіи съ требованіями разума и съ измѣнившимся положеніемъ общества. Въ такихъ случаяхъ венгерскіе юристы прибѣгали къ особенному способу толкованія законовъ. Они до тѣхъ поръ примѣняли толкованіе за толкованіемъ къ существовавшему закону, пока не доискивались того смысла, который былъ нуженъ имъ и который во многихъ случаяхъ находился въ полномъ противорѣчіи съ буквальнымъ смысломъ закона. Открывавшіеся ежегодно въ венгерскомъ законодательствѣ недостатки нѣсколько сглаживались тѣмъ обстоятельствомъ, что примѣненіе закона въ низшихъ, даже отчасти и въ среднихъ, инстанціяхъ находилось въ рукахъ выборныхъ судей: между ими и населеніемъ существовали прочныя искреннія отношенія, которыя на практикѣ уменьшали зло, очень рѣзко выдававшееся въ теоріи. Но такое положеніе дѣлъ не было нормально и могло угрожать опасностями для внутренней жизни цѣлой страны. Уже по всей Венгріи ходила пословица: „Plus valet favor in judice, quam lex in codice“; приближалась эпоха перелома въ юридическомъ бытѣ Венгріи. Салай отлично понялъ эту болѣзнь своего времени и рѣшился быть руководителемъ своего народа въ виду приближавшейся опасности. Уже давно онъ велъ переписку съ нѣмецкими юристами, особенно съ Гансомъ въ Берлинѣ. Наконецъ, въ 1837 году онъ рѣшился начать изданіе, которое бы сообщало венгерской публикѣ, въ особенности судьямъ и адвокатамъ, въ доступной формѣ все наиболѣе важное и примѣнимое къ венгерской жизни изъ новѣйшей литературы права. Вслѣдствіе этого появилась первая тетрадь юридическаго сборника „Themis“, всего девяносто страницъ, но за то интересныхъ и основательныхъ отъ первой до послѣдней. Въ предисловіи Салай выражалъ надежду, что венгерскіе юристы поддержатъ его предпріятіе; но немногіе примкнули къ нему, прежде всѣхъ Этвешъ, потомъ Гендермиллеръ, Пульскій и Трефортъ; какъ пишущая, такъ и читающая публика остались равнодушны къ предпріятію Салая; лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ могла появиться вторая тетрадка, а съ третьею предпріятіе вполнѣ прекратилось. Единственнымъ вознагражденіемъ такихъ трудовъ Салая было назначеніе его исправляющимъ должность секретаря и ординарнымъ членомъ юридическаго отдѣленія при Венгерской академіи наукъ (28-го сентября 1837 года).

Около того же времени Владиславъ Салай предпринялъ первое путешествіе по Германіи, Бельгіи и Франціи. Его влекло желаніе непо-

средственно ознакомиться съ тою юридическою жизнію Германіи и Франціи, которую до тѣхъ поръ онъ изучалъ только по книгамъ. Пріѣхавъ въ Парижъ, Салай познакомился со многими изъ тамошнихъ адвокатовъ. Свѣдѣнія совершенно новаго рода, которыми обладали французскіе юристы, ловкость ихъ рѣчей и ясность взгляда на отношенія судебной власти къ обществу, сословное чувство и духъ независимости, вселили въ него уваженіе къ французскимъ адвокатамъ и судьямъ, и онъ проводилъ цѣлые дни въ залахъ судовъ. „Я какъ будто предчувствовалъ", писалъ онъ однажды адвокату Маю, „что мнѣ придется когда-нибудь защищать болѣе разумныя формы юрисдикціи противъ устарѣлыхъ, и что мнѣ надо учиться, если я хочу доставить побѣду моимъ принципамъ; я провожу время отъ десяти часовъ до обѣда то въ одной, то въ другой палатѣ судебнаго зданія". Особенно въ тѣсныя сношенія вошелъ Салай съ Лерминье, который когда-то учился въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ, былъ извѣстенъ въ Парижѣ своими чтеніями по исторіи права, а въ Германіи — тѣмъ, что въ своемъ сочиненіи: „Au delà du Rhin", помѣстилъ нѣсколько рѣзкихъ и грубыхъ замѣчаній противъ короля Людовика Баварскаго, и необыкновенно оригинальнымъ переводомъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ Фауста [1]). Этотъ оригинальный литераторъ былъ однакожъ полезенъ Салаю своими юридическими познаніями. Салай, впрочемъ, не долго пробылъ въ Парижѣ: весной 1839 года онъ уже вернулся въ Пештъ, и скоро послѣ того на годичномъ засѣданіи академіи наукъ, прочелъ прекрасную статью, подъ заглавіемъ: „Францъ Коллеръ, какъ публицистъ", въ которой развивалъ свои воззрѣнія на задачу венгерскихъ юристовъ. Здѣсь онъ прямо называлъ шагомъ назадъ, сравнительно съ венгерскою юриспруденціей прошлаго столѣтія, тотъ взглядъ, который утверждалъ, что венгерское право есть нѣчто отдѣльно существующее, замкнутое въ себѣ и совершенно несходное съ правомъ другихъ націй. Этотъ взглядъ особенно часто сталъ высказываться въ венгерской литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ Салай при помощи изданія „Themis" познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ сущностію государственнаго права важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Вторая смѣлая мысль въ статьѣ Салая состояла въ томъ, что онъ, будучи католикомъ, высказался за полное разграниченіе и взаимную самостоятельность государства и церкви. „Повидимому, писалъ онъ, такого раздѣленія не можетъ быть, но съ другой стороны не могутъ быть возстановлены и дружескія отноше-

[1]) Напримѣръ: «Nur durch die Haine — Ah seulement la haine,
Zu Stock und Steine — le combat et la lutte».

нія между обѣими властями. Объ этомъ нельзя и подумать до тѣхъ поръ, пока церковь не возвратится къ своему естественному устройству, то-есть, до тѣхъ поръ, пока народъ, который въ соединеніи съ правительствомъ даетъ свѣтскіе законы, не будетъ составлять церковныхъ законовъ вмѣстѣ съ духовенствомъ: это вовсе не смѣлое положеніе, это нѣчто вполнѣ непреложное. Церковь сама должна сдѣлать предложеніе въ этомъ родѣ, если хочетъ выйдти побѣдоносною изъ борьбы. Жаловаться на свѣтскую власть и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать старыя отношенія, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, значило бы предаваться лицемѣрію". Такіе взгляды, высказываемые столь откровенно, не могли служить въ то время рекомендаціей для молодаго человѣка, который хотѣлъ составить себѣ карьеру въ Венгріи.

Однакожь, мало по малу идеи Салая стали прививаться на венгерской почвѣ. Пештскій сеймъ 1840 года издалъ такія дополненія къ урбаріальному закону, которыя были шагомъ впередъ по тому пути, который долженъ былъ привести къ полному освобожденію крестьянской земли; составлены были новый вексельный уставъ и положеніе о конкурсахъ, и наконецъ, учреждена была коммиссія, которая должна была представить къ ближайшему сейму проектъ уголовнаго законодательства, уголовнаго процесса и учрежденія тюремъ. Желанія Салая такимъ образомъ приближались къ исполненію, и онъ съ новымъ рвеніемъ принялся за работу. Не смотря на неудачу его „Themis", онъ началъ изданіе *Buda-pesti szemle* („Пештъ-Будинское Обозрѣніе"), которое точно также отъ недостатка сочувствія прекратилось со вторымъ томомъ, и однако въ статьѣ о кодификаціи, появившейся въ этомъ обозрѣніи и дошедшей почти до объема книги, онъ доставилъ коммиссіи, назначенной сеймомъ, такое изобиліе самаго драгоцѣннаго матеріала, какое едва-ли когда-нибудь предлагалъ въ подобныхъ случаяхъ отдѣльный публицистъ. Но всѣ эти замѣчательныя работы не могли обезоружить зависти и примирить съ Салаемъ поклонниковъ прежняго времени, горевавшихъ о томъ, что нарушена ихъ неподвижность. Одни не могли простить Салаю его юридической проницательности и обширнаго знакомства съ литературою права у всѣхъ образованныхъ народовъ; другихъ пугали постоянныя указанія на Германію, Францію, Англію, и они защищались тою отговоркой, на которую Салай горячо нападалъ еще прежде,—именно, что Венгрія есть нѣчто совершенно отдѣльное, и потому не можетъ брать себѣ за образецъ никакого другаго государства. Чтобы совершенно уничтожить Салая въ общественномъ мнѣніи, пріискали нако-

нецъ прозвище, съ которымъ никто не соединялъ его настоящаго значенія, но всякій придавалъ особый ненавистный смыслъ: Салая прозвали „Гегеліанцемъ". Кто былъ Гегель, о томъ знали тогда въ Венгріи не болѣе ста человѣкъ, да и изъ нихъ большая часть едва-ли прочли хоть одну строку изъ сочиненій нѣмецкаго философа. Салай, съ своей стороны, смѣялся надъ невѣжествомъ массы и въ предисловіи ко второму изданію своей статьи о кодификаціи, сказалъ: „Философской фразеологіи въ первой части моего труда о кодификаціи я обязанъ тѣмъ, что меня почтили титуломъ ученика Гегеля, безъ сомнѣнія по излишней благосклонности. Non sum dignus tanto honore. Между тѣмъ я былъ только ученикомъ одного изъ учениковъ Гегеля. Изученіе юридическихъ сочиненій Берлинскаго профессора Эдуарда Ганса, письменныя поощренія и совѣты этого великаго человѣка при началѣ моего поприща, знакомство съ новой французской школой права, на которую Гегель имѣлъ существенное вліяніе— все это помогло мнѣ обработать мое сочиненіе, и оно должно показать, что Эдуардъ Гансъ былъ для меня учителемъ, руководителемъ и другомъ, въ то время, когда я тщетно искалъ кругомъ себя примѣра, тщетно искалъ друга". Въ этихъ словахъ Салай выставилъ въ очень скромномъ свѣтѣ свои отношенія къ Гансу: уваженіе и обмѣнъ знаніями между обоими учеными были взаимны. Гансъ въ своемъ письмѣ отъ 29-го декабря 1837 г. писалъ Салаю: „Мнѣ было бы пріятно, если бы вы дозволили мнѣ вступить съ вами въ болѣе подробную переписку. Пятая часть моего сочиненія о наслѣдственномъ правѣ будетъ посвящена нѣмецкому праву, праву Славянъ и Мадьяръ. Такъ какъ мадьярское право легче славянскаго, ибо источники и вспомогательныя средства писаны на латинскомъ языкѣ, то вы значительно помогли бы моему предпріятію и обязали бы меня публично изъявить вамъ благодарность, если бы пожелали вкратцѣ сообщить мнѣ изъ мадьярскихъ источниковъ, недоступныхъ мнѣ по языку, то, что интересно знать въ отношеніи семейнаго и наслѣдственнаго правъ". Въ другомъ письмѣ, отъ 18-го мая 1838 года, Гансъ говоритъ: „Я весьма желаю, чтобы вы были такъ добры — согласились быть моимъ проводникомъ въ области венгерскаго семейнаго и наслѣдственнаго права: это было бы для меня очень полезно даже въ томъ случаѣ, если бы многія изъ венгерскихъ юридическихъ книгъ находились въ здѣшней библіотекѣ. Пройдите со мною, какъ съ совершенно несвѣдущимъ, по области венгерскаго права и повѣрьте мнѣ, что я никогда не забуду вашей дружеской предупредительности".

Какъ бы въ отвѣтъ на взведенные на него упреки, Гегеліанецъ отправился въ апрѣлѣ 1840 года въ новое путешествіе по Германіи и посѣтилъ потомъ Голландію и Англію, съ цѣлію изучить уголовное право, уголовный процессъ и институтъ присяжныхъ. Всего долѣе онъ оставался у Миттермайера, который съ своей стороны сталъ учиться у Салая венгерскому праву. 18-го мая Салай писалъ изъ Гейдельберга въ Пештъ своему другу, адвокату Маю: „Тайный совѣтникъ Миттермайеръ, президентъ второй палаты въ Карльсруэ, хочетъ скорѣе получить наше только-что утвержденное вексельное право; онъ проситъ васъ чрезъ меня объ этомъ. Я присоединяю мою просьбу, такъ какъ въ домѣ Миттермайера я былъ окруженъ доказательствами дружбы“. Все лѣто и осень Салай провелъ въ изученіи нѣмецкаго и англійскаго права. Къ концу года Салай возвратился и привезъ съ собой не только богатый запасъ знанія и опыта, но и сочиненіе: „Объ уголовномъ процессѣ, особенно по отношенію къ суду присяжныхъ“, которое и вышло въ свѣтъ въ началѣ 1841 года. Здѣсь Салай обнаружилъ свой самостоятельный характеръ: хотя все сочиненіе было написано подъ непосредственными впечатлѣніями, полученными отъ сношеній съ Миттермайеромъ, но Салай нисколько не затруднился назвать ошибочными нѣкоторыя изъ положеній знаменитаго нѣмецкаго юриста и старался исправить ихъ. Примѣры изъ нѣмецкой, англійской и швейцарской юридической практики новѣйшаго времени, которые Салай приводилъ въ своемъ сочиненіи, показываютъ лучше всего, какъ превосходно онъ воспользовался пребываніемъ своимъ въ этихъ странахъ.

Между тѣмъ коммиссія, занимавшаяся составленіемъ уголовнаго кодекса къ предстоящему сейму, увидала, что не можетъ обойдтись безъ содѣйствія Салая. Члены ея: графъ Евгеній Зичи, графъ Иванъ Пеячевичъ, Францъ Пульскій, Діонисій Пазванди, Гавріилъ Кляузаль, баронъ Іосифъ Этвешъ, баронъ Бела Венкгеймъ, Иванъ Солтанъ, Францъ Деакъ, настояли на томъ, чтобы 27-лѣтній Салай, хотя и не бывшій членомъ сейма, назначенъ былъ секретаремъ ихъ коммиссіи. Съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ принялся Салай за новую работу: со всѣхъ концовъ и угловъ Европы онъ добывалъ необходимые матеріалы; всѣ его знакомые были обложены контрибуціей для этой цѣли; такіе поиски возложены были на путешествовавшихъ тогда по Германіи адвокатовъ Лоренца Тота, Стефана Горове и Жедени. Съ тѣхъ поръ работы коммиссіи пошли на столько быстро, на сколько дозволяли то обширность и важность самаго дѣла. Мнѣнія замѣчатель-

ныхъ юристовъ новаго времени, опыты государствъ, наиболѣе извѣстныхъ своею законодательною дѣятельностью въ области уголовнаго права, были призваны на помощь. Еще и теперь, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ, можно сказать, что рядъ проектовъ, составленныхъ коммиссіей и предложенныхъ сейму 1843 года, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ работъ въ исторіи европейскихъ законодательствъ. Миттермайеръ, которому былъ представленъ проектъ, былъ сильно обрадованъ имъ, и помѣстилъ большую статью о немъ въ своемъ *Центральномъ Архивѣ*. „Ни въ одномъ кодексѣ, писалъ между прочимъ Миттермайеръ, нѣтъ такой оригинальности, какъ въ этомъ венгерскомъ проектѣ. Стремленіе къ созданію свода законовъ, соотвѣтствующихъ успѣхамъ времени, требованіямъ справедливости и новѣйшимъ воззрѣніямъ на уголовное право, это стремленіе не выразилось нигдѣ въ столь высокой степени, какъ въ этомъ трудѣ венгерскихъ юристовъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Миттермайеръ просилъ Салая сообщить для его журнала описаніе сеймовыхъ преній о новомъ кодексѣ. Извѣстно впрочемъ, что большинство членовъ венгерскаго сейма смотрѣло на этотъ кодексъ, какъ на слишкомъ смѣлое предпріятіе, и онъ до сихъ поръ не получилъ значенія дѣйствующаго законодательства, ибо австрійское правительство смотрѣло на него послѣ 1848 года еще строже, нежели венгерскій сеймъ. Есть, впрочемъ, надежда, что нынѣшнее венгерское правительство вытащитъ изъ сеймовыхъ архивовъ труды коммиссіи, не малое участіе въ которыхъ принималъ Салай.

Впрочемъ, для Салая не было потеряно время, которое онъ посвятилъ этому занятію. Онъ достаточно былъ вознагражденъ дружбою Деака, который занималъ самое видное мѣсто въ коммиссіи, и будучи старѣе Салая на десять лѣтъ, сразу овладѣлъ воспріимчивымъ сердцемъ молодаго юриста. Въ послѣдствіи, когда Салай узналъ поближе Деака, чувство уваженія къ нему перешло въ немъ въ глубокую привязанность. Салай болѣе чѣмъ кто-либо другой могъ оцѣнить спокойный умъ и твердый характеръ Деака. „Въ моей юности, говоритъ Салай въ одномъ изъ своихъ писемъ, я читалъ такую характеристику Жанъ-Поля: онъ могъ писать самое замѣчательное и возвышенное произведеніе о безсмертіи души и вмѣстѣ съ тѣмъ радоваться отъ всего сердца, что въ то же самое время приготовляютъ ему въ кухнѣ пирогъ съ яйцами. Тогда это показалось мнѣ необыкновенно великимъ. Но я видѣлъ, какъ Францъ Деакъ нерѣдко бросался въ самую средину народнаго волненія, спокойно и величе-

ственно раздѣлялъ одной рукой бѣгущія другъ на друга волны и въ то же время другой рукой твердо держалъ надъ волнующимися знамя права, а чрезъ полчаса потомъ шутилъ съ толпою дѣтей и самъ былъ беззаботенъ и веселъ какъ дитя, или велъ веселый разговоръ съ друзьями, сопровождая его цѣлымъ потокомъ шутокъ и забавныхъ замѣчаній. Тогда великій нѣмецкій писатель показался мнѣ уже малымъ въ сравненіи съ нашимъ бойцомъ за свободу и право". Въ другой разъ Салай, отвѣчая на запросъ одного изъ своихъ друзей, какъ ему поступать при рѣшеніи общественныхъ и политическихъ вопросовъ, волновавшихъ тогда Венгрію, писалъ: „Еслибъ я могъ дать вамъ приложимый къ дѣлу отвѣтъ, то мнѣ пришлось бы только сказать: слѣдуйте такимъ началамъ, какія на будущемъ сеймѣ Деакъ признáетъ за свои". Нельзя выразить короче уваженіе ученика къ своему наставнику. Наконецъ, знакомство съ Деакомъ и съ нѣкоторыми изъ членовъ венгерскаго сейма имѣло то вліяніе на судьбу Салая, что онъ отъ занятій политическаго писателя перешелъ къ дѣятельности практической на томъ же поприщѣ. При содѣйствіи своихъ друзей, Салай былъ выбранъ на сеймъ 1843 года депутатомъ отъ королевскаго вольнаго города Крупины (мад. Korpona, нѣм. Karpfen), одного изъ самыхъ старыхъ, но также и самыхъ маленькихъ между венгерскими городами: въ немъ насчитывается около 3.500 жителей.

Полномочіе отъ вольнаго королевскаго города имѣло важное значеніе въ то время. По старому венгерскому закону, каждый королевскій вольный городъ или совокупность его гражданъ (civium unitas) равнялся одному дворянину на сеймѣ, но отдѣльные граждане вовсе не пользовались равными правами съ дворянами. Ихъ положеніе не было нисколько лучше крестьянскаго, относительно участія въ налогахъ и политическаго безправія. За сомнительную честь не находиться подъ управленіемъ комитатскихъ властей, но имѣть свой собственный сенатъ и составлять неотъемлемое достояніе казны, каждый королевскій вольный городъ въ Венгріи долженъ былъ вносить кромѣ общаго налога еще королевскій цензъ, покрывалъ часть расходовъ короля на сеймъ и до такой степени зависѣлъ отъ королевской придворной камеры, что городское управленіе по собственной власти могло располагать не болѣе какъ пятьюдесятью гульденами. Представители этихъ городовъ, выбиравшіеся не отъ населенія, но отъ магистрата, при содѣйствіи такъ-называемаго внѣшняго совѣта, составляли на сеймѣ четвертое сословіе. Но такъ какъ каждый королевскій вольный городъ равнялся лишь одному дворянину, то полсотня вольныхъ городовъ,

взятыхъ вмѣстѣ, разсматривалась какъ одинъ комитатъ, и потому депутаты ихъ, взятые вмѣстѣ, имѣли только одинъ голосъ. Легко объяснить происхожденіе этого очевиднаго зла, если вспомнить, что большинство городскаго населенія состояло преимущественно изъ нѣмецкихъ переселенцевъ, которые не принимали никакого участія въ завоеваніи страны и въ началѣ могли смотрѣть какъ на милость, что имъ было даровано хотя столь ограниченное вліяніе на общественныя дѣла. Къ тому же пренебреженіе къ королевскимъ вольнымъ городамъ было менѣе замѣтно въ болѣе древнее время и даже въ первую четверть нынѣшняго столѣтія, нежели потомъ. Всѣ вопросы на сеймѣ рѣшались обыкновенно тремя сословіями, ибо отдѣльный голосъ четвертаго не имѣлъ никакого значенія. А такъ какъ духовенство, магнаты и комитатское дворянство почти всегда были согласны въ своихъ рѣшеніяхъ, то было рѣшительно все равно, имѣли ли королевскіе вольные города одинъ или пятьдесятъ голосовъ. Однако, дѣло могло принять другой оборотъ, въ случаѣ допущенія въ законодательныхъ засѣданіяхъ принципа рѣшенія вопросовъ по большинству голосовъ. Хотя въ венгерскомъ сеймѣ не существуетъ еще и до сихъ поръ настоящей подачи голосовъ, но на такъ-называемыхъ циркулярныхъ засѣданіяхъ, подготовляющихъ обыкновенное рѣшеніе дѣлъ, депутаты отъ комитатовъ подаютъ голоса по одиночкѣ. Извѣстно, что въ административномъ отношеніи Венгрія дѣлится на четыре округа, и депутаты комитатовъ, принадлежащихъ къ одному такому округу, могутъ сходиться въ окружныя засѣданія для предварительныхъ совѣщаній. А есть случаи, когда для такихъ совѣщаній сходятся депутаты всѣхъ четырехъ округовъ и составляютъ общее рѣшеніе, такъ что настоящія засѣданія нижней палаты обращаются иногда въ одну формальность. Въ этихъ случаяхъ еще рѣзче должно было обнаруживаться неправильное распредѣленіе голосовъ въ отношеніи къ королевскимъ вольнымъ городамъ. Сами жители этихъ вольныхъ городовъ уже давно не считали себя иностранцами и на самомъ дѣлѣ не были ими. Если они не могли отказаться отъ нѣкоторыхъ внѣшностей своего первоначальнаго происхожденія, то по политическимъ убѣжденіямъ и матеріальнымъ интересамъ они были чистыми Венгерцами, а потому они считали себя въ правѣ требовать такихъ же правъ, какими пользовалось даже мелкое дворянство, которое они превосходили и образованіемъ. Торговля и промышленность, которыя поддерживаются въ Венгріи почти исключительно городскимъ сословіемъ, также пріобрѣтали съ каждымъ днемъ все большее и большее зна-

ченіе. Являлась необходимость, чтобъ и эти представители національнаго благосостоянія были защищаемы на сеймѣ съ соотвѣтствующимъ ихъ значенію успѣхомъ. Уже не разъ случалось, что депутаты отъ городовъ заявляли на сеймѣ о несоразмѣрности между ихъ правами и правами депутатовъ отъ комитатовъ. Однажды депутату отъ города Пешта, Яри, осмѣлились замѣтить, чтобъ онъ не забывалъ, что выбранъ собственно лишь нѣсколькими сенаторами; тогда онъ отвѣчалъ: „Тѣмъ не менѣе мои избиратели все же были трезвые люди". Это выраженіе вызвало страшное волненіе въ сеймѣ, ибо въ немъ скрывался язвительный намекъ на подкупы при выборахъ комитатскихъ депутатовъ.

Такимъ образомъ положеніе Салая на сеймѣ въ качествѣ городскаго депутата имѣло свое значеніе. Кромѣ того оно было затруднительно потому, что оппозиція по вопросу о городахъ выходила изъ двухъ весьма уважительныхъ причинъ. Партія консервативной аристократіи сопротивлялась эманципаціи вольныхъ городовъ потому, что возрастающее вліяніе городовъ, населенныхъ преимущественно Нѣмцами и Славянами, могло сдѣлаться опаснымъ для мадьярской національности; партія либеральная потому смотрѣла враждебно на города, что населеніе послѣднихъ было самымъ упорнымъ противникомъ реформъ, каковы свобода ремеслъ, эманципація Евреевъ и т. п. Салай въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ согласно съ своими убѣжденіями. 27 мая 1843 года на сеймѣ поднятъ былъ вопросъ о назначеніи коммиссіи, которая должна была разработать проектъ закона объ организаціи и правѣ голоса королевскихъ вольныхъ городовъ, и Салай во время преній замѣтилъ, что сохраненіе вольныхъ городовъ необходимо и введеніе для нихъ настоящей представительной системы не представляетъ никакой опасности для другихъ сословій. „Мои избиратели, заключилъ Салай, думаютъ, что даже самая опасная справедливость менѣе опасна, чѣмъ самая малая несправедливость". Рѣчь была коротка и не произвела никакого впечатлѣнія на слушателей. Предложеніе о назначеніи коммиссіи было бы принято и безъ рѣчей въ ея пользу. Но 27-го сентября того же года, когда сейму былъ представленъ докладъ этой коммиссіи, Салай произнесъ рѣчь, которая не только касалась вопроса о городахъ, но и заключала въ себѣ полную политическую программу, руководившую Салая въ прололженіе всей его жизни. Надо замѣтить, что рѣчи городскихъ депутатовъ слушались на венгерскомъ сеймѣ всегда невнимательно, и когда съ одной изъ самыхъ заднихъ скамей поднялась незначительная фигура депутата отъ города Крупины, то никто и не предчувствовалъ, что предстояло такое значительное объ-

ясненіе. Притомъ Салай ненавидѣлъ все, что̀ могло напоминать собою блескъ; его выраженія были умѣренны и не могли служить ручательствомъ за успѣхъ среди разгоряченной аудиторіи. Но едва только Салай сказалъ первыя фразы, какъ въ сеймовой залѣ наступило глубокое молчаніе. Безереди, въ то время одинъ изъ корифеевъ либеральной партіи, поднявшій самый вопросъ о коммиссіи, этотъ „гражданинъ и другъ людей въ самомъ высокомъ значеніи слова“, какъ называлъ его Салай, повернулся на своемъ мѣстѣ и не спускалъ болѣе глазъ съ молодаго оратора; большинство послѣдовало его примѣру. Въ рѣчи Салая много говорилось о Status et Ordines, объ отношеніяхъ между венгерскими сословіями, о чемъ почти никогда не говорили на Пештскомъ сеймѣ. „Дѣло идетъ уже не о возстановленіи нѣсколькихъ городскихъ голосовъ, говорилъ Салай, но о принятіи въ законодательное собраніе совершенно новаго элемента, городскаго, такъ-называемаго четвертаго сословія; этотъ самый новый и молодой элементъ допускаетъ выраженіе всякой способной къ жизни идеи, въ то время какъ всѣ другіе элементы совершенно смотрятъ назадъ“. Когда послышалось нѣсколько противорѣчій, тогда Салай прибавилъ еще рѣшительнѣе: „Я не знаю аристократіи, которая, подобно Янусу, могла бы смотрѣть въ одно время и впередъ и назадъ“. Затѣмъ онъ возвратился къ вопросу о городскомъ сословіи и говорилъ: „Этотъ новый и самый молодой элементъ, какъ представитель истинныхъ нуждъ и потребностей времени, уничтожитъ рано или поздно всѣ другіе элементы посредствомъ большаго химическаго процесса“... Затѣмъ Салай весьма спокойно замѣтилъ, что онъ находитъ большое сходство между Франціей 1789 г. и Венгріей 1843 г. Это выраженіе произвело смущеніе въ залѣ, и Салай долженъ былъ прибавить: „Я сказалъ 1789 г., а не 1791 и слѣдующихъ лѣтъ“,—и потомъ предложилъ слушателямъ весьма искусную паралель между этими двумя годами, указывая на ихъ взаимное отличіе. Чѣмъ далѣе онъ говорилъ, тѣмъ болѣе расширялся горизонтъ, который онъ старался раскрыть предъ своими слушателями: онъ указалъ на неизбѣжность постепеннаго паденія всѣхъ сословныхъ привилегій, на то, что всѣ элементы, входившіе въ составъ націи, рано или поздно, придутъ къ пользованію конституціонными правами. Онъ не отрицалъ, что такимъ образомъ были бы вытѣснены всѣ существующія формы управленія Венгріи и наконецъ были бы разрушены, но когда кончено произведеніе, художникъ можетъ спокойно разбить форму. Салай не требовалъ ограниченія правъ комитатскихъ муниципій, но муниципальный федерализмъ

не былъ той формой, въ которой онъ представлялъ себѣ величіе отечества. „Въ тотъ день, говорилъ онъ, когда сеймъ будетъ защищать въ дѣйствительности всю націю, здѣсь не будетъ никакихъ Status et Ordines, никакихъ комитатовъ и городовъ, но будутъ только представители, представители одной великой націи“. Такимъ образомъ рѣчь Салая была полною программой новой политической партіи, которую онъ сталъ поддерживать какъ публицистъ и которой остался вѣренъ до гроба.

ГЛАВА II.

Владиславъ Салай съ 1848 года до изданія въ свѣтъ перваго тома его «Исторіи».

Въ началѣ сороковыхъ годовъ обыкновенно говорили о двухъ политическихъ партіяхъ въ Венгріи, о консерваторахъ и либералахъ, и сравнивали ихъ съ англійскими торіями и вигами; но ни это сравненіе, ни самое названіе партій не были справедливы. Элементы, находившіеся въ каждомъ изъ двухъ лагерей, были столь различныхъ свойствъ, что надо говорить не о двухъ, а о нѣсколькихъ партіяхъ. Внутри такъ-называемой консервативной партіи было въ сущности три партіи, изъ коихъ двѣ едва-ли могли быть названы консервативными. Консервативною считалась собственно партія правительственная, не имѣвшая никакой программы, если не считать программою желаніе во что бы то ни стало идти за правительствомъ. Но правительство само далеко не всегда было консервативно въ своей венгерской политикѣ; на конституцію Венгріи оно смотрѣло, какъ на необходимое зло. Не проходило ни одного засѣданія земскихъ чиновъ безъ длиннаго ряда жалобъ на противоконституціонныя мѣры правительства, и тѣ, которые защищали эти мѣры только потому, что онѣ шли сверху, не могли назваться консерваторами уже потому, что настоящіе консерваторы осуждали эти мѣры. Консерваторами, въ полномъ смыслѣ этого слова, были только желавшіе удержать безъ измѣненія конституцію, существовавшую уже нѣсколько вѣковъ, которымъ, вслѣдствіе того, всякая перемѣна въ ней была непріятна, будь она въ интересахъ правительства или въ интересахъ либеральныхъ принциповъ. Подъ общимъ названіемъ консерваторовъ понимали, вмѣстѣ съ правительственною и этою „феодальною“ партіей, еще третью, которая имѣла очень много общихъ чертъ съ либералами, но направле-

ніе которой еще не выяснилось, такъ что не знали, консервативный или либеральный элементъ составлялъ главный ея характеръ. Эта партія не требовала глубокаго политическаго преобразованія, но она не удовлетворялась современнымъ положеніемъ въ отношеніяхъ соціальномъ и народно-экономическомъ. Ограниченіе власти комитатовъ, централизація управленія, свобода печати, гласный судъ и тому подобные вопросы не были въ ея вкусѣ: мысли этой либерально-консервативной партіи останавливались на уничтоженіи поземельнаго налога и цеховъ, на уничтоженіи постоянныхъ цѣнъ, на введеніи вексельнаго права, постановленія котораго были бы обязательны и для дворянства, на улучшеніи сельскаго хозяйства, торговли, путей сообщенія, и наконецъ, на взиманіи податей съ дворянства. Эта партія нашла себѣ энергическаго руководителя въ графѣ Стефанѣ Сечени и составляла переходъ къ такъ-называемымъ либераламъ. Подъ этимъ общимъ именемъ также понимали нѣсколько совершенно различныхъ партій. Существующая конституція указывала преобладающему большинству либеральной оппозиціи не только законную исходную точку, но и направленіе желаемыхъ реформъ. Самоуправленіе комитата было основаніемъ конституціи. Во главѣ комитата стоялъ наслѣдственный или назначенный великій жупанъ, или, такъ какъ онъ рѣдко жилъ въ комитатѣ, вице-жупанъ, избираемый на три года. Управленіе находилось, впрочемъ, въ рукахъ общаго собранія, состоявшаго изъ всего комитатскаго дворянства; оно распредѣляло налоги, назначало базарныя цѣны, наблюдало за полиціей, контролировало чиновниковъ, выбирало депутатовъ на государственный сеймъ, снабжало ихъ инструкціями и отставляло ихъ, когда они теряли довѣріе комитата, вслѣдствіе нарушенія инструкцій или другимъ какимъ-либо образомъ. Общее собраніе имѣло право принимать предписанія и указы придворной канцеляріи и намѣстниковъ, если оно было съ ними согласно; въ противномъ случаѣ оно было въ правѣ положить ихъ съ „уваженіемъ“ въ сторону и дѣлать о нихъ представленіе; наконецъ, оно было еще въ правѣ издавать для собственнаго комитата законы, называвшіеся статутами. Оппозиція, — большинство которой имѣло во главѣ своей съ 1840 года Людвига Кошута и органомъ *Pesti Hirlap,* издаваемый имъ, — убѣдилась путемъ горькихъ опытовъ, что не смотря на большія права комитата, правительство все-таки имѣло силу распространить свою власть и свое вліяніе за предѣлы, полагаемые конституціей. Вѣрнѣйшимъ средствомъ ограничить превышеніе такой власти казалось не отмѣненіе муниципальныхъ институцій, но наоборотъ на-

стойчивое удержаніе ихъ основныхъ принциповъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенное *укрѣпленіе* и *расширеніе* власти комитата, пока, наконецъ, каждый комитатъ достигъ бы значенія швейцарскаго кантона.

Во всякомъ случаѣ, это была странная программа для либеральной партіи въ аристократической странѣ, — программа, годная лишь для оппозиціи, цѣль которой одна оппозиція, а вовсе не проведеніе современныхъ реформъ. Такимъ образомъ легко было каждую минуту подставить ногу правительству, но объ успѣхѣ при такомъ ходѣ дѣла не могло быть и рѣчи: Салай уже однажды замѣтилъ, что „стремленія оппозиціи болѣе сродны идеѣ привилегированныхъ сословій, аристократіи, чѣмъ представительной системѣ демократіи". Защищать могущество комитата значило упрочивать могущество дворянства, то-есть, сдѣлать почти невозможнымъ его уравненіе съ не-дворянами, такъ какъ трудно предположить, чтобы дворянство, рѣшая одно всѣ дѣла, добровольно отказалось отъ своихъ привилегій и допустило *право,* а не одно свое *великодушіе.* Какъ можно было ожидать, чтобъ оно добровольно наложило на себя подати, утвердило равноправность всѣхъ гражданъ, эманципацію Евреевъ, свободу ремеслъ и сотни другихъ необходимыхъ реформъ? И какая ужасная сумятица произошла бы, если бы часть комитата согласилась на ту или другую реформу, а другая часть нѣтъ? И развѣ, наконецъ, не значило бы формально вызывать правительство на насиліе, если бы комитаты достигли такой власти, что невозможно было бы управлять? Можетъ-быть, нѣкоторые члены крайней оппозиціи и желали такого раздора, но большинство заботилось только о томъ, чтобы какъ-нибудь выказать свою, не лишенную основанія, злобу и недовѣріе къ правительству и стать по возможности независимо отъ него.

Но благоразумные люди,—къ сожалѣнію, число ихъ было не велико, — должны были задать себѣ вопросъ: куда все это поведетъ и не было ли иныхъ средствъ упрочить права и свободу? Развѣ нельзя найдти систему, посредствомъ которой можно было бы ограничивать притязанія неблагонамѣреннаго правительства, не отнимая этимъ у благонамѣренныхъ людей возможности управлять? Эта партія либераловъ искала положительныхъ основъ для свободной и своевременной реформы, въ замѣнъ простаго отрицанія, правда, много уничтожающаго, но ничего не создающаго. Она очень хорошо понимала, что надо допустить вліяніе народа на законодательство и что это вліяніе должно быть всецѣлое, а не распадающееся, по числу комитатовъ, на пятьдесятъ двѣ части, которыя могутъ быть столь разно-

образны, что во многихъ случахъ изъ нихъ нельзя было составить ничего общаго. Сеймъ — и только онъ одинъ — могъ быть органомъ вліянія націи на законодательство, и ни подъ какимъ видомъ комитаты не должны брать на себя законодательную власть, даже для своей собственной области. Такъ какъ нельзя было долѣе лишать не-дворянъ ихъ политическихъ правъ, то естественно и они должны были имѣть своихъ представителей на сеймѣ. Въ такомъ случаѣ сеймъ состоялъ бы не изъ представителей сословій и муниципій, а изъ представителей народа, избранныхъ послѣднимъ, въ замѣнъ стараго порядка, когда все дворянство комитата посылало на сеймъ по два депутата, не взирая на остальное его населеніе. Само собою разумѣется, что тогда должны были бы уничтожиться и инструкціи, ибо боязнь депутатовъ поступить какъ-нибудь несогласно съ ними и быть отозванными въ наказаніе за это, неоднократно дѣлала засѣданія сейма не только вялыми, но и совершенно безполезными. Такому сейму надо было противопоставить правительство, въ современномъ смыслѣ этого слова. Если же правительство отвѣтственно передъ сеймомъ въ законности и успѣхахъ своихъ предписаній, то оно должно имѣть и средства заставлять повиноваться имъ и не можетъ подвергать ихъ предварительно критикѣ каждаго отдѣльнаго комитата. Главнѣйшими статьями программы этой либеральной фракціи были: національное представительство, путемъ народныхъ выборовъ, изъ людей, дѣйствующихъ только по своему убѣжденію, а не по инструкціямъ; учрежденіе въ противоположность ему правительства, строго отвѣтственнаго, и самоуправленіе муниципій, на сколько оно возможно безъ нарушенія обоихъ главныхъ принциповъ. Ученіе этой фракціи выяснилось только въ сороковыхъ годахъ, и члены ея были названы *централистами* въ противоположность *муниципалистамъ*, которые стояли за полное сохраненіе комитатовъ, и если возможно, за еще большее увеличеніе ихъ самостоятельности. Они назывались также и *министеріальными*, ибо требовали назначенія отвѣтственныхъ министровъ въ противоположность *дикастеріальнымъ*, которые желали сохраненія придворныхъ чиновъ, отвѣтственныхъ только по названію.

Приблизительно такимъ образомъ группировались партіи въ Венгріи въ сороковыхъ годахъ. Къ какой партіи принадлежалъ Салай? Само собою разумѣется, что Салай принадлежалъ къ партіи такъ-называемыхъ централистовъ, или вѣрнѣе сказать, онъ и нѣкоторые другіе, сходившіеся съ нимъ во мнѣніяхъ, были основателями этой партіи, приверженцевъ которой и теперь можно считать во множествѣ по всей

Венгріи. Тотъ же кружокъ умныхъ молодыхъ людей, который поддерживалъ его стремленія къ современной реформѣ венгерской юстиціи — Этвешъ, Трефортъ, Ченгери и др. — оставался на его сторонѣ и тогда, когда эти стремленія распространились на болѣе широкую область конституціи и правленія. Эти люди чувствовали, что ихъ взгляды не только будутъ имѣть успѣхъ въ будущемъ, но что къ нимъ тотчасъ же присоединятся многіе лучшіе умы націи, какъ только они выступятъ съ опредѣленною программой, какъ только они облекутъ положительными формами тѣ принципы, вѣрность которыхъ уже неоднократно чувствовали многіе, не ясно сознавая ихъ, какъ только они позаботятся о распространеніи ихъ путемъ печати. Вслѣдствіе этого въ половинѣ 1844 года было рѣшено основать особый политическій органъ, и Салай уже принялъ необходимыя мѣры для полученія разрѣшенія. Въ то же время окончились условія между издателемъ *Pesti Hirlap* Людвигомъ Ландерфомъ и редакторомъ этого журнала Людвигомъ Кошутомъ. Ландерфъ предложилъ Салаю принять на себя редакцію этой распространенной мадьярской газеты. Предложеніе было принято Салаемъ съ удовольствіемъ, потому что ему представлялась возможность говорить съ многочисленными читателями. Въ концѣ іюня 1844 года явился послѣдній нумеръ *Pesti Hirlap* подъ редакціей Кошута, и удаляющійся редакторъ представилъ своего преемника *„какъ честнаго, ученаго, но чужаго человѣка“*. Сужденіе это, высказанное въ то время популярнымъ Кошутомъ, не могло служить рекомендаціей. Уже прежде возвышались голоса изъ среды либеральной партіи, которые не одобряли передачу редакціи въ руки Салая: однимъ вообще не нравились стремленія такъ-называемыхъ *централистовъ;* другіе боялись обнаружить раздоръ въ средѣ либеральнаго лагеря и своими нападками разорить акціонеровъ газеты, достигшихъ такого большаго значенія. Самъ Салай былъ нѣсколько сконфуженъ этимъ; его скромность заставила его усомниться въ своихъ силахъ, и какъ въ старину обращались въ подобныхъ случаяхъ къ премудрости оракуловъ, такъ Салай обратился, въ минуту мучительныхъ сомнѣній, къ человѣку, котораго онъ считалъ умнѣйшимъ во всей странѣ и мнѣніемъ котораго онъ дорожилъ болѣе всего. Этотъ человѣкъ былъ Францъ Деакъ. Ему-то Салай сообщилъ свои сомнѣнія и побужденія принять редакцію послѣ такого предшественника, какъ Кошутъ, при чемъ просилъ Деака высказать свое мнѣніе совершенно свободно. Послѣдній отвѣчалъ ему письмомъ изъ Кехиды отъ 9-го іюня 1844 года: „Послѣ того,

какъ Кошутъ разстался съ *Pesti Hirlap,* писалъ Деакъ, я отъ души радуюсь, что газета снова попала въ хорошія руки, и именно въ твои. Я полагаю, никто тебя не будетъ осуждать за то, что ты принялъ на себя редакцію газеты послѣ того, какъ Кошутъ оставилъ ее. Напротивъ, искреннее горячее спасибо тебѣ за то, что ты это сдѣлалъ. Ты пишешь, что ты хочешь оправдаться передо мною въ этомъ дѣлѣ. Мой другъ! Между нами не требовалось бы и тогда оправданій, если бы всѣ улики были противъ тебя. Но въ этомъ дѣлѣ, гдѣ не можетъ разумно заподозрить тебя даже злонамѣренность, твое оправданіе было бы даже обидно для меня, еслибъ я не приписывалъ его твоей чрезмѣрной скромности. Мнѣ было бы очень жаль, еслибъ я тебя зналъ такъ мало, что могъ бы сомнѣваться въ тебѣ, но еще больнѣе было бы мнѣ, если бы ты допустилъ во мнѣ какое-нибудь сомнѣніе. Тогда пріятельскія отношенія, существовавшія между нами до сихъ поръ, остались бы только пріятельскими отношеніями, между тѣмъ какъ я желаю видѣть въ нихъ дружбу — и навсегда сохранить ее".

Съ такимъ утѣшительнымъ письмомъ въ рукахъ, Салай бодро взялся за дѣло, и 1 іюля 1844 г. онъ въ первый разъ явился какъ редакторъ передъ читателями *Pesti Hirlap.* Въ „Обращеніи къ читателю" изложилъ онъ въ простыхъ словахъ трудность предпринятой задачи. „Трудна задача", говорилъ онъ, „выступать редакторомъ политической газеты, наканунѣ новой эпохи, среди сильнаго движенія, когда конституціонныя идеи начинаютъ по немногу переходить въ область практической жизни и должны быть свободны отъ сентиментальныхъ фразъ и неопредѣленныхъ общихъ идей; когда нужно установить границы этихъ идей, выставить ихъ сначала, какъ онѣ есть, а потомъ въ связи съ другими идеями; однимъ словомъ, формулировать ихъ ясно и точно. Въ особенности трудно исполненіе этой задачи подлѣ и послѣ Кошута, передъ той же публикой, которая справедливо уважала въ этомъ человѣкѣ основателя венгерской политической журналистики и лучшій умъ страны". Салай прибавлялъ еще, что онъ не можетъ назваться человѣкомъ оппозиціи (понимая ту оппозицію, которая безпрекословно слѣдовала за знаменемъ Кошута), а скорѣе „оппозиціоннымъ человѣкомъ", ибо онъ вообще держался того мнѣнія, что прогрессъ можетъ и долженъ быть усиленъ, не только тѣмъ путемъ, по которому слѣдовалъ *Pesti Hirlap,* но также и инымъ. Еслибъ его спросили, какой изъ политическихъ журналовъ 1841 и 1842 г. онъ признаетъ своимъ органомъ, онъ, безъ сомнѣнія, назвалъ

бы *Pesti Hirlap*, но съ нѣкоторыми ограниченіями: онъ обозначилъ при этомъ въ общихъ чертахъ уже упомянутые выше пункты, въ которыхъ расходился съ Кошутомъ. Въ одной изъ послѣдующихъ статей Салай еще яснѣе высказался объ этомъ пунктѣ: „Если я назвался не человѣкомъ оппозиціи, а оппозиціоннымъ человѣкомъ, то я хотѣлъ этимъ выразить, что я и мои товарищи вышли изъ той партіи, которая называлась положительной, и что мы составляемъ отдѣльную оппозицію, которая самостоятельно отвѣчала бы передъ Богомъ, еслибъ оппозиція сепаратистовъ увидала въ нашихъ новыхъ догматахъ не спасительную реформу, а грѣховный расколъ". Заключительныя строки первой статьи еще болѣе характеризовали самого Салая, какъ человѣка и какъ писателя. „Что касается меня", говоритъ Салай, „то я завоевалъ себѣ утѣшительное сознаніе, что я вѣрный сынъ отечества; не смотря на незначительный успѣхъ, съ которымъ я служилъ до сихъ поръ нашему общему дѣлу, я вижу позади себя длинный рядъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ я стою съ моими стремленіими передъ публикой. Съ самой ранней молодости я выступилъ на сцену, не обративъ еще на себя вниманія ничѣмъ, и я не могъ проложить себѣ дорогу, какъ побѣдоносный герой, но какъ пріемышъ; передъ глазами публики сдѣлалъ я мои первые шаги, приспособляя себя къ предмету и предметъ къ себѣ. Я избиралъ то, что̀ мнѣ казалось полезнымъ, и отбрасывалъ то, что́ мнѣ казалось вреднымъ; я принадлежу къ числу тѣхъ, которые всегда и охотно готовы уступать доказательствамъ, приводимымъ какъ друзьями, такъ и противниками, и которые, какъ рабы истины, никогда не отступаютъ ни за какое вознагражденіе ни на шагъ отъ того, что̀ сдѣлалось ихъ убѣжденіемъ. Если бы мнѣ не внушило того мое сердце, то мои интересы заставили бы меня дѣйствовать такимъ образомъ, ибо я зналъ, что вся моя сила происходитъ отъ моего характера. Этимъ я пріобрѣлъ дружбу лучшихъ въ странѣ людей, и теперь передо мною открыта дорога — показать себя достойнымъ этой дружбы".

Съ тѣхъ поръ въ *Pesti Hirlap* появился цѣлый рядъ статей Салая. Сюда принадлежали не только тѣ, которыя являлись подъ его именемъ, но и тотъ рядъ „открытыхъ писемъ изъ Тріеста", которыя произвели въ свое время такъ много шуму; заглавіе было вымышлено, авторомъ ихъ былъ самъ Салай. Въ нихъ онъ могъ говорить не стѣсняясь о томъ, что̀ неудобно было выдавать предъ публикой непосредственно подъ своею фирмой. О Салаѣ можно сказать, съ нѣкоторою перемѣною, то же, что̀ сказалъ одинъ нѣмецкій эстетикъ о Лес-

сингѣ: „Какъ древніе Евреи, онъ боролся одною рукой противъ Филистимлянъ, а другою строилъ храмъ соціальной и политической реформы“. Полемика его была направлена преимущественно противъ консерваторовъ. Но основателя этой партіи, графа Аврелія Дешевфи, не было уже въ живыхъ, и со смертью его консервативная партія потеряла своего умнѣйшаго человѣка и лучшую литературную силу. Слѣдующее мѣсто изъ открытаго письма Салая къ Виктору Консидерану показываетъ, какъ онъ думалъ о своихъ политическихъ противникахъ и какъ онъ вообще умѣлъ уважать замѣчательныхъ людей, даже не принадлежащихъ къ его партіи. „Знали вы графа Аврелія Дешевфи, какъ вамъ не знать его! Зиму 1840 и 1841 г. онъ провелъ въ Парижѣ, и вы вѣрно встрѣчали его въ Hôtel Place Saint Georges; онъ былъ живой, подвижной человѣкъ такъ же, какъ самъ хозяинъ; все что онъ говорилъ, отличалось остроуміемъ, но не было насмѣшливо; инстинктивно онъ попадалъ своимъ оружіемъ въ слабое мѣсто противника, но никогда онъ не повертывалъ оружія въ ранѣ; онъ былъ болѣе Французъ, чѣмъ сами Французы, веселъ какъ будто бы свѣтъ не исписалъ страницъ его жизни кривыми письменами разочарованія; но когда падали на эти страницы капли симпатическихъ средствъ, тогда дѣлались ясными черты страданія, сродныя каждому благородному сердцу. Таковъ онъ былъ въ обращеніи. Его послали путешествовать съ цѣлью оглядѣть всѣ лучшія тюрьмы за границей. Чтобъ исполнить свою миссію, онъ изучалъ жизненный организмъ европейскихъ главныхъ городовъ; ему было дано порученіе наблюдать преступниковъ, вслѣдствіе этого онъ изучалъ соціальныя условія. Въ этой великолѣпной головѣ всякая задача принимала обширные размѣры. Когда онъ увидѣлъ, вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Парижа, что оппозиція въ Венгріи имѣетъ сильнаго представителя между журналистами, онъ поставилъ себѣ главною задачею помѣряться съ этимъ человѣкомъ (Кошутомъ). Занимая мѣсто, не какъ дилетантъ, между регулярными войсками журналистики, онъ написалъ рядъ статей, которыя обнаружили его необыкновенныя способности; онъ выяснилъ въ нихъ нѣкоторые принципы, которые не считалъ опасными лишь потому, что надѣялся провести ихъ самъ съ нѣкоторыми необходимыми измѣненіями, стоя въ числѣ членовъ правительства. Невольно спрашиваешь себя, какъ могло случиться, что человѣкъ этотъ умеръ не министромъ, а простымъ совѣтникомъ намѣстничества?... Но это касается его партіи; насъ интересуетъ только онъ, ибо онъ боролся съ нами на общей аренѣ, одинаковымъ ору-

жіемъ и въ одинаковыхъ предѣлахъ". Съ такимъ уваженіемъ говорилъ Салай о просвѣщенномъ противникѣ, который безъ пощады нападалъ на либеральную партію [1]). Лично графъ Аврелій Дешевфи и Салай находились въ искренно дружескихъ отношеніяхъ: молодой графъ часто посѣщалъ рабочую комнату Салая и былъ охотно принимаемъ имъ.

Не такъ близко къ Салаю стоялъ графъ Стефанъ Сечени, не только по различію въ возрастѣ, но и вслѣдствіе полнаго разногласія во всѣхъ отношеніяхъ. Но это не дѣлало Салая несправедливымъ по отношенію къ *„величайшему Венгерцу"*. Обрисовавъ неутѣшительное состояніе Венгріи въ тридцатыхъ годахъ, Салай писалъ такъ: „Прометей, принесшій съ неба искру, чтобы вложить душу въ глиняное тѣло націи, явился не какъ мессія и не какъ человѣкъ, долженствующій возвести крышу надъ строеніемъ, воздвигаемымъ уже нѣсколько лѣтъ; онъ явился нежданно, произнося слова, совершенно противоположныя тѣмъ мечтамъ, которыя нація прижимала къ своему сердцу, какъ любимыхъ дѣтей. Онъ раскрывалъ планы возрожденія народа, о какихъ не было и помину въ сеймовыхъ инструкціяхъ, и основнымъ принципамъ которыхъ провозгласили бы анаѳему герои сейма 1825 г. Все это исполнялось въ доктринерной формѣ; теорія была исходною точкой, а средствомъ и путеводителемъ идеи была книга" (сочиненіе Сечени «Credit»). Въ другой разъ (20-го сентября 1844 г.) Салай писалъ опять: „Какъ я слышалъ, Сечени былъ въ Пештѣ и только съ тою цѣлью, чтобы подвинуть впередъ вопросъ о взиманіи податей съ дворянства. Да благословитъ его Богъ за это! Я имѣю несчастіе во многомъ не соглашаться съ Сечени; но я люблю и уважаю его, потому что характеръ его выработанъ изъ прочнаго матеріала. Qui finxit hominum praecordia. Говорятъ, что онъ аристократъ и сопровождаетъ рѣчи свои жестами, о которыхъ не имѣлъ никакого понятія Цицеронъ, желавшій поставить сзади каждаго оратора по флейтисту, который перелагалъ бы на музыку каждую рѣчь его. Но вѣдь писали и о Вольтерѣ, что онъ былъ аристократъ и каммергеръ благовѣрнѣйшаго государя, съ

---

[1]) Еще 25-го января 1842 г., то-есть, за нѣсколько дней передъ своею смертью, въ письмѣ къ своей матери Дешевфи писалъ слѣдующее: «Il faut assister à ces théories de désordre, réduites en système scientifique, aux débats des comitats saturés de pareils élémens, pour prévoir l'avenir vers lequel nous marchons, à moins que nous ayons la force de conjurer le danger... Que mes concitoyens ne me prêtent pas l'appui qu'ils me doivent, c'est désespérant; que beaucoup d'entre eux me flattent en secret et me blâment en public, pour ne pas encourir le déplaisir de quelques étudians,—cela est infâme, ou plutôt c'est digne d'une nation, qui n'a plus même le courage de se défendre contre *une bande* d'agresseurs».

золотыми пряжками на башмакахъ, въ синихъ панталонахъ и съ иронически-улыбающимся лицомъ. Но знаютъ также, что когда какой-нибудь неосторожный крестьянинъ падалъ въ грязь и не могъ оттуда выбраться, то Вольтеръ бросался въ лужу, не думая о своихъ шелковыхъ чулкахъ и вышитыхъ башмакахъ, вытаскивалъ оттуда бѣднягу и шепталъ ему на ухо: „въ другой разъ будьте осторожнѣе, милостивый государь"! Вѣдь это не простая шутка. Но, не смотря на то, я охотно повѣрю, что Сечени былъ аристократъ, но такой, какого неподражаемо изобразилъ Юніусъ словами: „Сознавая свой собственный вѣсъ и свое важное значеніе, онъ будетъ сообразовать свои дѣйствія въ парламентѣ съ одною только конституціонною обязанностію пэра... онъ... получитъ за то чистое, задушевнѣйшее утѣшеніе въ сочувственныхъ слезахъ народа и благословеніяхъ своего отечества" [1]). Никогда также Салай не обращался пренебрежительно съ тѣми противниками, которые далеко не могли сравниться по своему значенію съ Авреліемъ Дешевфи или съ Сечени. Какъ бы ни была ѣдка его полемика, онъ всегда оставлялъ въ сторонѣ личность противника. Въ этомъ отношеніи всѣ статьи Салая отъ первой до послѣдней представляютъ собою образецъ хорошаго журнальнаго тона. Въ основныхъ вопросахъ онъ не дѣлалъ никогда отклоненій; онъ выразился однажды, что „въ политикѣ должно вести себя совершенно такъ же, какъ въ той пещерѣ, о которой всѣ мы слышали въ дѣтствѣ: она наполнена, по словамъ повѣрья, ядовитыми гадами отъ основанія до половины высоты; кто хочетъ выйдти изъ нея живымъ, тотъ долженъ проходить черезъ нее *съ высоко-поднятою головою и не наклоняясь*". Но эта солидность его направленія никогда не доходила до неблагоразумія. 3 января 1847 г. онъ писалъ: „Коалиція консервативной партіи сильнѣе чѣмъ когда-либо; намъ не только полезно, но даже необходимо сражаться противъ врага дружною колонной. Послѣ побѣды наступитъ время и возможность разойдтись опять, и я объявляю впередъ, что и теперь остался все тѣмъ же раскольникомъ. Одна буква, конечно, не много значитъ, но я не пожертвую ни одной буквой изъ лексикона моихъ политическихъ вѣрованій. Съ другою стороны я знаю и откровенно признаюсь въ томъ, что не всякое время удобно для того, чтобы попробовать съ успѣхомъ отшествіе на Священную гору, безъ вреда для общаго дѣла".

Въ первое время журнальной дѣятельности Салаю приходилось

---

[1]) Изъ 23-го письма Юніуса.

бороться со многими нападками и подозрѣніями. Самый слабый упрекъ, который дѣлали Салаю, былъ тотъ, что онъ и его партія стараются подражать Англіи и Франціи; этотъ упрекъ былъ разчитанъ на то, чтобы лишить молодую партію довѣрія въ глазахъ исключительныхъ патріотовъ. На это онъ отвѣчалъ: „Правда, мы подражаемъ Англіи и Франціи, потому что не хотимъ подражать Брауншвейгу или Шварцбургъ-Рудольфштадту... Государство выростаетъ только на своей почвѣ; его собственная сила оживляетъ стволъ и вѣтви до самой верхушки; но его окружаютъ другія государства, и оно дышитъ однимъ воздухомъ съ ними. Поэтому мы никогда не забудемъ своихъ народныхъ обычаевъ, обрядовъ и своихъ историческихъ преданій; мы будемъ держаться первыхъ, на сколько это позволитъ разумная критика, и будемъ научаться изъ послѣднихъ не только тому направленію, которое мы должны принять, но и тѣмъ подводнымъ камнямъ, которые надобно огибать. Если правда, что мы не можемъ оставаться окаменѣлыми, какъ бы въ насмѣшку разцвѣтающей кругомъ конституціонной жизни, то наша задача состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ другими народами въ пользу осуществленія всѣми признанныхъ цѣлей; дѣйствовать, какъ живой сочленъ, который, имѣя симпатіи и антипатіи, долженъ имѣть въ Европѣ союзниковъ, если не родныхъ. При такихъ условіяхъ очень естественно, что мы подражаемъ тому или другому изъ этихъ родственниковъ; также естественно, что когда-нибудь и мы будемъ содѣйствовать обогащенію европейскихъ идей посредствомъ нашихъ моральныхъ особенностей, когда Венгрія достигнетъ той высоты, на которой желаютъ видѣть ее столь многіе... Мы не отвергаемъ слѣдовательно того, въ чемъ вы насъ упрекаете; напротивъ, мы видимъ въ этомъ заслугу, если только можно назвать заслугою то, когда человѣкъ старается исполнять свои обязанности“. Друзья мирнаго прогресса ужасались при мысли о неизбѣжности реформы во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни, и старались по крайней мѣрѣ обозначить размѣры ея. Но Салай говорилъ: „Мы стоимъ на томъ, что *радикальная реформа* необходима! Не будемъ соединять такихъ вещей, которыя идутъ другъ къ другу совершенно такъ же, какъ семидесятилѣтній старецъ и шестнадцатилѣтняя дѣвица; изъ такого соединенія можетъ выйдти только раздоръ и смятеніе, а не новое поколѣніе. Напирая на радикальную реформу, мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что все должно быть сдѣлано за разъ. Мы знаемъ, что сначала нужно ограничиться только исполненіемъ того, что не допускаетъ никакихъ отлагательствъ. Но и въ этомъ случаѣ мы хотимъ,

чтобы тѣмъ, обязанность которыхъ будетъ положить крышу на зданіе, не пришлось опять разрушать части, построенныя нами".

Когда аргументы противниковъ Салая были исчерпаны, тогда стали относиться къ нему съ притворнымъ пренебреженіемъ: „Человѣкъ этотъ совсѣмъ не можетъ говорить о политикѣ, потому что онъ *ученый*, и газета его чисто *доктринерная*". Въ отвѣтъ на это послѣдовало саркастическое возраженіе Салая. „Пословица говоритъ, что когда свѣтъ знаетъ, что кто-нибудь горбатъ, то онъ видитъ это на его станѣ; но я еще никогда не слыхалъ, чтобы судили по лицу человѣка о красотѣ его стана. Если, слѣдовательно, нѣкоторые господа видятъ мою ученость въ статьяхъ, въ которыхъ нѣтъ почти ничего ученаго, то конечно, они дѣлаютъ это не съ цѣлью, чтобы обратить вниманіе публики на богатство моихъ знаній. Я принимаю титулъ ученаго, отъ котораго долженъ бы былъ отказаться при другихъ условіяхъ, ибо знаю, что давая его мнѣ, не хотѣли *похвалить* меня. Но я позволю себѣ скромный вопросъ: *сколько наперстковъ учености долженъ проглотить человѣкъ для того, чтобы не уничтожить въ себѣ способностей журналиста? и на какой точкѣ наука начинаетъ дѣлаться препятствіемъ, балластомъ, который нужно выбросить изъ редакторскаго челна, чтобъ онъ не утонулъ въ водахъ, привыкшихъ только къ небольшимъ тяжестямъ?* Если наша газета доктринерная, то это очень радуетъ насъ, потому что мы положили себѣ издавать доктринерную газету, то-есть, не эмпирическую, а такую, которая излагала бы событія освѣщенными общею идеей и осмысленными; не такую, которая приклеиваетъ факты къ фактамъ, а которая развиваетъ ихъ одинъ изъ другаго; не издаваемую на случай газету, а такую, которая не восхищалась бы каждымъ фактомъ только потому, что онъ совершился, не бросала бы цвѣтовъ подъ ноги парадныхъ коней сильныхъ міра сего, зная, что процессія еще не означаетъ торжества; газету доктринерную, то-есть, такую, которая не примирялась бы съ учрежденіями, способными подвергаться лишь собственному суду и не подлежащими критикѣ общечеловѣческаго и гражданскаго права и государственной философіи, основанной на общественной жизни всѣхъ временъ и всѣхъ конституціонныхъ народовъ". Нашлись крикуны, выхватывавшіе отрывки изъ статей Салая и старавшіеся доказать ими, что онъ склоняется къ „соціализму". Ни на минуту не теряя хладнокровія и не желая избѣжать объясненій по такому щекотливому вопросу, Салай отвѣчалъ: „Я отношусь къ соціализму точно такъ же, какъ одинъ изъ друзей моего дѣтства, кальвинистъ, къ като-

лицизму: будучи отъ головы до пятокъ протестантомъ, онъ вовсе не чувствовалъ симпатій къ католицизму, но какъ добрый протестантъ допускалъ, чтобы свободное изслѣдованіе производилось дѣйствительно съ наибольшею свободой, чтобъ идеи, лежащія въ основѣ протестантизма, развивались все далѣе, соотвѣтственно съ успѣхами общества и были бы примѣняемы къ жизни. Онъ часто говорилъ мнѣ, что скорѣе готовъ броситься въ объятія католицизма, чѣмъ въ XIX столѣтіи придерживаться протестантизма XVI вѣка, отказывавшагося отъ собственнаго принципа и не допускавшаго никакого усовершенствованія. Онъ видѣлъ въ этомъ болѣе послѣдовательности".

Серіознѣе всего Салай принялъ упрекъ, сдѣланный ему графомъ Доминикомъ Телеки, въ одномъ трансильванскомъ листкѣ, который гласилъ: „Салай правъ только въ томъ случаѣ, когда думаетъ, что газетка его назначена для того, чтобы высказывать все, что̀ выскажется когда-нибудь нашими сыновьями, внуками и правнуками въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи". Отвѣтъ Салая былъ коротокъ и мѣтокъ. Онъ говорилъ, что не можетъ повѣрить тому, что осуществленіе желаній его партіи осчастливитъ только третье или четвертое поколѣніе, но что вообще подобный взглядъ не измѣняетъ самаго дѣла: если основной принципъ вѣренъ, то во всѣхъ случаяхъ должно руководствоваться имъ съ той минуты, какъ признали его вѣрнымъ. Врачъ долженъ сдѣлать свою діагнозу даже въ такомъ случаѣ, когда исцѣленіе возможно лишь по прошествіи долгаго времени; больной знаетъ тогда, по крайней мѣрѣ, чѣмъ онъ страдаетъ, и можетъ устроить свой образъ жизни такъ, чтобы не ухудшить своей болѣзни и не затянуть надолго своего исцѣленія. Нѣсколько дней спустя Салай писалъ: „Существовавшій до сихъ поръ порядокъ долженъ быть уничтоженъ; связь прошлаго съ настоящимъ должна быть прервана не потому, что мы не хотимъ знать исторію, а для того, что прошлое должно же наконецъ сдѣлаться достояніемъ исторіи; притомъ было бы слишкомъ грустно, если бы мы были принуждены тащить за собою все далѣе и далѣе давнопрошедшее, какъ бабочка, которая не въ состояніи освободиться отъ оболочекъ куколки и употребить свои крылья, не смотря на всѣ усилія".

Можетъ-быть, достаточно этихъ краткихъ выдержекъ, чтобы дать читателю приблизительное понятіе о богатствѣ идей Салая, о характерѣ его убѣжденій и силѣ его слова. Салай не былъ „журналистомъ" въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; онъ не умѣлъ разводить водою сильную, а подчасъ и слабую мысль на столько, чтобы вышла

газетная статья, удобная для чтенія не подготовленнымъ читателямъ. Когда онъ брался за перо, то изъ богатаго запаса его собственныхъ наблюденій выходила цѣлая группа плодовитыхъ мыслей; ему помогало также въ этомъ случаѣ знакомство съ европейскою литературой; онъ былъ принужденъ постоянно сдерживать свой умъ, чтобъ его статьи не превышали мѣста, находившагося въ его распоряженіи, и не смотря на то, ему часто приходилось останавливаться на срединѣ и оставлять продолженіе до слѣдующаго раза, изъ боязни утомить читателя. Салай не требовалъ усиленнаго вниманія отъ своихъ читателей; онъ лучше умѣлъ хозяйничать своимъ матеріаломъ и никогда не терялъ изъ виду требованій художественной обработки. Притомъ онъ всегда обращалъ болѣе вниманія на внутреннее достоинство, чѣмъ на эффектъ своихъ работъ, и этимъ онъ существенно отличался отъ *Кошута*, который смотрѣлъ на эффектъ, какъ на мѣрило своихъ произведеній, по общему сознанію историковъ мадьярской литературы. За то не было ни одного венгерскаго публициста, который бы умѣлъ писать для своего народа такъ увлекательно, какъ Кошутъ. Онъ зналъ каждую струну въ сердцѣ своихъ соотечественниковъ и умѣлъ съ удивительнымъ инстинктомъ избирать средства для привлеченія мадьярскихъ сердецъ на свою сторону. Онъ не зналъ, можетъ-быть, и самъ того, куда велъ ихъ, и едва-ли когда-нибудь задумывался надъ тѣми средствами, которыя употреблялъ; для него было потребностью дышать упоительной атмосферой народнаго расположенія; онъ не могъ жить безъ нея. Читая или слушая Кошута, каждому казалось, что онъ слышитъ только отголосокъ собственныхъ ощущеній. Каждый чувствовалъ себя какъ бы дома, только все было лучше, поэтичнѣе, изящнѣе. Кошутъ *нисходилъ* къ толпѣ; онъ не заставлялъ ее покидать кругъ ея идей, но обливалъ его магическимъ свѣтомъ своихъ собственныхъ надеждъ и ожиданій. Салай хотѣлъ, чтобы народъ *возвышался* до него; онъ сдѣлалъ себѣ пьедесталъ изъ твердыхъ убѣжденій, стоялъ на немъ непоколебимо и приглашалъ взбираться туда. Это требовало труда и напряженія, заставляло жертвовать спокойствіемъ и привычками, противъ чего возставало *чувство* и что могъ внушать только *разумъ*. Кто хотѣлъ понимать Салая, долженъ былъ думать, думать ясно и безъ заднихъ мыслей; а число тѣхъ, которые желаютъ и могутъ поступать такимъ образомъ, всегда и вездѣ очень не велико. А потому Салай далеко не могъ сравниться съ Кошутомъ въ популярности; натуры ихъ такъ же были различны, какъ ихъ цѣли и какъ тѣ средства, которыми они пользовались для

достиженія этихъ цѣлей. Никто не зналъ этого лучше самаго Кошута. Онъ писалъ однажды совершенно откровенно: „*Pesti Hirlap* издается не такимъ образомъ, какъ прежде (во времена Кошута), потому что мы не можемъ издавать его такъ, даже если бы захотѣли; онъ не издается теперь, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, по прежнимъ *принципамъ*, потому что мы не хотимъ этого, даже если бы могли".

Салай занимался редакціей *Pesti Hirlap* цѣлый годъ, а именно съ 1-го іюля 1844 г. до 1-го іюля 1845. Не смотря на то, что это занятіе не нравилось ему и отвлекало его, какъ онъ самъ часто жаловался, отъ другихъ, болѣе дорогихъ для него занятій, онъ все-таки никому не могъ передать трудное дѣло окончательно организовать новую партію и вывести ее передъ націей подъ журнальнымъ знаменемъ *Pesti Hirlap* Въ теченіе года онъ имѣлъ достаточно много случаевъ обсудить въ своей газетѣ всѣ важные вопросы съ точки зрѣнія своей партіи. Къ журналу присоединилось значительное число умныхъ молодыхъ людей, и въ руки самаго способнаго изъ нихъ, Антона Ченгери, Салай рѣшился передать редакцію своего журнала, не прекращая этимъ своей связи съ нимъ. Въ заключеніи своей прощальной статьи онъ говоритъ: „Спокойно, съ сознаніемъ, что исполнилъ свои обязанности, слагаю я съ себя редакторство. Я считаю себя простымъ факторомъ, которому было поручено честно управлять всѣмъ дѣломъ. Ни на одно мгновеніе не увлекался я желаніемъ блеснуть и составить себѣ громкое имя. Говорятъ, что дѣятельность редактора трудна, и я тоже нашелъ ее такою. Но когда я оглядываюсь на прошедшій годъ, когда я вспоминаю, сколько великодушныхъ патріотовъ было встрѣчено мною во время моего редакторства, людей, которые при другихъ условіяхъ были бы, можетъ-быть, далеки отъ меня, то я забываю все неблагопріятное". Какъ сказано, Салай писалъ и послѣ этого въ *Pesti Hirlap* все въ томъ же духѣ и съ тою же энергіей, какъ прежде; вообще онъ входилъ въ предметы гораздо глубже, чѣмъ это дѣлалось обыкновенно въ другихъ журналахъ. Не будучи болѣе связанъ обязанностями редактора, онъ представилъ въ непродолжительномъ времени десять статей по поводу закона о наказаніяхъ, двѣнадцать о примѣненіи наказаній, одинадцать по поводу закона о принятіи въ число гражданъ, четыре о правѣ ассоціаціи, четыре о необходимости ежегодныхъ собраній сейма и т. д. Всѣ эти статьи собраны въ 1847 году въ два тома, и въ предисловіи къ нимъ Салай выражаетъ свое удовольствіе, что вслѣдствіе вниманія публики

потребовалось второе изданіе, не смотря на то, что по его собственнымъ словамъ, „дѣятельность его началась не при счастливыхъ предзнаменованіяхъ, и стремленія его встрѣчали мало симпатическихъ и одобрительныхъ словъ со стороны критиковъ“.

Лучшимъ плодомъ его литературной дѣятельности въ 1846 и 1847 годахъ было большое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Книга для государственныхъ людей и ораторовъ“, первая половина которой перешла въ руки публики въ 1848 году. Сочиненіе это состояло изъ семи главъ: о Канингѣ, Дюпенѣ, Бентамѣ, Франклинѣ, Константѣ, Макинтошѣ и Джеферсонѣ; въ видѣ прибавленія ко второй половинѣ ея, вышедшей позже, приложены двѣ рѣчи: одна Ламартина, произнесенная во французскомъ національномъ собраніи 7 мая 1848 года, другая—Альфреда Ешера, которою онъ открылъ засѣданія швейцарскаго національнаго совѣта въ 1850 году, какъ президентъ его. Эти рѣчи Салай помѣстилъ въ своей книгѣ для того, чтобы „читатель могъ провести параллель между республиками, отразившимися въ обѣихъ, чтобъ онъ обсудилъ, во что̀ вѣрилъ и чего желалъ французскій ораторъ 1848 года, и какъ могло случиться, что два года спустя противоположная сторона взяла верхъ“. Главнѣйшая часть книги имѣла цѣлью представить венгерскимъ политикамъ практическое примѣненіе конституціонныхъ теорій въ трехъ самыхъ свободныхъ тогда государствахъ міра: Англіи, Франціи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Назидательность облекалась въ легкую форму разказа, и поэтому „Государственные люди и ораторы“ было первою книгой Салая, которая не только имѣла большой кругъ читателей но и произвела глубокое дѣйствіе на нихъ.

Казалось, для Салая и его друзей наступала минута умственнаго и нравственнаго вліянія на соотечественниковъ; казалось, долгія и горячія усилія Салая должны были увѣнчаться успѣхомъ, какъ вдругъ событія обратились въ другую сторону. Кошутъ внезапно овладѣлъ идеями, за которыя боролись Салай и его друзья, и неожиданный революціонный взрывъ превратилъ въ осколки все то, что̀ такъ-называемые централисты желали устранять лишь постепенно, осторожно охраняя интересы всѣхъ, въ надеждѣ со временемъ замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь лучшимъ. Правда, болѣе другихъ Салай имѣлъ право считать „мартовскія пріобрѣтенія и апрѣльскія институціи“ побѣдою своихъ идей; онъ радовался этому, ибо кто же не радуется, по крайней мѣрѣ въ первую минуту, когда самыя розовыя мечты его являются передъ нимъ въ формѣ положительной дѣйствительности? Но

сердце патріота не могло восторжествовать надъ умомъ философа. Салай боялся, что побѣда совершилась слишкомъ быстро, почти неожиданно. „Мнѣ кажется", говорилъ онъ тогда одному изъ друзей своихъ, „что никогда Провидѣніе не *дарило* народу, а мы еще слишкомъ мало работали, чтобы заслужить то, что̀ свалилось къ намъ такъ внезапно". Но такія мысли онъ высказывалъ лишь преданнымъ друзьямъ; суевѣрная и малодушная толпа, по его мнѣнію, испугалась бы, услышавъ такія неопредѣленныя предчувствія и опасенія; въ своемъ отчаяніи она ничего бы не дѣлала и наконецъ потеряла бы даже то, что̀ было ею пріобрѣтено: *больному* не нужно знать напередъ *возможной* опасности, но *врачъ* долженъ знать и стараться отклонить ее. Въ этомъ смыслѣ и сталъ дѣйствовать Салай: онъ принялся останавливать всякое преувеличеніе, настоятельно указывая Венгріи тѣ средства, при помощи которыхъ можно сохранить за собою столь неожиданно полученныя пріобрѣтенія. *Цивилизація* и *гуманность*—вотъ два столба, которые должны быть глубоко врыты въ сердце націи, для того, чтобы гордая свобода могла спокойно опираться на нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Салай сталъ необыкновенно остороженъ въ выраженіяхъ. Такъ, въ мартѣ у него вырвались слова: „гласъ народа — гласъ Божій", и вслѣдъ за тѣмъ онъ прибавилъ: „можетъ ли это быть иначе, если только народъ воодушевится для прекраснаго и добраго?" А чрезъ нѣсколько дней онъ назвалъ всеобщую подачу голосовъ „прегрѣшеніемъ противъ Св. Духа".

Однимъ изъ настоятельныхъ требованій, выставленныхъ Салаемъ въ началѣ 1848 года, было перенесеніе сейма изъ Буды (Офена) въ Пештъ. Быстро оно было приведено въ исполненіе, и вскорѣ должно было также осуществиться его задушевное желаніе свободы печати, управляемой законами. Едва Деакъ принялъ на себя портфель министра юстиціи, какъ уже принялся вмѣстѣ съ Салаемъ, который назначенъ былъ начальникомъ отдѣленія кодификаціи, за организацію суда надъ преступленіями противъ законовъ о печати. 29-го апрѣля 1848 г. была окончена эта работа, для которой уже давно былъ собранъ богатый матеріалъ. Но едва кончились эти занятія, какъ Салаю поручено было другое, еще болѣе важное дѣло. Революціонное венгерское правительство было въ страхѣ отъ славянскаго движенія и спѣшило заключить тѣсный союзъ съ Германіей, перерожденіемъ которой занимался тогда Франкфуртскій сеймъ. Салай и Пазманди назначены были посланниками во Франкфуртъ. Салай долженъ былъ принять на себя эту миссію уже и потому, что былъ въ тѣсной дружбѣ

со многими нѣмецкими знаменитостями и съ нѣкоторыми изъ нихъ поддерживалъ оживленную переписку. Деакъ, впрочемъ, неохотно отпускалъ Салая отъ себя. 3-го іюня того же года онъ писалъ къ Салаю: „Передай Миттермайеру мою искренною благодарность за его очень интересное для меня посланіе... Одному Богу извѣстно, какъ велика будетъ польза, которую ты принесешь нашему отечеству во Франкфуртѣ; но она должна быть очень велика, чтобъ уравновѣсить тѣ потери, которыя будутъ обусловлены твоимъ отсутствіемъ, вслѣдствіе чего я не въ состояніи представить къ ближайшей сессіи сейма законовъ о наказаніяхъ и преступленіяхъ. Нѣтъ человѣка, которому бы я могъ поручить это дѣло и который рѣшился бы взять его на себя".

Инструкціи, данныя обоимъ депутатамъ, состояли изъ пяти пунктовъ, содержаніе которыхъ представляетъ большой интересъ и въ настоящее время: 1) „Они должны высказать сочувствіе Венгріи къ германскому элементу, какъ представителю цивилизаціи, и должны стараться убѣдить Нѣмцевъ, что они найдутъ въ Венгріи и въ сильной мадьярской народности лучшаго и вѣрнѣйшаго союзника. 2) Венгрія можетъ сдѣлаться братственнымъ союзникомъ Германіи, полезнымъ и значительнымъ въ глазахъ Европы, только въ томъ случаѣ, если она будетъ развиваться подъ покровомъ своей собственной національности; а потому посольство должно заботиться, чтобы въ духѣ этого основнаго взгляда были составляемы рѣшенія Франкфуртскаго собранія, относящіяся къ Австрійской имперіи и касающіяся Венгріи. 3) Венгрія не можетъ слиться съ нѣмецкимъ элементомъ, такъ какъ при этомъ она потеряла бы свою органическую силу, основанную на мадьярской народности, сдѣлалась бы жалкимъ существомъ, не приносящимъ никакой пользы Германіи, и даже пропала бы въ своихъ собственныхъ предѣлахъ. 4) Венгрія будетъ недовольна, если Австрійскую имперію измѣнить такимъ образомъ, что тѣ провинціи ея, которыя принадлежали до сихъ поръ Нѣмецкому союзу, должны будутъ превратиться въ славянскія земли. Измѣненіе въ подобномъ смыслѣ легко могло бы придать симпатіямъ этихъ провинцій такое направленіе, которое было бы не только враждебнымъ, но даже и опаснымъ направленію германской націи; и оно повело бы къ еще большему увеличенію силы громадной уже и въ настоящее время, возрастающее вліяніе которой на западныя государства Европы на столько грозило бы самостоятельности Венгріи, что въ случаѣ, если бы Германія согласилась на такое перерожденіе Австрійской имперіи, противное ея

интересамъ, Венгрія была бы принуждена искать себѣ союзниковъ внѣ предѣловъ нѣмецкой націи. 5) Въ торговомъ отношеніи Венгрія не можетъ сдѣлаться членомъ Германскаго Таможеннаго союза; посланные могутъ однако выразить по этому поводу, что Венгрія будетъ руководствоваться въ торговомъ отношеніи политическими условіями, которыя установятся между Венгріей и Германіей".

18-го мая Салай и Пазманди являлись въ Вѣнѣ къ министру князю Павлу Эстергази, который передалъ австрійскому министерству ихъ полномочія и инструкціи; а 20-го мая министръ-президентъ баронъ фонъ-Пиллерсдорфъ отвѣтилъ, что онъ согласенъ съ содержаніемъ ихъ и не имѣетъ прибавить никакихъ инструкцій съ своей стороны. По прибытіи во Франкфуртъ оба посланника были приняты 25-го мая президентомъ національнаго собранія Генрихомъ Гагерномъ, такъ какъ въ то время нѣмецкая центральная власть еще не была организована. „Встрѣча Гагерна — говоритъ Салай — была вмѣстѣ и дружеская и важная, какъ это слѣдуетъ представителю Германіи, встрѣчающему пословъ Венгріи, протягивающей свою братскую руку. Въ тотъ же день онъ сообщилъ національному собранію о нашемъ прибытіи и его цѣли, что̀ возбудило радостное волненіе". Временная центральная власть Германіи была утверждена 29-го іюня, и правителемъ имперіи былъ избранъ эрцгерцогъ Іоаннъ. 10-го августа министерство было уже устроено; портфель иностранныхъ дѣлъ былъ довѣренъ Іоанну Гекшеру, депутату отъ Гамбурга. Въ этотъ же день Салай представилъ министерству иностранныхъ дѣлъ копію съ полномочія, выданнаго 19-го іюля въ Будѣ эрцгерцогомъ Стефаномъ, намѣстникомъ короля въ Венгріи, аккредитующую Салая передъ эрцгерцогомъ-правителемъ, какъ полномочнаго отъ Венгріи. (Пазманди возвратился въ Венгрію еще въ концѣ іюня, и съ тѣхъ поръ Салай былъ одинъ представителемъ венгерскаго правительства). Вмѣстѣ съ тѣмъ Салай просилъ министра „назначить ему день и часъ, въ который эрцгерцогъ-правитель будетъ принимать его полномочіе". На другой день онъ послалъ въ министерство „конфиденціальное" письмо, въ которомъ предлагалъ „прислать въ Буду-Пештъ постояннаго представителя Германіи", и указывалъ для этого на князя Феликса Лихновскаго. 26-го августа эрцгерцогъ-правитель давалъ аудіенцію Салаю въ присутствіи министра иностранныхъ дѣлъ, и принялъ отъ него полномочія. „Въ теченіе послѣдовавшаго за тѣмъ разговора — говоритъ Салай — я имѣлъ случай убѣдиться въ знакомствѣ эрцгерцога съ венгерскими дѣлами,

при чемъ въ его замѣчаніяхъ высказывалось, какъ мнѣ казалось, расположеніе къ нашему правительству".

Однако, это расположеніе осталось безъ практическихъ послѣдствій; съ каждымъ днемъ возникали все новыя затрудненія, и Салай посылалъ одну ноту за другою въ министерство иностранныхъ дѣлъ, чтобъ удалить существовавшія тамъ предубѣжденія. Въ одной изъ такихъ нотъ, отъ 31-го августа, было сказано: „Въ нѣмецкомъ элементѣ Венгрія видитъ элементъ цивилизаціи, и всегда будетъ считать его такимъ, какъ это ясно доказывается засѣданіемъ нижней палаты въ Пештѣ, 3-го числа текущаго мѣсяца: никогда она не будетъ относиться къ нему враждебно. Конечно, Венгрія будетъ заботиться о развитіи и укрѣпленіи своей народности; ибо она обязана такъ поступать въ видахъ самосохраненія. Германія же должна будетъ, ради своихъ интересовъ, поддерживать это направленіе; ибо Венгрія можетъ сдѣлаться сильнымъ и уважительнымъ государствомъ только путемъ естественнаго и законнаго развитія своей національности; въ этомъ государствѣ Германія найдетъ себѣ лучшаго и неизмѣннаго союзника во время событій, которыя придется намъ переживать вмѣстѣ съ нею. Что касается славянскаго населенія Венгріи, то казалось бы, что венгерское правительство должно смотрѣть на него точно такъ же, какъ на Нѣмцевъ, поселившихся въ Венгріи или переходящихъ туда. Я не думаю однакожь, чтобы Венгрія могла ждать отъ этихъ славянскихъ племенъ развитія на пути культуры и нравственности (!!) Но и въ этомъ отношеніи венгерское правительство не упуститъ изъ вида всѣхъ требованій права и справедливости, какъ оно уже доказало (?)... Нѣсколько дней тому назадъ ваше превосходительство упомянули еще о томъ, чтобы Венгрія взяла на себя часть австрійскаго государственнаго долга. По моему мнѣнію, Венгрія можетъ взять на себя только венгерскія камеральныя облигаціи, явившіяся во время французской войны; остальная часть долга не можетъ быть обязательною для нея. Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что рѣшеніе этого вопроса въ подробностяхъ зависитъ отъ венгерскаго сейма, которому онъ еще не былъ предложенъ. Отъ него будетъ зависѣть признаніе того, долженъ ли этотъ вопросъ рѣшиться только на основаніи права, или же въ видахъ политики. Мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, что на это рѣшеніе будетъ имѣть вліяніе братское вмѣшательство Германіи, которая могла бы теперь показать свое сочувствіе безотлагательнымъ назначеніемъ посланника въ Венгрію"... Въ нотѣ 5-го сентября 1848 года Салай опять настаивалъ на отправленіи по-

сланника отъ германской центральной власти въ Венгрію и возобновилъ предложеніе касательно политическо-коммерческаго союза между Германіей и Венгріей. Касательно коммерческихъ условій онъ ставилъ на видъ утвержденіе новаго тарифа. „Что касается политической стороны этого союза продожаетъ Салай, то исходными точками могли бы служить слѣдующія условія: 1) Венгрія и Германія обоюдно обязуются выставить армію во сто тысячъ человѣкъ по большей мѣрѣ, въ случаѣ если границы Германіи или Венгріи подвергнутся нападенію со стороны славянскаго элемента или другаго государства, союзнаго съ нимъ. Подъ „Германіей“ подразумѣваются всѣ тѣ земли, которыя составляютъ Германскій Союзъ. „Венгрія“ обнимаетъ всѣ страны, подчиненныя венгерской коронѣ, слѣдовательно, и хорватскія земли. 2) Войска эти не должны быть употребляемы для того, чтобы подавлять свободу какого бы то ни было народа; обязанность оказывать помощь является лишь въ томъ случаѣ, когда земли соединенныхъ государствъ подвергнутся нападенію внѣшняго врага или если нѣкоторыя части ихъ явно возстанутъ съ цѣлію отложенія, не смотря на то, что конституціонная свобода всего государства равно простирается и на нихъ. 3) Соединенныя государства обязуются выставлять означенныя войска въ такихъ случаяхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. 4) Войска, приведенныя въ движеніе, содержатся на счетъ помогающаго государства, пока они находятся въ предѣлахъ своего отечества; но коль скоро они перейдутъ эти предѣлы, они содержатся на счетъ государства, звавшаго ихъ“. 16-го сентября, нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ депутатъ отъ Вюрцбурга, Эйзенманнъ, предложилъ Франкфуртскому собранію назначить въ Венгрію посланника и поддерживалъ эту мысль въ видахъ того, что „общій интересъ Германіи требуетъ существованія сильной и цвѣтущей Венгріи“, Салай уже получилъ письмо отъ Гекшера, въ которомъ послѣдній извѣщалъ его, что полномочіе Салая уже окончилось, вслѣдствіе высочайшаго рескрипта Австрійскаго императора отъ 14-го августа на имя венгерскаго сейма.

Напрасно представитель Венгріи протестовалъ противъ такого пониманія дѣла, въ нотѣ отъ 17-го сентября, оканчивавшейся такъ: „Только-что полученная депеша ставитъ въ пріятную необходимость повторить германской центральной власти увѣреніе, что венгерская нація никогда не перестанетъ быть вѣрною своему королю, и послѣ происшествій только-что истекшихъ дней; что она дѣйствовала и будетъ дѣйствовать въ интересахъ трона, которому угрожали разныя козни; но съ другой стороны ея стремленія всегда будутъ направлены

къ тому, чтобъ оградить отъ нападеній конституціонныя права, законную самостоятельность и независимость, точно также какъ цѣлость и сохранность Венгерскаго государства". Въ отвѣтъ на это послѣдовала 1-го октября 1848 года нота къ Салаю отъ барона фонъ-Шмерлинга, управлявшаго въ это время иностранными дѣлами во Франкфуртѣ: „Въ отвѣтъ на письмо вашего высокоблагородія, отъ 17-го сентября, имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего, что сообщеніе, сдѣланное 22-го сентября австрійскимъ полномочнымъ при центральной власти министерству иностранныхъ дѣлъ, вполнѣ оправдываетъ предположеніе, высказанное въ письмѣ отъ 15-го, касательно значенія представленныхъ вами полномочій. По словамъ упомянутаго сообщенія, его величество императоръ и король собственноручнымъ письмомъ отъ 7-го сентября выразилъ свое неудовольствіе по поводу назначенія посланника отъ Венгріи къ временному центральному правительству Германіи. Онъ объявилъ это посольство не существующимъ, ибо по ясному смыслу закона послѣдняго сейма королевство Венгрія не имѣетъ въ другихъ государствахъ никакихъ иныхъ дипломатическихъ представителей, кромѣ общихъ для всѣхъ австрійскихъ провинцій вмѣстѣ. Я не вижу необходимости примѣнять къ настоящему случаю ученіе, что въ международныхъ отношеніяхъ полномочіе продолжается такъ же долго, какъ авторитетъ уполномочивающаго, но долженъ высказать съ сожалѣніемъ, что до тѣхъ поръ мнѣ невозможно вести офиціальныхъ сношеній съ вашимъ высокоблагородіемъ, пока вы не представите полномочія отъ его величества императора и короля Венгріи. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы возобновить увѣренія въ искреннемъ уваженіи и т. д. *Шмерлингъ*". Салай отвѣчалъ 4-го октября: „Вчера я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 1-го числа сего мѣсяца. Хотя я держусь того мнѣнія, что оно не опровергаетъ доводовъ, приведенныхъ мною въ посланіи моемъ, писанномъ въ отвѣтъ на сомнѣніе, высказанное 15-го сентября министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, но все-таки считаю сообразнымъ съ положеніемъ дѣлъ испросить у своего правительства инструкцію, которая разсѣяла бы всѣ возникшія сомнѣнія и утвердила бы меня въ чувствѣ полной справедливости моихъ дѣйствій. Мнѣ остается теперь только высказать свое душевное прискорбіе, что союзъ Венгріи съ Германіей, составляющій цѣль моей миссіи, отодвинулся далеко, и передъ лицомъ германскаго центральнаго правительства, — появленіе котораго съ радостнымъ одушевленіемъ было встрѣчено моимъ правительствомъ и моимъ отечествомъ, болѣе чѣмъ другими государствами

Европы, — торжественно отклонить всякое уменьшеніе или униженіе основнаго венгерскаго закона 11-го апрѣля 1848 года, который нисколько не противорѣчитъ положеніямъ Прагматической Санкціи и окажется лучшей опорой конституціонной монархіи, союза между королемъ и народомъ, на зло реакціоннымъ стремленіямъ коварной партіи. Примите, и т. д. *Владиславъ Салай*". И это онъ писалъ тому самому Шмерлингу, который въ послѣдствіи, сдѣлавшись министромъ Австріи, угнеталъ Венгрію. „Такъ кончилось — пишетъ Салай, въ заключеніе своего донесенія — венгерское посольство при германскомъ центральномъ правительствѣ. Нѣсколько дней спустя я оставилъ Франкфуртъ съ боязливымъ предчувствіемъ, что Венгрія не защититъ своихъ правъ отъ превосходства непріятельскихъ силъ и что Германія или единство Германіи никогда не состоится".

Трудно рѣшить, могъ ли бы кто-нибудь другой на мѣстѣ Салая дѣйствовать во Франкфуртѣ съ бо́льшимъ успѣхомъ, — во всякомъ случаѣ это невѣроятно. Вообще существованіе особаго посланника отъ Венгріи въ какомъ бы то ни было иностранномъ государствѣ слишкомъ противорѣчило взглядамъ людей, имѣвшихъ въ то время большое значеніе во Франкфуртѣ, и отчасти противорѣчило также венгерскимъ законамъ 1848 года, а потому положеніе такого венгерскаго посланника уже съ самаго начала должно было оказаться непрочнымъ. Эти законы 1848 года не допускали никакого раздѣленія въ веденіи иностранныхъ дѣлъ, и вслѣдствіе этого Венгрія могла быть представляема при иностранныхъ дворахъ только черезъ посредство уполномоченныхъ отъ Австріи. Самъ Салай, въ которомъ рѣдкая честность характера соединялась съ высокимъ разумомъ, съ самаго начала чувствовалъ неловкость своего положенія. Въ письмѣ отъ 12-го августа 1848 года къ князю Карлу Лейнингену, президенту совѣта министровъ при германскомъ центральномъ правительствѣ, онъ старался оправдать свое положеніе, говоря, что Австрійскій императоръ передалъ всѣ свои прерогативы эрцгерцогу-намѣстнику Венгріи на время своего отсутствія изъ страны (Венгріи), и что страна эта, по крайней мѣрѣ въ то время, имѣла не только отдѣльное министерство, но и особаго регента, и вслѣдствіе этого должна была имѣть особаго представителя при иностранныхъ дворахъ. Салай лучше другихъ чувствовалъ слабость этихъ аргументовъ, и честная душа его не могла воздержаться, чтобы не прибавить въ концѣ упомянутаго письма, какъ бы для собственнаго успокоенія, слѣдующее: „При установленіи дипломатическихъ сношеній между Германіей и Венгріей, дѣло ка-

сается пока только союза между обоими этими государствами"; а чтобы вполнѣ успокоить свою совѣсть, онъ прибавилъ еще увѣреніе въ преданности Прагматической Санкціи, „которая никакъ не можетъ быть смѣшиваема съ низвергнутою административною системой".

Человѣкъ съ такимъ направленіемъ, съ такими твердыми правилами, такою непоколебимою послѣдовательностью могъ быть годнымъ для всего хорошаго и прекраснаго, но не годился для современной дипломатіи. На этомъ пути онъ даже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ не имѣлъ бы успѣха. Единственнымъ, утѣшительнымъ воспоминаніемъ о пребываніи во Франкфуртѣ у Салая осталась переписка съ новыми лицами, съ которыми онъ свелъ тамъ знакомство; въ числѣ ихъ были: Генрихъ фонъ-Гагернъ, Радовицъ, Гекшеръ, Лихновскій и др. Когда его спросили однажды, шутя, о томъ, какіе орденскіе знаки онъ получилъ за свою франкфуртскую миссію, онъ досталъ письма только-что названныхъ лицъ, и разсматривая ихъ сверкающими глазами, сказалъ: „это мои лучшія украшенія; я ношу ихъ не на груди, а въ сердцѣ".

Миссія Салая потерпѣла неудачу, а вскорѣ онъ получилъ извѣстіе о гибели молодаго князя Лихновскаго, котораго предлагалъ послать въ качествѣ представителя Германіи при венгерскомъ сеймѣ. Мадьяръ по матери (графинѣ Елеонорѣ Зичи), Лихновскій былъ убитъ народною толпой 18-го сентября 1848 года. Вслѣдъ за тѣмъ наступила октябрская революція. Салая тянуло вонъ изъ Франкфурта, гдѣ нечего было дѣлать болѣе. А возвратиться на родину было трудно. Умѣренные элементы все болѣе и болѣе отставали отъ развивавшейся власти Кошута. Съ необыкновенною силой развивала революція свое красное знамя, бороться подъ которымъ Салай не чувствовалъ ни силы, ни призванія. Въ глубокомъ раздумьи онъ оставилъ Франкфуртъ и отправился странствовать по Европѣ безъ плана и цѣли. Когда дѣла его приняли непріятный оборотъ, жена его поспѣшила къ нему во Франкфуртъ и помогала ему переживать тяжелые дни. (Онъ былъ женатъ съ 1844 года на Францискѣ фонъ-Бекеффи, вдовѣ адвоката Мая, умершаго въ 1840 году).

Послѣ краткаго колебанія, Салай рѣшился отправиться сначала въ Парижъ и Лондонъ и убѣдиться тамъ на мѣстѣ, какъ думаютъ въ обоихъ западныхъ государствахъ о Венгріи. Но въ то время Франція слишкомъ была занята собою и не имѣла времени заняться даже мимоходомъ дѣлами Венгріи. Въ первые дни своего пребыванія въ Парижѣ Салай убѣдился, что съ этой стороны Венгріи ждать нечего

и менѣе всего посредничества между нею и австрійскимъ правительствомъ. Въ Лондонѣ сначала невозможно было ему сблизиться съ кѣмъ-либо изъ государственныхъ людей, потому что они считали его за дипломатическаго агента венгерскаго правительства и не желали входить съ таковымъ даже въ неофиціальныя сношенія, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, раздѣленіе представительства Австріи въ иностранныхъ государствахъ было первымъ шагомъ къ распаденію всей имперіи; съ британской же точки зрѣнія, и въ особенности въ то время, считалось необходимымъ всецѣлое существованіе Австрійской имперіи. Только послѣ долгихъ стараній Салаю удалось, повидимому случайно, сойдтись въ нейтральномъ мѣстѣ съ однимъ изъ знатнѣйшихъ членовъ британскаго правительства, и вступить съ нимъ въ объясненія по поводу Венгріи. Объясненія эти были коротки и опредѣленны: „Если Венгрія желаетъ только возстановленія своихъ старыхъ конституціонныхъ правъ и не хочетъ проводить въ жизнь ничего такого, что́ могло бы нарушить цѣлость Австрійской имперіи, то въ такомъ случаѣ Англія не перестанетъ совѣтовать въ Вѣнѣ уступчивость и примиреніе; если же Венгрія разорветъ связь, соединяющую ее съ имперіей, то не можетъ ожидать отъ Великобританіи никакой, ниже моральной, помощи; въ послѣднемъ случаѣ могутъ даже *образоваться въ Европѣ комбинаціи, при которыхъ Англія будетъ принуждена оказывать всевозможную помощь Австрійской имперіи для вторичнаго завоеванія Венгріи*“...

Это объясненіе было такъ значительно, что Салай чувствовалъ себя обязаннымъ сдѣлать его тотчасъ же извѣстнымъ въ своемъ отечествѣ. Это мнѣніе британскихъ государственныхъ людей дошло до свѣдѣнія Кошута не задолго до 14-го апрѣля 1849 года. Не смотря на то, Кошутъ тайно собралъ 13-го апрѣля нижнюю палату и представилъ ей проектъ о публичномъ объявленіи независимости Венгріи съ слѣдующаго же дня. Такое предложеніе онъ поддерживалъ тѣмъ, что въ скоромъ времени произойдетъ конгрессъ европейскихъ правительствъ въ Веронѣ. Конгрессъ этотъ былъ выдуманъ, но депутаты должны были повѣрить Кошуту, такъ какъ всѣ иностранныя газеты были запрещены. Далѣе онъ говорилъ: „Если не объявить независимости страны и не обратить этимъ вниманія Европы на венгерскія дѣла, то итальянскій вопросъ уладится на счетъ Венгріи, между тѣмъ какъ въ противномъ случаѣ венгерская нація будетъ услышана точно такъ же, какъ депутаты Ломбардіи въ Брюсселѣ“.

Послѣ неутѣшительныхъ свѣдѣній, полученныхъ въ Лондонѣ и

Парижѣ, Салай отправился въ Брюссель, все еще вѣруя въ возможность соглашенія Австріи и Венгріи. Но когда онъ получилъ извѣстіе объ объявленіи независимости, поразившее его какъ громомъ, онъ счелъ все потеряннымъ. Въ унынiи и безъ надежды на будущее, онъ не нашелъ покоя и въ Брюсселѣ, и отправился въ маѣ 1849 года въ Швейцарію, чтобъ отыскать тамъ тихое мѣстечко, гдѣ бы можно было прожить нѣкоторое время въ уединеніи на тѣ скромныя средства, которыя были въ его распоряженіи, и составить какой-нибудь планъ для будущаго [1]).

Глубоко озабоченный Салай въ первый разъ остановился на живописныхъ берегахъ Цюрихскаго озера. Его настроеніе не давало ему начать какое-нибудь новое большое сочиненіе, и вслѣдствіе того онъ охотно согласился на предложеніе книгопродавца Геккенаста въ Пештѣ, окончить уже упомянутую выше „Книгу государственныхъ людей и ораторовъ". Тогда же познакомился онъ съ бургомистромъ Цюриха Эшеромъ, о которомъ въ своемъ предисловіи къ только-что названной книгѣ сказалъ: „Друзья прогресса съ теплымъ сочувствіемъ слѣдятъ за этимъ человѣкомъ на его пути; они видятъ въ немъ блистательнаго представителя Швейцаріи, закаленной конституціей 1848 года,— той страны въ Европѣ, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе публицистовъ". Около того же времени Салай издалъ брошюру на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Lettres sur la Hongrie, par Ladislas Szalay» (Zurich, imprimerie d'Orell et Fuessli).

Первое изъ этихъ писемъ было отъ 6-го іюня 1849 года, а пятое и послѣднее было написано 16-го августа 1849 года. Въ первомъ изъ писемъ Салай отклонялъ отъ Венгріи обвиненіе въ томъ, что перемѣна образа правленія и относившіяся къ этому рѣшенія сейма составляли переворотъ, вызванный французскою революціей, и утверждалъ, что эти рѣшенія дали только полную законную силу реформамъ, слѣдовавшимъ съ 1832 года. Кромѣ того онъ говорилъ, что обѣ венгерскія палаты собрались еще съ осени 1847 года, и тотчасъ же послѣ паденія французскаго трона спѣшили разрѣшить прочными

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни Салая можно почерпнуть въ *Oesterreichische Revue,* 1865. II Bd., въ статьѣ: Ladislaus von Szalay's Leben und Wirken, von Dr. *M. Falk.* Сверхъ того многія изъ біографическихъ свѣдѣній о Салаѣ заимствованы нами изъ книги д-ра Александра Флеглера: Erinnerungen an Ladislaus von Szalay und seine Geschichte des ungarischen Reichs (Leipz. 1866).

законами существовавшіе спорные вопросы; это было сдѣлано для того, чтобъ отклонить отъ Венгріи потокъ революціи и доставить Австрійской имперіи твердую точку опоры въ то мгновеніе, которое грозило ей полнымъ разрушеніемъ. Въ большинствѣ тогдашняго сейма господствовалъ сплошь консервативный духъ; но революція появилась отъ обстоятельствъ времени.

Второе письмо, въ дополненіе къ предыдущему, говорило о событіяхъ, которыя привели къ назначенію министерства Баттіани, принявшагося за осуществленіе высказанныхъ сеймомъ положеній, вслѣдствіе чего послѣдовала торжественная санкція новаго управленія 11-го апрѣля 1848 года, совершенная императоромъ Фердинандомъ, въ присутствіи тогдашняго эрцгерцога, а нынѣшняго императора Франца-Іосифа.

Потомъ, въ третьемъ письмѣ Салай объяснялъ отношенія Венгріи къ хорватскимъ землямъ, соединившимся съ ней за нѣсколько столѣтій тому назадъ; въ этихъ земляхъ прежде всего стали замѣтны признаки контръ-революціи. Онъ указывалъ на то, что новое управленіе увеличило число депутатовъ отъ Хорватовъ — съ 3 на 28, по возможности расширило свободу провинцій, и что министерство постоянно заботилось о томъ, чтобъ отстранить всѣ препятствія, которыя могли бы стоять на пути къ примиренію между народами Венгріи.

Въ четвертомъ письмѣ Салай говорилъ о банѣ Елачичѣ. Онъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ изображалъ этого человѣка, почти съ гнѣвомъ говорилъ о журналистахъ, которые обоготворяли бана, о бюллетеняхъ, которыми канцелярія его главной квартиры наводнила Австрію. Онъ смѣялся надъ краснорѣчіемъ бана, прилагая къ нему слова Саллюстія о Катилинѣ: «satis loquentiae, sapientiae parum»; онъ насмѣхался надъ его поэтическимъ талантомъ, который оставилъ по себѣ нѣкоторые слѣды даже въ его прокламаціяхъ. Салай самъ чувствовалъ, что легко можетъ увлечься легкомысленною бранью. „Вы скажете, что злоба заставляетъ меня писать вздоръ, что моя рѣчь становится легкомысленною. Но право, господа, баронъ Іосифъ Елачичъ, изгнанникъ Вѣнскаго двора, вовсе не серіозная личность... Онъ не серіозный человѣкъ, потому что старается вскружить всѣ головы своими пѣснями о призрачномъ рыцарствѣ; но если измѣрить зло, причиненное имъ, то онъ перестаетъ быть забавнымъ, онъ становится самымъ зловѣщимъ лицомъ на политической сценѣ нашего отечества“. Вслѣдъ за тѣмъ Салай разбираетъ политическую дѣятельность Елачича и тѣ контръ-мины, которыя онъ устраивалъ противъ венгерскаго

управленія, и заключаетъ свое письмо манифестомъ 10-го іюня 1848 года, которымъ императоръ Фердинандъ приговорилъ Елачича къ выѣзду изъ Инспрука.

Въ пятомъ письмѣ Салай переходитъ къ венгерскимъ Сербамъ и трансильванскимъ Саксамъ. Что касается первыхъ, то онъ указываетъ, что они составляютъ потомство тѣхъ спасавшихся отъ Турокъ Сербовъ, которые нашли безопасность на венгерской землѣ и въ благодарность за это, что̀ доказываетъ адресъ, отправленный къ императору Николаю, вывѣшивали въ своихъ хижинахъ чаще портретъ Русскаго царя, чѣмъ своего законнаго государя. Однако Салай забылъ, что этотъ адресъ передавалъ на справедливый судъ Австрійскаго императора восьмую статью закона сейма 1847—48 годовъ. Напротивъ того, относительно Саксовъ Салай доказывалъ неопровержимыми фактами, что Трансильванія постоянно была тѣсно соединена съ Венгріей и что притязанія на нее Австрійскаго императора должны быть основаны только на его законномъ титулѣ Венгерскаго короля. Когда Саксы были принуждены придать значеніе своимъ несоразмѣрно большимъ привилегіямъ передъ управленіемъ 1848 года, то излишекъ привилегій прямо доказывалъ, что ихъ національная самостоятельность никогда не была стѣсняема Мадьярами.

Между тѣмъ судьба Венгріи разрѣшилась въ совершенно противоположномъ направленіи, и Салай долженъ былъ прекратить свою публичную переписку, которая не обѣщала никакихъ послѣдствій. Ужасныя извѣстія приходили одно за другимъ. Положеніе дѣлъ въ государствѣ наводило на Салая грусть; сверхъ того пришлось горевать о родственникахъ и друзьяхъ, о прежнихъ сослуживцахъ, между которыми было много почтенныхъ людей. Иные изъ полководцевъ, ученыхъ, поэтовъ, дѣйствовавшихъ въ Венгріи, пали на полѣ битвы; другіе были повѣшены или разстрѣляны, или посажены въ тюрьму. Многіе изъ участниковъ революціи успѣли бѣжать за границу. За ними послѣдовали и другіе, хотя не принимавшіе участія въ возстаніи, но боявшіеся ужасовъ реакціи. Весь кругъ ученыхъ и дѣятельныхъ людей, которые съ 1832 года употребляли всѣ усилія для обновленія своего отечества, разсѣялся и погибъ. Какъ ни тяжелы были чувства, давившія душу Салая, онъ очень рѣдко жаловался на свои горести; онъ зналъ, что̀ за противники у него были, понималъ страшную силу событій и готовился ко всему. Только разъ онъ вышелъ изъ себя, да и то на короткое время. Въ сентябрѣ разнеслась вѣсть, что графа Баттіани, который уже въ 1849 году сидѣлъ въ заключеніи сперва

въ Пештѣ, потомъ въ Голомуцѣ и Люблянѣ, предали военному суду. Узнавъ объ этомъ, Салай тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло. Сильно взволнованный судебнымъ преслѣдованіемъ, которому подвергся Баттіани, онъ началъ громко говорить, что это — насиліе, и награждалъ при этомъ своихъ противниковъ такими прозвищами, которыя не приходится повторять. Однако онъ все еще надѣялся, что ему удастся смягчить хоть отчасти жестокія обстоятельства. Съ этою цѣлью онъ написалъ статью: „Три слова къ австрійскимъ правителямъ" и просилъ доктора Флеглера постараться помѣстить ее въ одной изъ извѣстнѣйшихъ южно-германскихъ газетъ. Событія, однако, быстро слѣдовали одно за другимъ, и прежде чѣмъ статья достигла своего назначенія, дѣло уже было рѣшено. Вечеромъ 6-го октября 1849 года графъ Людовикъ Баттіани былъ разстрѣлянъ. Что же касается до Салая, то онъ съ самаго начала не обманывалъ себя и вѣсть о смерти Баттіани принялъ довольно спокойно. Однимъ изъ качествъ этого рѣдкаго человѣка было то, что онъ не тратилъ напрасныхъ словъ по поводу совершившихся уже событій. Его энергическій умъ всегда думалъ объ обязанностяхъ относительно настоящаго времени и о планахъ для будущаго.

Въ эти дни столь тяжелыхъ испытаній онъ занимался чтеніемъ классическихъ писателей древняго Рима, для того чтобы хотя въ нихъ найдти опору и утѣшеніе. Греческій языкъ былъ ему менѣе знакомъ, чѣмъ латинскій. Чаще и больше всего читалъ онъ Цицерона. Сужденіе его объ этомъ писателѣ было очень оригинально. „Я хорошо знаю, сказалъ онъ однажды доктору Флеглеру, все то, что̀ говорили и что̀ будутъ говорить противъ политической дѣятельности и личнаго характера этого мужа. Но когда я ближе вглядываюсь въ критиковъ, свысока произносящихъ свое сужденіе, то вижу, что они гораздо ничтожнѣе того человѣка, котораго порицаютъ. Безъ состоянія, не происходя отъ какой-либо знатной фамиліи, Цицеронъ сдѣлался великимъ государственнымъ человѣкомъ посреди борьбы партій; при общемъ паденіи нравовъ, образъ жизни его можетъ еще считаться лучшимъ и разумнѣйшимъ. Но добившись почетнаго мѣста, онъ долженъ былъ сохранить его, долженъ былъ устоять противъ напора враждебныхъ партій; трудно было ему притомъ не поскользнуться, ни разу не отступить отъ своего долга. Тѣмъ не менѣе, даже въ самыя тяжелыя минуты его жизни, въ немъ было нѣчто такое, что̀ постоянно привлекало меня къ нему. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ бы перемѣнамъ онъ лично ни подвергался, онъ всегда оставался вѣренъ тому, что̀ разъ задумалъ: онъ всегда желалъ сохранить въ цѣлости все, что̀

было хорошаго въ прежнемъ государственномъ устройствѣ Рима; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ, чтобы при помощи новыхъ идей совершилось духовное обновленіе его народа. Онъ выбралъ изъ результатовъ древняго образованія все, что̀ было между ними полезнаго, хорошаго и благороднаго, и старался изобразить это въ своихъ сочиненіяхъ такъ, чтобы всѣмъ современникамъ было понятно. Въ рѣчахъ Цицерона, блестящихъ и разчитывающихъ на эффектъ, это направленіе затемняется; въ письмахъ оно выступаетъ болѣе, но и тутъ еще мѣшаетъ излишняя заботливость о красотѣ слога. Напротивъ, оно выступаетъ въ полной силѣ въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя Цицеронъ писалъ въ уединеніи, въ часы досуга, вдали отъ политическихъ бурь и волненій. Поэтому я рѣшительно даю предпочтеніе его философскимъ и ученымъ сочиненіямъ. Въ нихъ нахожу я настоящаго, истиннаго Цицерона. Въ нихъ показалъ онъ великія черты своего ума и сердца, въ нихъ выступаютъ его просвѣщенный взглядъ на вещи и богатство познаній, которыми онъ обладалъ; здѣсь въ прекрасной формѣ представлены отношенія людей другъ къ другу. Въ этой впечатлительности ко всѣмъ проявленіямъ человѣческаго духа, въ этомъ стремленіи соединить въ одно цѣлое умственныя произведенія всѣхъ климатовъ и народовъ, въ томъ прямомъ и безпристрастномъ участіи, которое онъ принималъ въ вопросахъ всего человѣчества, вижу я сѣмя того, что̀ мы теперь называемъ любовью къ человѣчеству". Такая особенная привязанность къ Цицерону осталась у Салая на всю жизнь. Въ свободные часы онъ занимался переводомъ на венгерскій языкъ Цицеронова сочиненія „De officiis" и издалъ этотъ переводъ съ примѣчаніями въ 1857 году. Переводъ этотъ, по свидѣтельству знатоковъ мадьярскаго языка, отличается точностью и хорошимъ слогомъ.

Занятія древними писателями, хотя и доставляли Салаю нѣкоторое утѣшеніе, но все же не могли заставить его забыть печальныя событія настоящаго времени. Рана, которую судьба нанесла его отечеству и ему самому, не успѣла еще закрыться и постоянно растравлялась приходившими изъ Венгріи извѣстіями. Сюда присоединились кромѣ того семейныя хлопоты, такъ какъ состояніе его было слишкомъ недостаточно, чтобы доставить ему независимое положеніе. Нужно было найдти какое-либо мѣсто, нужно было упрочить будущность своего семейства. Салай думалъ, что возвращеніе на родину было для него уже невозможно. А гдѣ можно было найдти мѣсто, когда во всей Европѣ еще не утихли волненія, разразившіяся въ 1848 и

1849 годахъ? Это былъ трудный вопросъ. Не рѣдко разные планы представлялись его напряженному уму, но тотчасъ же уничтожались сомнѣніемъ и тѣми очевидными затрудненіями, которыя должны были возникнуть при ихъ исполненіи.

Кругъ знакомыхъ Салая въ Цюрихѣ не былъ обширенъ. Болѣе всего онъ сблизился съ докторомъ Флеглеромъ, который и сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Салаѣ много любопытнаго. По его словамъ, обоихъ ихъ какъ нельзя болѣе занимала исторія Венгріи; она была постояннымъ предметомъ разговоровъ. Нерѣдко Флеглеръ просилъ объяснять то, что̀ ему было непонятно, и Салай всегда очень охотно отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы. Въ послѣдствіи друзья пришли къ мысли о необходимости дать какую-нибудь опредѣленную форму своимъ бесѣдамъ. Дѣло скоро уладилось: Салай согласился посвящать вечера на то, чтобы разказывать Флеглеру исторію Венгріи, начиная съ сейма 1790—91 года до самаго 1848 года. Понятно, что разказы эти имѣли форму живой, свободной бесѣды и не требовали со стороны Салая никакого приготовленія. Вотъ что̀ говоритъ самъ Флеглеръ объ этихъ бесѣдахъ: „Въ нихъ, какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ Салая, положительный умъ его твердо держался фактовъ и только на фактахъ основывалъ свои общіе выводы и заключенія. Государственныя учрежденія своего отечества понималъ онъ, какъ результатъ историческаго развитія народа, но съ другой стороны онъ также былъ знакомъ съ философскими идеями новаго времени и умѣлъ показать ихъ вліяніе на государственное устройство страны. Когда онъ сравнивалъ венгерскую конституцію съ конституціей англійской, французской и нѣмецкой, то не ограничивался только общими фразами, а сравнивалъ и объяснялъ самыя мелкія подробности. Тутъ только изъ разказовъ Салая получилъ я впервые вѣрное понятіе о томъ, что̀ такое комитатъ; тутъ только я узналъ исторію его образованія, его отношенія ко всему государству, его управленіе и подраздѣленіе на части. Онъ хорошо зналъ какъ недостатки, такъ и преимущества венгерской конституціи; онъ понималъ, какіе пункты конституціи должно подвергнуть реформѣ. Онъ очень хорошо выяснилъ развитіе конституціи въ связи съ историческими фактами, при чемъ они пояснили другъ друга. Ему хорошо было извѣстно распредѣленіе различныхъ народностей въ Венгріи, число жителей той или другой народности въ каждомъ комитатѣ, наконецъ различныя вѣроисповѣданія народовъ Венгріи. Онъ касался въ своихъ разказахъ устройства городовъ и отношенія городскаго населенія къ сельскому. Онъ былъ хорошо

знакомъ съ общественнымъ положеніемъ большей части политическихъ дѣятелей и умѣлъ показать самыя потаенныя причины ихъ поступковъ и дѣйствій. Проницательнымъ взоромъ слѣдилъ онъ за политическими побужденіями, которыя то соединяли во едино самыя враждебныя племена, то дѣлили на два лагеря части одного и того же народа. Онъ велъ нить историческаго разказа, объясняя огромное число фактовъ, доискиваясь ихъ сокровеннѣйшихъ причинъ, и въ живыхъ, яркихъ краскахъ представлялъ мнѣ борьбу партій. Такого живаго и увлекательнаго разказа, какой я слышалъ изъ устъ Салая, не привелось мнѣ встрѣчать никогда; и даже послѣ того, какъ я прочелъ превосходную книгу Михаила Горвата о томъ же періодѣ венгерской исторіи, я все еще живо сохраняю въ памяти все то, что̀ разказывалъ мнѣ мой незабвенный другъ. Нѣсколько разъ при изложеніи борьбы партій приходилось ему объяснять то положеніе, которое онъ самъ принималъ въ этой борьбѣ. Салай, какъ и слѣдовало ожидать, стоялъ за постепенное преобразованіе венгерской конституціи и требовалъ, чтобъ это преобразованіе совершалось на основаніяхъ, указанныхъ, какъ природными, такъ и историческими условіями страны. Онъ признавалъ полное право комитатовъ на самоуправленіе въ дѣлахъ, касающихся мѣстныхъ интересовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ порицалъ ихъ демократическія стремленія, и въ дѣлахъ государственныхъ желалъ подчинить ихъ высшей законодательной власти". Централизація, которую онъ имѣлъ при этомъ въ виду, не должна была однако имѣть тяжелаго, подавляющаго вліянія. Онъ былъ убѣжденъ, что можно было найдти форму государственнаго устройства, при которой всѣ органы государственной власти будутъ исходить изъ народной жизни, такъ что̀ низшіе органы будутъ по возможности пользоваться самостоятельностью, высшіе же органы должны будутъ подчиниться одной крѣпкой власти. Въ сохраненіи и поддержаніи свободныхъ формъ народной жизни видѣлъ онъ высшую задачу своего отечества. Въ дѣйствительности очень немногое соотвѣтствовало взглядамъ Салая; главнымъ препятствіемъ къ осуществленію его мысли служило чиновничество, или скорѣе то, что̀ мы обозначаемъ словомъ: бюрократія. „Вызванная на свѣтъ монархическою властью", такъ выражался онъ, „для противодѣйствія средневѣковымъ началамъ и для преобразованія государственнаго устройства, которое должно было измѣниться вслѣдствіе неограниченной власти правителя, бюрократія заняла твердое мѣсто между государемъ и народомъ, и соединяя ихъ между собой, вмѣстѣ съ тѣмъ разобщала ихъ. Жизненный принципъ

ея есть стремленіе все уравнять,—стремленіе, которое необходимо выступило впередъ, когда требовалось уничтожить составныя части древняго государства. Но какъ только дѣло это было совершено, тотчасъ выступило все, что̀ было дурнаго въ этой чиновнической іерархіи, которая, уравнивая все вокругъ себя, приняла въ себя элементы неравенства, которое выразилось въ разныхъ чинахъ, титулахъ и отличіяхъ; чиновничество сдѣлалось при этомъ чѣмъ-то въ родѣ касты. Въ своихъ отношеніяхъ къ народу бюрократія дѣйствуетъ подъ покровомъ священнаго трона, а королей убѣждаетъ въ необходимости своего существованія. Она играетъ и кокетничаетъ съ народомъ конституціями и парламентскими собраніями, а между тѣмъ очень часто руководствуется только своимъ произволомъ и производитъ страшныя насилія. Отъ такого ложнаго положенія является стремленіе все захватить въ свои руки, является увѣренность въ собственномъ совершенствѣ и непогрѣшимости. Бюрократія стремится подчинить себѣ промышленность, торговлю, школы и даже семейную жизнь. Всюду вводитъ она единообразіе, все подраздѣляетъ, классифицируетъ, всюду ставитъ нумера, всюду вводитъ новыя ступени чиновъ! Отсюда жизненною пищей ея дѣлаются формуляры, протоколы, реестры и т. д.—все пустыя формы безъ жизни, безъ содержанія. Законы наши теперь не суть продукты народной жизни; это не выработанныя самимъ народомъ понятія о правѣ, не обычаи, сохранявшіеся въ неприкосновенности цѣлые вѣка, а чисто искусственныя произведенія, созданныя по теоретической мѣркѣ. Такой образъ правленія представляется очень привлекательнымъ; кажется, что очень легко владѣть машиной, которую посредствомъ разныхъ пружинъ можно двигать направо и налѣво. Но легкость этого дѣла очень обманчива. Въ бюрократіи лежатъ начатки революціи, хотя она этого и не знаетъ; она уничтожаетъ консервативныя начала, которыя должны служить основаніемъ монархій; кромѣ того, защищая требованія трона, она, доходя до крайностей, лишаетъ тронъ народной любви. Раздраживъ же враждебныя силы, она при первомъ потрясеніи бѣжитъ со сцены дѣйствія и оставляетъ тронъ безъ защиты. Въ самомъ дѣлѣ, когда я гляжу на массу правилъ, распоряженій и деспотическихъ мѣръ, исходящихъ отъ бюрократіи, то невольно вспоминаю оригинальныя слова Стефана Горвата, которыми онъ заканчивалъ свои лекціи государственнаго права: „nimius ordo nimia servitus“.

„Часто повторялъ эти слова Салай, продолжаетъ Флеглеръ, и всегда сопровождалъ ихъ своимъ веселымъ смѣхомъ. Онъ говорилъ, что су-

ществованіе бюрократіи указываетъ на болѣзненное состояніе какъ правительства, такъ и народа, но прибавлялъ при этомъ, что переполненіе зла приведетъ къ выздоровленію, приведетъ къ тому, что народъ не захочетъ бюрократіи и пожелаетъ прежней простоты въ системѣ управленія. Чѣмъ чаще говорилъ я съ моимъ другомъ о венгерскихъ дѣлахъ, тѣмъ яснѣе для меня становилось, что безъ знанія мадьярскаго языка нельзя вполнѣ понимать венгерскую исторію; это замѣчаніе относится къ венгерской исторіи болѣе, чѣмъ къ исторіи какого бы то ни было другаго народа. Мадьяры не только поддержали свое политическое преобладаніе въ странѣ, которую они завоевали девять вѣковъ тому назадъ, но кромѣ того они вполнѣ сохранили свои народныя особенности; а въ числѣ этихъ особенностей первое мѣсто занимаетъ языкъ; поэтому-то изученіе языка идетъ неразрывно съ изученіемъ исторіи Мадьяръ. Желаніе выучиться мадьярскому языку твердо засѣло мнѣ въ голову, но трудность его много разъ устрашала меня. Наконецъ, разъ въ одинъ счастливый день, опасенія мои разсѣялись и я рѣшился приняться за его изученіе. Въ одинъ изъ вечеровъ, посвященныхъ нашимъ бесѣдамъ, зашла какъ-то рѣчь о поэзіи и преимущественно о поэзіи мадьярской. Во время разговора Салай, между прочимъ, замѣтилъ слѣдующее: „Мы не особенно поэтическій народъ, что я уже не разъ говорилъ своимъ соотечественникамъ, и наша поэтическая литература съ трудомъ можетъ соперничать не только съ великими, но и съ второстепенными европейскими литературами. Тѣмъ не менѣе въ нашихъ стихотвореніяхъ есть какая-то особенная прелесть, какая-то свѣжесть и сила; я не сомнѣваюсь, что вы нашли бы въ нихъ много прекраснаго, но это почти невозможно безъ знанія мадьярскаго языка. Переведенныя стихотворенія всегда казались мнѣ блѣдными, безцвѣтными и никогда не были въ состояніи замѣнить мнѣ оригиналъ. Мадьярскія же стихотворенія особенно трудно перевести хорошо, вслѣдствіе труднаго состава предложеній. Посредственный переводъ не передастъ красоты подлинника, а дурной представитъ на него каррикатуру“. Мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на ухо связная мадьярская рѣчь; Салай удовлетворилъ моему желанію и прочелъ мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ мадьярскихъ стихотвореній. Затѣмъ онъ взялъ карандашъ и на память написалъ мнѣ три небольшія стихотворенія: 1) Прекрасное двустишіе Берсени на Наполеона, 2) его же оду „Къ друзьямъ“ и 3) „Къ поэту“ сочиненіе Верешмарти. Онъ перевелъ мнѣ эти стихотворенія слово въ слово, объяснилъ особенности мадьярскихъ

склоненій и показалъ отношенія отдѣльныхъ словъ другъ къ другу; затѣмъ говорилъ о суффиксахъ и обратилъ особенное вниманіе на опредѣленное и неопредѣленное спряженіе мадьярскихъ глаголовъ, что̀ всего труднѣе для Нѣмца. Конечно, на другой день я все это позабылъ, и осталось только какое-то общее понятіе, но тѣмъ не менѣе начало уже было сдѣлано, Я взялся за грамматику и началъ учить склоненія. Къ нашимъ историческимъ бесѣдамъ присоединились теперь упражненія въ мадьярскомъ языкѣ. Салай не былъ отъ природы грамматикомъ, но при объясненіи формъ ему много помогало его знаніе латинскаго, нѣмецкаго, англійскаго и французскаго языковъ. Эти общія занятія нравились Салаю; они разсѣевали его и дѣлали его веселѣе. Нерѣдко, когда мрачная мысль охватывала его голову или когда въ разговорѣ касались мы настоящаго положенія Венгріи, онъ говорилъ мнѣ: „пойдемте, сядемте скорѣе за работу!“

Между тѣмъ прошла зима, и настала весна 1850 года. Салай задумалъ переселиться въ Роршахъ. Флеглеръ видѣлся съ нимъ ежедневно, и такъ записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ послѣднія рѣчи Салая: „Едва-ли когда-нибудь — говорилъ онъ мнѣ въ это время — я буду въ состояніи занять общественную должность въ моемъ отечествѣ; служить при теперешней системѣ, если бы даже услуги мои были приняты, совѣсть и убѣжденіе въ одинаково сильной степени воспрещаютъ мнѣ, а до тѣхъ поръ, пока система перемѣнится, я уже по другимъ причинамъ, вѣроятно, сдѣлаюсь ни къ чему неспособнымъ. Но личная судьба моя не имѣетъ важнаго значенія въ виду общей участи моего отечества; оно будетъ существовать и впредь, не смотря на гибель частныхъ людей. Именно теперь, когда я не могу ожидать отъ отечества ни отличій, ни повышеній въ должностяхъ, именно теперь я еще живѣе чувствую, чѣмъ я ему обязанъ. Теперь я испытываю сильную потребность разъяснить себѣ, въ самомъ ли дѣлѣ то, къ чему мы стремились, есть только воздушный за̀мокъ, созданный пустыми мечтателями, какъ увѣряютъ наши противники, или дѣйствительное зданіе, опирающееся на твердую историческую основу. Можетъ-быть, эта потребность возбуждается во мнѣ уже настоящимъ удаленіемъ моимъ отъ роднаго общества; а теперешнее положеніе Венгріи, не допускающее никакихъ заблужденій, и безъ того ставитъ намъ въ обязанность бросить трезвый и безпристрастный взглядъ на самихъ себя. Для обсужденія такого важнаго жизненнаго вопроса первымъ условіемъ должно быть самопознаніе. Я уже говорилъ вамъ, что не считаю поэтическое увлеченіе нашею главною особенностью;

по крайней мѣрѣ оно у насъ не такъ сильно, чтобы могло господствовать надъ другими стремленіями духа и чтобъ оно могло увлечь насъ къ пожертвованію нашими интересами. Точно также намъ чужды — и притомъ во всѣхъ направленіяхъ — доктринерство, система, идеологія; мы не обладаемъ преимуществами этихъ видовъ умственной дѣятельности, но и не подвергаемся вреду, отъ нихъ проистекающему; послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго ознакомленія мы отталкиваемъ отъ себя все, что̀ противорѣчитъ природѣ, опыту и фактамъ. Въ доказательство приведу наши церковныя дѣла. Мадьяръ вообще религіозенъ, но онъ чуждается крайностей, къ которымъ религіозное чувство нерѣдко увлекало другіе народы; у насъ одинаково мало простора какъ для безрелигіозности, такъ и для изувѣрства. Случаи догматическихъ мудрованій, ханжества и религіозной нетерпимости были у насъ явленіями исключительными, довольно рѣдкими. Религіозныя преслѣдованія и раздоры были намъ каждый разъ навязываемы извнѣ; духъ мадьярскаго народа постоянно противился всему этому, и наконецъ, протестанты и ультрамонтаны могли у насъ держаться, сообразуясь съ нашими національными чувствованіями. У насъ всегда существовала вѣротерпимость, она существуетъ теперь и будетъ впредь существовать. Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію; пусть объясняютъ его какъ хотятъ: врожденнымъ ли человѣколюбіемъ, равнодушіемъ ли къ вѣрѣ, или политическою прозорливостью. Итакъ, если мы не въ высокой степени обладаемъ поэтическими и философскими способностями, то за то мы народъ рѣшительно политическій и способный къ государственнымъ дѣламъ. Я утверждаю это въ отвѣтъ всѣмъ, которые хотя сами вовсе не отличаются политическимъ характеромъ, однако безусловно отказываютъ намъ въ этой отличительной чертѣ нашего быта, и очень были бы рады любезно оттѣснить насъ съ нашими комитатами, великими жупанами, вицежупанами, судьями и нотаріусами на высоты Алтая или на берега Селенги. Толковать постоянно только о высокомѣріи нашего сословія магнатовъ смѣшно, и этими толками доказывается совершенное незнаніе нашей исторіи; наше дворянство, въ разнообразныхъ степеняхъ его, до простаго немеша и бѣднаго бочкороза[1]), при своемъ соціальномъ соприкосновеніи съ крестьянскимъ сословіемъ, никогда не замыкалось въ мертвую, муміи подобную касту, никогда не перехо-

---

[1]) Нѣчто въ родѣ нашихъ однодворцевъ и мелкой, засцянковой шляхты въ древней Польшѣ.

дило въ бюрократію. Оно имѣло свои періоды разслабленія, заблужденій и своекорыстныхъ стремленій, но никогда не отрѣшалось отъ связи съ народомъ. Мы господствовали надъ другими племенами не одною только грубою силой (для этого въ теченіе столь долгаго времени у насъ не хватило бы матеріальныхъ силъ), но посредствомъ превосходства нашей организаціи и живаго сочувствія къ общественнымъ интересамъ, которое мы постоянно оказывали. Неужели же навсегда утратило силу то, что̀ въ продолженіе почти тысячи лѣтъ поддерживало въ связной послѣдовательности нашъ народъ и содѣйствовало развитію нашей конституціи? Вотъ вопросъ, который я предложилъ себѣ и которому посвящу всѣ силы моего ума. Если послѣ безпристрастныхъ изысканій я приду къ увѣренности, что наши учрежденія не могутъ держаться, что основы нашего теперешняго быта находятся въ противорѣчіи со всѣмъ направленіемъ современности, что сущность нашей почтенной конституціи утратила свою жизненность, то какъ бы ни было прискорбно это убѣжденіе, мнѣ не останется ничего другаго, какъ пожертвовать нашею національностью первому встрѣчному, поджидавшему этой добычи. Но если, наоборотъ, тщательными изысканіями будетъ доказано, что сочный стволъ стараго дерева, подъ сѣнію котораго мы цѣлыя столѣтія съ честію существовали, еще можетъ давать листья, цвѣты и плоды, то мы должны снова собраться вокругъ него и всѣми силами защищать этотъ оплотъ нашей свободы. Еще я надѣюсь на это, еще я вѣрую, что мой народъ съ несокрушенною силою выйдетъ изъ этого кризиса. Мы подобимся въ Венгріи крѣпкой кожѣ быка; насъ будутъ туда и сюда тянуть, но никогда не разорвутъ".

Но ученыя бесѣды и литературныя занятія не могли совершенно оторвать вниманія Салая отъ ужаснаго переворота, совершившагося въ Венгріи. Случившееся было хуже, чѣмъ онъ предполагалъ. Венгрія потеряла не только то, что̀ было ей „подарено" благосклонностью судьбы въ счастливую минуту, но и то, что̀ она пріобрѣла въ теченіе вѣковъ. Новая конституція скончалась еще прежде, чѣмъ начала жить. Старая же конституція была разбита и не могла, даже не должна была возродиться. Населеніе цѣлой страны было ослаблено; почти два поколѣнія отчасти истекли кровію на поляхъ битвы, отчасти томились въ темницахъ или носили солдатскій мундиръ въ далекихъ странахъ, между тѣмъ какъ тысячи бродили по чужимъ землямъ безъ хлѣба и крова. Матеріальное благосостояніе страны было уничтожено на нѣсколько лѣтъ, и съ этимъ страшнымъ временемъ совпалъ, кромѣ

того, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, сдѣлавшійся необходимымъ вслѣдствіе освобожденія земли. Чтобъ еще увеличить несчастіе, обѣ половины имперіи глубоко были возстановлены другъ противъ друга. Въ Венгріи сердились на наслѣдственныя австрійскія земли за то, что онѣ пожертвовали всѣмъ своимъ достояніемъ для покоренія сосѣдняго народа, а въ западной половинѣ имперіи высчитывали всѣ жертвы, которыя были причинены государству виною Венгріи. Такое взаимное настроеніе помогало вѣнскому правительству примѣнять безпредѣльную строгость къ униженной странѣ.

Въ такомъ положеніи находились тогда дѣла въ Венгріи, и ужасная картина этого безнадежнаго положенія преслѣдовала Салая и днемъ, и ночью. Историческія бесѣды съ Флеглеромъ навели его на мысль искать въ венгерской исторіи основаній для будущаго возрожденія отечества. Подъ вліяніемъ такой мысли, Салай принялъ, наконецъ, важное рѣшеніе. Онъ написалъ барону Этвешу, который находился тогда въ Мюнхенѣ, что не можетъ долѣе переносить сомнѣній и во что бы то ни стало долженъ убѣдиться, есть ли еще какая надежда для Венгріи, или нѣтъ. Для этого существуетъ лишь одно средство: *изученіе венгерской исторіи*. Въ это изученіе онъ хочетъ погрузиться всею душой, и если найдетъ только тамъ утѣшеніе, если увидитъ въ прошломъ хоть слабѣйшее указаніе того, какъ перейдти черезъ тяжелое настоящее къ болѣе радостному будущему, тогда онъ познакомитъ и націю съ результатами своихъ изслѣдованій, тогда онъ *напишетъ исторію Венгріи!*.. Любовныя страданія превращали въ поэтовъ многихъ. Страданія патріота сдѣлали Салая историкомъ.

Само собою разумѣется, что Этвешъ подкрѣпилъ намѣреніе любимаго друга и обѣщалъ присылать къ нему тотчасъ же всѣ нужныя книги, какія только найдутся. Но за исключеніемъ «Scriptores rerum Hungaricarum» Шванднера, онъ могъ найдти мало такого, чего нельзя было бы достать точно также и въ Цюрихѣ. Это не остановило Салая: безъ длинныхъ приготовленій онъ принялся за дѣло, которое не было для него трудно, потому что во времена своей юности и знакомства съ Стефаномъ Горватомъ онъ много занимался именно древнею исторіей Венгріи. Это была, вмѣстѣ съ тѣмъ, та часть венгерской исторіи, надъ которой работали сравнительно болѣе всего, не смотря на то, что она имѣла довольно слабую связь съ послѣдующими временами, на которыя Салай думалъ обратить особенное вниманіе. Съ этого времени Салай принадлежалъ къ числу самыхъ прилежныхъ посѣтителей Цюрихской кантонской библіотеки, и чѣмъ незначительнѣе

было число доступныхъ для него источниковъ, тѣмъ тщательнѣе и добросовѣстнѣе онъ пользовался ими. Собравъ весь матеріалъ, онъ переселился въ живописную деревню Роршахъ на Боденскомъ озерѣ, чтобъ имѣть возможность работать тамъ въ полномъ уединеніи, среди очаровательно красивой природы. 20 августа 1851 года былъ оконченъ первый томъ исторіи Венгріи, отъ переселенія Мадьяръ въ Европу и до появленія Золотой Буллы. Нашелъ ли Салай искомое имъ утѣшеніе въ изученіи исторіи, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать вступительныя слова, которыми онъ сопровождалъ тогда первый томъ: „Я хочу передать здѣсь книгу въ руки того молодаго поколѣнія, которое только-что хочетъ оставить порогъ родительскаго дома, чтобы вступить на поприще общественной жизни, и которое должно соединить въ себѣ воодушевленіе съ осторожностью, силу и воздержанность, любовь къ отечеству и знакомство съ нимъ, вѣру въ будущее націи и мудрое сознаніе ея прошедшаго, если оно хочетъ осуществить свои надежды и потребности страны. Мысленно я вступаю въ кругъ моихъ молодыхъ друзей, и представляю имъ предковъ, мужество которыхъ покорило это отечество, мудрость которыхъ удерживала его за ними, ошибки которыхъ повергли его въ опасность, но которые *всегда спасали его отъ этой опасности* безотлагательнымъ удаленіемъ неблагопріятныхъ условій, если это было *возможно*, или цѣною продолжительныхъ страданій, съ терпѣніемъ и настойчивостію, если это было *нужно*“. Десять лѣтъ спустя, въ 1860 году, Салай выпустилъ второе изданіе перваго тома, сопровождая его слѣдующими словами: „Скоро будетъ десять лѣтъ, какъ я въ первый разъ выпустилъ въ свѣтъ этотъ томъ моей исторіи Венгріи. При появленіи его, я съ тяжелою заботой, но не безъ надежды, смотрѣлъ на будущее націи. Надежды мои основывались прежде всего на патріотическомъ одушевленіи молодаго поколѣнія; тѣмъ, что это одушевленіе не испарилось во время истекшихъ лѣтъ, а напротивъ все болѣе увеличивалось, подавая надежду, что мы снова увидимъ разцвѣтающимъ предметъ нашей общей любви и заботъ, наше отечество, — этимъ мы обязаны преимущественно литературѣ, и можетъ-быть, хоть немного тому сочиненію, второе изданіе котораго передается при семъ въ руки читателя. Но если горизонтъ и очистится, то все-таки останется еще много причинъ для того, чтобы слѣдить съ озабоченнымъ взоромъ за дальнѣйшимъ развитіемъ нашихъ общественныхъ условій. Можно надѣяться на счастливое устройство ихъ лишь тогда, когда тѣ, которые съ воодушевленіемъ почерпали *силу* изъ исторіи

своихъ предковъ, почерпнутъ теперь изъ той же исторіи *условія* силы: мужественное благоразуміе, осторожность и умѣренность, соединенную съ непоколебимымъ сохраненіемъ права и закона. На этомъ, исключительно на этомъ пути они могутъ вновь возстановить отечество, за которое возносится, изъ милліоновъ сердецъ, теплая молитва: „Esto perpetua“.

ГЛАВА III.

Исторія Венгріи, по Салаю, до битвы при Могачѣ.

Венгерская исторіографія лишь теперь становится предметомъ изученія въ европейской литературѣ. Въ извѣстномъ *Историческомъ Журналѣ,* издаваемомъ профессоромъ Зибелемъ, появилась недавно статья знакомаго уже намъ доктора Флеглера о венгерскихъ историкахъ, далеко еще не доведенная до своего конца [1]). Этотъ обзоръ венгерской исторіографіи мы предлагаемъ здѣсь только какъ необходимое предисловіе къ изложенію историческаго труда Владислава Салая. Но такъ какъ и самое сочиненіе Салая еще только начато переводомъ на нѣмецкій языкъ, то мы при нашемъ изложеніи его будемъ пользоваться указаніями Салаева друга Флеглера и слѣдовать за его передачей историческихъ взглядовъ Салая. Скажемъ прежде нѣсколько словъ о венгерской исторіографіи.

Первыя сочиненія, появившіяся въ Венгріи и касавшіяся отечественной исторіи, были писаны на латинскомъ языкѣ. Они появились вмѣстѣ съ христіанствомъ и имѣли видъ легендъ, которыя мало по малу разрослись въ хроники. Во времена Матвѣя Гуніади, пригласившаго въ Венгрію не мало ученыхъ Италіанцевъ, отрывочныя хроники превратились въ обширныя лѣтописи, которыя стали разростаться съ каждымъ годомъ. Сочиненіе Антона Беранчича въ XVI и Николая Истванфи въ XVII вѣкѣ уже удовлетворяли всѣмъ требованіямъ систематической лѣтописи. За ними послѣдовалъ цѣлый рядъ попытокъ въ томъ же родѣ, заключившійся обширными трудами Прая

---

[1]) Beiträge zur Würdigung der ungarischen Geschichtschreibung, von *Alexander Flegler,* въ *Historische Zeitchrift,* herausg. von Heinrich v. Sybel; 2 Heft für 1867 Jahr., s. 318—395.

и Катоны, послѣ которыхъ обычай писать исторію на латинскомъ языкѣ прекратился. Не смотря однакожь на знакомство образованныхъ классовъ въ Венгріи съ латинскимъ языкомъ, самыя лучшія хроники, писанныя по латыни, не могли пользоваться большою извѣстностію, и потребность въ историческихъ сочиненіяхъ на народныхъ языкахъ, и прежде всего на мадьярскомъ, становилась все болѣе и болѣе ощутительною. Они начались также со временъ Матвѣя Гуніади, дѣянія котораго дали богатый матеріалъ для народныхъ историческихъ пѣсенъ. За тѣмъ появились риѳмованныя хроники, какъ объ отечественныхъ,такъ и объ иностранныхъ событіяхъ, выходившія въ свѣтъ въ изобиліи до конца XVI столѣтія. Онѣ составляютъ переходъ къ чисто историческимъ хроникамъ на мадьярскомъ языкѣ, изъ которыхъ самая древняя относится къ половинѣ XVI вѣка. Сочинителемъ ея былъ Стефанъ Секѐли, потомокъ Седмиградской (Трансильванской) фамиліи. Онъ изложилъ въ сжатомъ разказѣ исторію своего народа отъ первоначальнаго времени до того, въ которомъ самъ жилъ. Исключительно придерживаясь отечественныхъ сагъ и преданій, онъ повѣствуетъ, что его народъ вышелъ изъ Скиѳіи, а предками его почитаетъ Гунновъ. Королевскій родъ Арпадовъ онъ возводитъ отъ Арпада черезъ семь поколѣній до Аттилы, а происхожденіе послѣдняго черезъ тридцать семь поколѣній до Хама, сына Ноева. Послѣ великой битвы, которая положила конецъ владычеству сыновей Аттилы, часть Мадьяровъ осталась въ Седмиградскомъ княжествѣ (Трансильваніи); они-то и суть Секлеры. Начиная съ Арпада, Секели разказываетъ о событіяхъ при разныхъ короляхъ, описывая ихъ въ тѣсной рамкѣ, но не безъ нѣкотораго округленія фактовъ. Онъ обращаетъ довольно много вниманія на связь и совокупность разказа, впрочемъ, болѣе въ повѣствованіи о древнихъ нежели о новѣйшихъ временахъ. Событія болѣе новыя изложены у него часто весьма отрывочно и одиночно; именно описаніе 1558 года, которымъ заканчивается книга, авторъ начинаетъ разказомъ о пожарѣ въ Дебречинѣ, потомъ вдругъ переходитъ къ тремъ камнямъ, упавшимъ съ неба, далѣе упоминаетъ о сраженіи между Францемъ Немети и Серенчемъ, повѣствуетъ о совершенной въ Трансильваніи при королевѣ Изабеллѣ казни Франца Бебека и обоихъ Кенди, перескакиваетъ назадъ къ опустошеніямъ, которыя были произведены въ окрестностяхъ Токая солдатами Фердинанда, упоминаетъ о пораженіи, нанесенномъ турецкому полководцу Велихану, и заключаетъ слѣдующими словами: „Во все лѣто на западной сторонѣ неба являлась зловѣщая звѣзда

съ хвостомъ (комета)". Вообще основную черту характера этого лѣтописца составляютъ естественность и простодушіе.

Другой лѣтописецъ, заслуживающій упоминанія, есть Каспаръ Гельтай, протестантскій пасторъ въ Колошварѣ (Клаузенбургѣ въ Трансильваніи), современникъ Секели, но моложе его. Въ связности разказа и ясности сужденіи онъ ниже Секели, и Францъ Тольди, извѣстный знатокъ и историкъ венгерской литературы, утверждаетъ даже, что у него не было вкуса и что языкъ его неправиленъ. Тѣмъ не менѣе сочиненіе Гельтая уже представляетъ существенный прогрессъ, о которомъ свидѣтельствуютъ другія качества его историческаго изложенія: писавши венгерскую исторію на мадьярскомъ языкѣ, онъ очевидно принялъ себѣ въ образецъ латинское сочиненіе Бонфини. Воздавъ хвалу великимъ заслугамъ Матвѣя Гуніади и его ученой жизни, онъ переходитъ къ описанію венгерскихъ владѣній, ихъ свойствъ и естественныхъ произведеній, излагая вмѣстѣ съ тѣмъ общее обозрѣніе всѣхъ комитатовъ. Къ этому онъ присоединяетъ отдѣльную главу о Седмиградскомъ княжествѣ (Трансильваніи), которое описано также, какъ Венгрія, и потомъ переходитъ къ первобытной исторіи народа. Подобно Секели, онъ принимаетъ, что Мадьяры дважды прибывали въ Венгрію: въ первый разъ при Аттилѣ, и во второй разъ уже при Карлѣ Великомъ. Ясно, что онъ смѣшиваетъ Аваровъ съ Мадьярами, да и послѣдующія войны Мадьяръ оказываются какъ бы продолженіемъ и результатомъ давно созданнаго положенія. Такимъ образомъ авторъ приходитъ къ длинному ряду королей, которыхъ дѣянія и судьба у него описаны довольно подробно; преимущественно онъ распространяется о временахъ Гуніадовъ и ихъ преемниковъ, болѣе близкихъ къ его времени. Вся хроника оканчивается описаніемъ битвы при Могачѣ (Mohács) въ 1526 году.

Гельтай, очевидно, не былъ силенъ въ исторической критикѣ; но это можно ему извинить тѣмъ болѣе, что въ его время и у другихъ народовъ исторія едва начинала освобождаться отъ путаницы, водворенной въ ней средневѣковыми сагами. Онъ любилъ чудесное и отдавалъ ему предпочтеніе передъ здравымъ взглядомъ на факты; не смотря на то его исторія не лишена достоинствъ: онъ умѣлъ хорошо группировать событія, и хотя очень часто ошибался, однако усиливался отыскать между ними внутреннюю связь. Именно по причинѣ этого обстоятельства онъ выше Секели.

Обратимся теперь къ третьему лѣтописцу, у котораго мадьярское бытописаніе уже вполнѣ вступаетъ въ область здраваго разсудка и

дѣйствительности. Это—„Девять книгъ печальной мадьярской хроники (Siralmas magyar kronikának kilencz könyvei), которыя для предостереженія и поученія потомства собралъ и изложилъ письменно, на собственномъ нашемъ (то-есть, мадьярскомъ языкѣ) Іоаннъ Сала́рди въ 1662 году". Изъ самаго введенія въ эту книгу видно, что во времена Саларди общественныя понятія уже совершенно измѣнились, ибо авторъ начинаетъ свое произведеніе описаніемъ различныхъ формъ правительства, объясняя различіе, существующее между аристократіей, демократіей и монархіей. Потомъ безъ дальнѣйшихъ околичностей онъ прямо переходитъ къ венгерской исторіи, начинаетъ ее со временъ Заполія, при которомъ произошло отдѣленіе Трансильваніи отъ остальнаго королевства, и доводитъ до 1662 года. Свой протестантскій образъ мыслей, или лучше сказать, образъ мыслей протестантскаго духовенства онъ проявляетъ тѣмъ, что постоянно сравниваетъ венгерскую исторію съ еврейскою; какъ въ послѣдней, такъ и въ венгерской Саларди на каждомъ шагу видитъ десницу Божію, карающую за грѣхи и беззаконія. Уже первое отторженіе Трансильваніи отъ Венгріи онъ сравниваетъ съ отпаденіемъ Іудеевъ отъ Израиля, и продолжаетъ во всемъ своемъ твореніи сравнивать еврейскихъ дѣятелей съ венгерскими историческими лицами, при чемъ онъ, кажется, болѣе всего соображался съ пророкомъ Іереміей. Не смотря на то, въ книгѣ Саларди можно найдти весьма богатый матеріалъ для исторіи его времени, ибо онъ подробно объясняетъ какъ отношенія между Трансильваніей и остальною Венгріей, такъ и постоянную борьбу протестантовъ за свободу вѣроисповѣданія, въ которой имъ отказывали. Отличаясь строгою нравственностью, онъ срываетъ покровъ со многихъ знатныхъ лицъ и съ ихъ образа дѣйствій. У него съ потрясающею вѣрностью описаны жестокія опустошенія, причиненныя войною и заразительными болѣзнями, а также разстройство всѣхъ семейныхъ и общественныхъ отношеній. Однакожь книга Саларди ни по своему первоначальному плану, ни по исполненію не можетъ назваться историческимъ сочиненіемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; языкъ его, по существовавшему въ то время обычаю, испещренъ многочисленными латинизмами, часто вялъ и тяжелъ. Не смотря на то его книга содержитъ много драгоцѣннѣйшихъ историческихъ свѣдѣній, которыя займутъ видное мѣсто въ развитіи венгерскаго бытописанія.

Авторитетъ, непосредственно примыкающій къ предыдущему, есть Михаилъ Черей, человѣкъ съ открытымъ, честнымъ характеромъ, веселымъ юморомъ и глубокою преданностію волѣ Божіей. Во введеніи

къ своей книгѣ онъ помѣстилъ небольшое стихотвореніе, оканчивающееся слѣдующею строфой:

„То что мною написано — я знаю это — многимъ будетъ непріятно,
„Потому что не всѣ могутъ переносить истину;
„Но не моя въ томъ вина, нельзя же мнѣ было лгать.
„Кто не можетъ или не хочетъ прочесть мою книгу, не читай ее".

Авторъ былъ вынужденъ бѣжать съ женой и дѣтьми изъ Куручена въ Брассо (Кронштадтъ), и съ тѣмъ, „чтобъ убивать время", говоритъ онъ, „я Михаилъ Черей изъ Наги-Айта близь Миклошварсека, имѣя отъ роду 41 годъ, началъ писать нижеслѣдующее, 16-го декабря 1709 года, въ то время, какъ я жилъ въ улицѣ за Болоніевыми воротами, въ домѣ Николая Аранимивеса". Далѣе онъ прямо говоритъ, что онъ вовсе не думалъ писать исторію, да если бы и хотѣлъ написать ее, то не могъ бы по недостатку способностей къ такому дѣлу.... „Я записалъ все, что̀ видѣлъ лично, по скольку происшествія приходили мнѣ на память. Тѣ люди, которые по волѣ Божіей будутъ жить послѣ меня, могутъ узнать и увидѣть, чрезъ какія превратности сего печальнаго міра провело меня милосердіе Божіе. Что̀ изъ минувшихъ лѣтъ было мнѣ достовѣрно извѣстно, я записалъ въ точности, а чего не зналъ самъ, о томъ счелъ лучше отозваться невѣдѣніемъ, нежели ex praesumptione чванно лгать". Этими собственными словами лѣтописецъ такъ ясно высказалъ свою точку зрѣнія, что для уразумѣнія ея остается прибавить немногое. И Михаилъ Черей былъ также протестантъ, но состоялъ въ императорской службѣ. Разказъ свой онъ начинаетъ съ происшествій, случившихся лишь за нѣсколько лѣтъ передъ его рожденіемъ, именно съ 1661 года (то-есть, почти съ того же года, на которомъ Сала́рди остановился) и доводитъ до 1712, слѣдственно, до того года, когда по Сатмарскому миру вольности націи были возстановлены, и кончился мятежъ Ракоци, — эпоха, на которой остановился и Владиславъ Салай. Только случайно и единственно для объясненія современнаго ему положенія обращается Черей къ болѣе раннимъ временамъ венгерской исторіи. Вслѣдствіе своей личной зависимости по службѣ, онъ не легко отваживается сказать что-нибудь противъ самого императора или императорской власти вообще; но тѣмъ не менѣе онъ постоянно былъ вѣрнымъ приверженцемъ своего народа. Онъ сожалѣетъ о резолюціяхъ сейма 1687 года, проклинаетъ фанатическую жестокость Караффы, оплакиваетъ постепенное подавленіе древнихъ вольностей своего народа; однакожъ въ образѣ его выраженія высказывается болѣе фаталистическая преданность волѣ Бо-

жіей, нежели сильное противоборство и надежда на вѣрное торжество въ будущемъ. Такъ какъ онъ большею частью описываетъ событія, состоящія въ связи съ участью его семейства и съ его собственною жизнію, то написанная имъ книга, какъ онъ самъ справедливо замѣтилъ, не есть историческое сочиненіе; но за то она исполнена мѣткихъ замѣчаній и здравыхъ сужденій, въ высшей степени поучительна и превосходно знакомитъ съ обстоятельствами, нравами и понятіями времени, въ которое жилъ авторъ.

Кромѣ того во второй половинѣ XVII столѣтія Григорій Петё (Pethö) написалъ болѣе объемистую хронику. Повидимому она составляетъ сборникъ, въ которомъ тщательно сопоставлены и разказаны въ связи событія современной исторіи. Вотъ почему хроника Петё была многими читаема и потомъ продолжена до половины XVIII столѣтія. Григоріемъ Петё и его продолжателями закончилась эра лѣтописцевъ въ томъ видѣ, въ какомъ она возникла въ XVI вѣкѣ и сдѣлалась потребностью въ XVII. Помимо этихъ сочиненій общаго содержанія, Венгрія имѣетъ, кажется, не малое число мѣстныхъ хроникъ, которыя мало по малу извлекаются на свѣтъ Божій. Такъ, напримѣръ, протестантскій пасторъ Григорій Балла написалъ истинно увлекательную хронику Наги-Кереша (Nagy-Körös), въ которой содержится много поучительныхъ свѣдѣній о положеніи этой области подъ турецкимъ владычествомъ. Именно въ этомъ смыслѣ Францъ Саломонъ очень успѣшно воспользовался упомянутою хроникой. Есть еще хроника Дебречина, писанная Валтазаромъ Бартою; есть хроника города Галаша (Kis-Kun-Halas) Іоанна Тота, которую недавно издалъ Александръ Силаги (Szilágyi). Правда, эта послѣдняя составлена уже въ текущемъ столѣтіи, но по формѣ изложенія относится къ прежнимъ произведеніямъ въ томъ же родѣ. Тѣ же самыя потрясенія и бури, которымъ эти хроники обязаны своимъ бытіемъ, побудили многихъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ людей Венгріи, памятныхъ по ихъ политической дѣятельности, составить на мадьярскомъ языкѣ цѣлый рядъ записокъ, изъ которыхъ укажемъ на записки Николая Бетлена и Александра Кароли. Въ половинѣ прошлаго столѣтія вся эта исторіографическая дѣятельность почти совершенно прекратилась. Прагматическая санкція 1722—3 года утвердила венгерскую конституцію, и съ тѣхъ поръ до 1780 года общественное спокойствіе почти не было нарушено; частныя возстанія въ томъ или другомъ мѣстѣ были быстро прекращаемы; возникавшія въ нѣдрахъ сейма неудовольствія и противорѣчія не были продолжительны. Послѣ кро-

вавыхъ событій предшествовавшаго столѣтія спокойствіе сдѣлалось потребностью, сильно всѣми ощущаемою, и съ обѣихъ сторонъ остерегались потрясти его основы. Притомъ императрица Марія Терезія, которая сохраненіемъ своего трона была преимущественно обязана энергической помощи Мадьяръ, имѣла двойственныя причины щадить особенности мадьярскаго народа. Но тѣмъ не менѣе въ то же самое время развились незамѣтно и въ глубочайшей тишинѣ зародыши новыхъ переворотовъ. Идеи XVIII столѣтія, частію сокрушительныя, частію человѣколюбивыя, совершенно противныя всякой національной замкнутости, оказали свойственное имъ вліяніе и на Венгрію. Дворянство усвоило себѣ господствующую тогда французскую образованность, но вмѣстѣ съ хорошими ея свойствами всосало и дурныя, переняло формы чуждыхъ нравовъ и обычаевъ, а все отечественное, все національное оставляло безъ вниманія. Уже это одно рѣзко противорѣчило духу конституціи, средневѣковыя основы которой вновь были подтверждены; но при постоянномъ стремленіи къ общественнымъ улучшеніямъ и при новыхъ идеяхъ о гражданской свободѣ, участь крестьянскаго сословія и такъ-называемыхъ обязанныхъ (iobbágyok) явилась въ свѣтѣ еще болѣе поразительномъ; да и самое положеніе венгерскихъ протестантовъ, которымъ далеко еще не была дарована полная свобода вѣроисповѣданія, обѣщанная имъ договорами, находилось въ противорѣчіи съ развивавшимися болѣе и болѣе понятіями о вѣротерпимости. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, развитіе венгерскаго бытописанія пріобрѣло особенный видъ, легко впрочемъ объясняющійся внутреннимъ состояніемъ страны. Опять мадьярскій языкъ почти пересталъ употребляться писателями исторіи, и именно въ это время вышли на латинскомъ языкѣ большія сочиненія Прая и Катоны, — авторовъ, которые съ одной стороны озарили венгерскую исторію свѣтомъ критики, а съ другой, пользуясь историческими документами, сообщили ей нынѣшній видъ. Между тѣмъ Іосифъ II началъ производить реформы во внутреннемъ государственномъ устройствѣ Венгріи. Правда, коснувшись неосторожно многаго такого, что̀ народъ почитаетъ своею національною святыней, онъ былъ вынужденъ потомъ отмѣнить бо̀льшую часть этихъ реформъ; но тѣмъ не менѣе изъ хаотической путаницы его усилій все таки уцѣлѣли два фактическіе результата: новое развитіе мадьярской литературы и упроченіе религіозной свободы. Подъ вліяніемъ этого умственнаго и политическаго движенія написали венгерскую исторію на нѣмецкомъ языкѣ Іоаннъ Христофоръ фонъ-Энгель и Игнатій Аврелій Фесслеръ, оба Венгерцы,

происходившіе отъ Нѣмцевъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же условій и Мадьяры снова стали писать на собственномъ языкѣ исторію своего народа.

Изъ сочиненій, писанныхъ частію въ концѣ XVIII вѣка, частію въ началѣ XIX, важнѣйшее составляетъ безспорно сочиненіе Исаіи Будай. Авторъ былъ реформатскій суперинтендентъ въ Дебречинѣ и также какъ его братъ оказалъ во многихъ отношеніяхъ важныя заслуги. Онъ написалъ вышедшую въ 1805 году первымъ изданіемъ исторію Венгерскаго государства въ трехъ томахъ: въ первомъ изъ нихъ описаны событія отъ древнихъ временъ до реформаціи, а въ двухъ остальныхъ изложена исторія Венгріи за три послѣднія столѣтія. Такое расположеніе и раздѣленіе матеріала Будай выбралъ не потому только, что онъ первый соединилъ развитіе протестантскихъ вѣроисповѣданій въ Венгріи съ ея политическою исторіей, но и потому что вѣрно понималъ вліяніе того времени на ближайшія къ нему событія. Уклоняясь отъ безполезной полемики, онъ ограничился единственно тѣмъ, что постарался въ точномъ историческомъ разказѣ изложить притязанія протестантовъ на свободное исповѣданіе ихъ религіи и не стѣсненное самоуправленіе, какъ на неоспоримое право каждаго гражданина. Языкъ его однообразенъ до сухости, но сильно дѣйствуетъ на читателя именно простымъ, не прикрашеннымъ изложеніемъ фактовъ. Въ настоящее время, вслѣдствіе быстраго развитія человѣческихъ понятій, книга Будай уже далеко отстала отъ сочиненій, явившихся послѣ нея; но при первомъ появленіи своемъ она пополнила значительный пробѣлъ въ венгерскомъ бытописаніи.

Почти въ то же время Бенедиктъ Вирагъ, бывшій сперва монахомъ, потомъ профессоромъ въ Секешфейерварѣ (Стольномъ Бѣлеградѣ или Штульвейссенбургѣ), а затѣмъ по причинѣ болѣзненнаго состоянія удалившійся на покой, задумалъ изобразить для своихъ соотчичей дѣянія народа мадьярскаго на его родномъ языкѣ. Сочиненіе его, вышедшее въ 1808 году первымъ, а въ 1816 вторымъ изданіемъ, доведено до короля Сигизмунда, но по смерти автора, съ помощью оставшихся послѣ него рукописей, было дополнено до битвы при Могачѣ. Далѣе этого періода авторъ, кажется, и не имѣлъ намѣренія продолжать свой трудъ. Для критическихъ изслѣдованій Вирагъ, очевидно, пользовался Праемъ и Катоною; но неоспоримая заслуга его состоитъ именно въ томъ, что собранный этими писателями матеріалъ онъ первый передалъ во всеобщее свѣдѣніе народа, въ ясномъ, умно соображенномъ и подробномъ изложеніи. То обстоятель-

ство, что онъ довелъ мадьярскую исторію только до упомянутаго событія, вполнѣ согласовалось съ преемственнымъ народнымъ вѣрованіемъ, что со смертью великаго Матвѣя Гуніади кончились слава и величіе націи, и что ея свобода и независимость погребены на поляхъ Могачской битвы. Поэтому вся книга исполнена похвалъ великимъ дѣяніямъ праотцевъ, хотя авторъ повидимому не былъ слѣпъ къ недостаткамъ мадьярскаго народа. Развитіе государственнаго права составляетъ самую слабую часть его книги: у него часто случается, что даже тамъ, гдѣ онъ и приводитъ законы, изданные сеймомъ, взаимодѣйствіе между этими законами и народною жизнію выяснено не достаточно. Но онъ очень любитъ все, что служитъ къ поученію: у него повсюду выставлены на видъ и отвратительныя дѣйствія людей, и ихъ нравственное величіе. У Вирага мы ясно видимъ то же современное ему направленіе, которымъ отличался Іоаннъ Мюллеръ, хотя и болѣе его талантливый. Языкъ автора, извѣстнаго и по его стихотвореніямъ, замѣчателенъ сжатостью, нерѣдко возвышенностью; онъ преимущественно способенъ возбуждать одушевленіе, любовь къ отечеству, и очарователенъ для сердецъ юношескихъ. Твореніе кроткаго, исполненнаго одушевленія монаха представляетъ совершенную противоположность съ книгою Дебречинскаго суперинтендента и имѣло гораздо болѣе вліянія на настроеніе націи.

Между тѣмъ политическія боренія, слѣдовавшія за французскою революціей, сообщили историческимъ изысканіямъ совершенно новое направленіе. Этими бореніями было выдвинуто на первый планъ изслѣдованіе о происхожденіи конституціи, а для полнаго и практическаго ея обсужденія существовавшія до тѣхъ поръ сочиненія о венгерской исторіи были совершенно недостаточны. Поэтому на умъ Михаила Горвата, состоявшаго въ послѣдствіи епископомъ въ Чанадѣ, вспала соотвѣтственная потребностямъ времени мысль написать объ этомъ предметѣ новое сочиненіе, и въ 1842 году онъ издалъ въ двухъ томахъ книгу подъ заглавіемъ: „*A Magyarok' története*". Согласно цѣли своей авторъ могъ и хотѣлъ имѣть въ виду только популяризацію ученаго матеріала, который былъ значительно увеличенъ Фейеровымъ „Codex Diplomaticus". При обсужденіи самихъ фактовъ Горватъ усвоилъ себѣ рѣшительно либеральную точку зрѣнія и такимъ образомъ сдѣлался истолкователемъ всего современнаго направленія. Но между тѣмъ задача его была въ высшей степени трудна. Въ Венгріи съ незапамятныхъ временъ всѣ идеи свободы и равенства вращались только на аристократической почвѣ: только на ней и лишь въ аристократиче-

ской формѣ эти идеи могли быть развиты, выработаны и перенесены на другія сословія народа. Тонкія и рѣзкія различія, которыя у другихъ націй развились изъ многообразной искусственности общественныхъ отношеній, въ Венгріи были вовсе неизвѣстны. Сверхъ того надо было принять во вниманіе и различныя національности Венгерскаго государства, а эти національности должны были подчиниться понятію о территоріальномъ единствѣ, поддержаніе котораго исторія и конституція ставили въ обязанность. Для того, чтобы найдти путь между этими, взаимно другъ друга обусловливающими, составными частями венгерской исторіи, нужно было зоркимъ окомъ слѣдить за практическою жизнью, но тѣмъ не менѣе и подробно исчерпать источники. Послѣдніе были авторомъ изучены не въ удовлетворительной еще степени, когда онъ принялся писать свое сочиненіе, и потому съ нимъ случалось, что онъ смотрѣлъ съ новѣйшей точки зрѣнія на средневѣковой порядокъ вещей и часто умалчивалъ о такихъ положеніяхъ, внутренній организмъ которыхъ могъ бы быть разгаданъ и поясненъ самъ въ себѣ. Но не смотря на то его сочиненіе имѣетъ неоспоримыя преимущества. Ему принадлежитъ та заслуга, что онъ привелъ въ связь первобытную исторію Венгріи съ исторіей ближайшаго къ намъ времени и поставилъ ее на путь практики и опыта, на который теперь должны были уже вступить и ученыя изысканія. Сверхъ того его книга написана языкомъ живымъ, пріятнымъ и потому побудила многочисленную публику ознакомиться съ отечественною исторіей.

Событія 1848 и 1849 годовъ не только приготовили рѣшительный переворотъ въ положеніи партій, но и пресѣкли тотъ ходъ бытописанія, которымъ оно шло до тѣхъ поръ. Точку зрѣнія, съ которой писалъ Горватъ, не могъ уже никто усвоить себѣ. Точно также перестали удовлетворять публику и ссылки на первобытныя времена и восторженныя хвалы великимъ дѣяніямъ тѣхъ временъ, — хвалы, которыя большею частію постоянно разсыпались только для того, чтобы обезпечить книгѣ хорошій сбытъ; тогда дилетантизмъ, скользившій легкомысленно безъ критическаго разбора по фактамъ, долженъ былъ утратить все свое значеніе. Ученая дѣятельность не имѣла своего средоточія, дѣятельность академіи оцѣпенѣла. Нація разомъ оторванная отъ всего, чего она ожидала, была вынуждена, хотя съ горькимъ чувствомъ, отказаться отъ обманчивыхъ мечтаній и хладнокровно взглянуть на дѣйствительность; она должна была сосредоточиться въ самой себѣ, дабы ясно вникнуть въ свое положеніе, и только послѣ

того могла уже отважиться вновь занять свое мѣсто среди развалинъ, которыми оно было покрыто. Именно въ это переходное время, когда государственный бытъ Венгріи повидимому, вполнѣ зависѣлъ, отъ роковыхъ случайностей, зародилась въ душѣ В. Салая первая мысль о его трудѣ и развивалась постепенно, сообразно съ закономъ тѣхъ же настроеній, которыя въ болѣе обширномъ размѣрѣ долженъ былъ испытывать его народъ. И его самого судьба насильственно исторгла изъ области пріятныхъ надеждъ, и онъ долженъ былъ уяснить себѣ свое собственное положеніе также, какъ положеніе своего отечества, и покориться жестокому приговору судьбы. Твореніе, предпринятое имъ, не было плодомъ свѣдѣній, почерпнутыхъ въ школѣ; мысль о немъ не была ему внушена съ высоты каѳедры какимъ-нибудь присяжнымъ историкомъ; книга его не была ему заказана какою-нибудь академіей, и не получилъ онъ на нее денегъ отъ щедротъ какого-либо монарха. Онъ, приступилъ къ своему дѣлу какъ человѣкъ, какъ природный Мадьяръ, какъ государственный мужъ. Силы для рѣшенія подобной задачи искалъ онъ въ своемъ умственномъ развитіи, и сознаніе этой силы внушало ему увѣренность, что онъ успѣетъ преодолѣть техническія затрудненія. Одностороннему воззрѣнію какой-либо партіи онъ издавна не подчинялся, и сверхъ того хорошо узналъ изъ опыта, какъ непреодолимо частныя стремленія сокрушаются могуществомъ міровыхъ событій, а потому не могъ поставить мимолетные мотивы мѣриломъ для своихъ сужденій. Свободный отъ предразсудковъ, одаренный трезвымъ умомъ и рѣдкимъ безпристрастіемъ, онъ твердо былъ намѣренъ познать полную истину и провозгласить ее даже въ такомъ случаѣ, еслибъ она оказалась противною его сердечнымъ желаніямъ и національнымъ чувствамъ. Онъ не могъ быть увлеченъ къ ласкательству ни народу, ни лицамъ высшей сферы. Трудъ, имъ предпринятый, былъ потребностью для его простой, безъискусственной натуры, и онъ надѣялся, что этотъ трудъ принесетъ пользу отечеству, болѣе всего имъ любимому, особенно же отечественной молодежи.

Итакъ, перейдемъ къ изложенію его труда.

I. Основаніе Венгерскаго государства Стефаномъ Святымъ и его учрежденія.

Мадьяры основали государство въ обширномъ бассейнѣ, простирающемся отъ Тиссы до Дуная, отъ Карпатскаго хребта до Адріатическаго моря, отъ Саргеги (Szarhegy) до Трансильванскихъ горъ, и соединили тамошнія племена въ одну политическую націю. Выста-

вивъ этотъ неоспоримый фактъ во главѣ своего сочиненія, Салай заранѣе обозначилъ, какой ходъ должно принять его изложеніе. Прежде всего надо было показать, при какихъ обстоятельствахъ образовалось государство, при помощи какихъ средствъ и распоряженій новый общественный бытъ пріобрѣлъ внутреннюю твердость. Въ болѣе позднее время послѣдовало вторженіе Монголовъ; но изъ среды развалинъ и опустошеній Венгерское государство опять возникло съ новою крѣпостію и пошло путемъ блестящаго развитія. Въ половинѣ XIV вѣка всѣ сосѣдственныя области пришли въ зависимость отъ Венгріи, и ея политическое вліяніе простиралось отъ Адріатическаго моря до Днѣстра и почти отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Существенною задачей историка было изслѣдовать внутреннія причины этого достопримѣчательнаго явленія. Потомъ этотъ благопріятный порядокъ вещей измѣнился: на границахъ государства образовались, съ одной стороны, при помощи постепенной терпѣливой дѣятельности, съ другой — посредствомъ завоеваній, два могущественныя государства, которыя начали оспаривать у Венгріи власть и значеніе. Тѣмъ не менѣе Венгрія еще держалась собственною силой. Въ XV вѣкѣ она имѣла двухъ великихъ государей, Гуніадовъ, при достославномъ правленіи которыхъ была ограждена ея независимость извнѣ, а внутри приготовлялась новая умственная жизнь. Но затѣмъ снова послѣдовали внутреннія потрясенія: прочность королевской власти поколебалась, дворяне стали выходить изъ покорности, крестьяне бунтовали, и наконецъ, при возрастающихъ безпорядкахъ, послѣдовала несчастная Могачская битва, положившая конецъ внѣшней независимости государства. Этотъ періодъ представлялъ чрезвычайно обильный, но вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности запутанный матеріалъ для изслѣдованій, при которыхъ надобно было имѣть въ виду и послѣдующій періодъ. Въ этомъ періодѣ мы видимъ, какъ Австрія боролась съ Турціей за обладаніе Венгріей, между тѣмъ какъ маленькая Трансильванская (Седмиградская) область кое-какъ отстаивала свою независимость. Самой Венгріи предстояла двойственная, тяжкая необходимость защищать отъ явнаго врага — отечественную территорію, а отъ мнимыхъ покровителей — вольности страны. Послѣ продолжительной кровопролитной войны и при сильныхъ внутреннихъ распряхъ партій освобожденіе страны было совершено Карловацкимъ миромъ. Законы, изданные сеймомъ, и договоры отъ 1687 до 1722 — 23 года скрѣпили наконецъ личное соединеніе Венгріи съ Габсбургскимъ домомъ, подъ условіемъ новаго подтвержденія національныхъ вольностей. Этимъ послѣднимъ

событіемъ, составляющимъ плодъ Прагматической санкціи, должно было закончиться сочиненіе Салая. Прекрасная, но трудная задача, которую онъ имѣлъ въ виду, состояла въ томъ, чтобы связно выяснить изъ хаоса безчисленныхъ запутанностей законныя права Венгріи, не выпуская изъ вида руководящую нить національнаго развитія.

Сообразно общему плану своему, онъ оставилъ совершенно безъ вниманія накопившіяся до него въ огромномъ количествѣ изслѣдованія о первобытномъ времени мадьярской исторіи. На этомъ поприщѣ онъ и безъ того не былъ въ своей сферѣ; положительному направленію его ума было противно изъ разсѣянныхъ обломковъ, намековъ, выводовъ, отношеній и сравненій, извлекать полувѣрные результаты и отливать ихъ въ форму дѣйствительныхъ фактовъ. Онъ отвергалъ даже нѣкоторые справедливые выводы, доставляемые сравненіемъ языковъ: хотя привлекательность и остроуміе этихъ выводовъ нравились ему, однако въ примѣненіи ихъ къ исторіи онъ никогда не могъ освободиться отъ нѣкоторой недовѣрчивости. Поэтому онъ вовсе не коснулся первобытной религіи, первобытнаго языка и первобытнаго мѣстопребыванія своего народа, а прямо занялся выходомъ Мадьяръ изъ Этелькёза (Etelköz) и первыми ихъ поселеніями въ Венгріи. Описавъ относящіяся сюда событія, въ сущности согласно съ преданіями, онъ переходитъ къ исторически дознаннымъ слѣдамъ странствованій Мадьяръ и ихъ разбойничьихъ набѣговъ въ европейскія страны; это-то время онъ и взялъ себѣ за исходный пунктъ. Всѣ первыя предпріятія Мадьяръ были нѣкоторыми нѣмецкими историческими писателями описаны въ чрезвычайно презрительныхъ выраженіяхъ и даже удостоены самыхъ пошлыхъ ругательствъ; но мадьярскій историкъ объявилъ, что и его народъ, какъ всякій другой, имѣетъ право требовать, чтобъ о немъ судили сообразно со степенью его развитія, Онъ сравниваетъ передвиженія Мадьяръ съ прежними передвиженіями Германцевъ, доказываетъ, что переходы тѣхъ и другихъ были слѣдствіемъ стремленія къ дѣятельности и вообще самаго свойства кочевой жизни. Не было недостатка въ людяхъ, которые набѣги Германцевъ, при сравненіи ихъ съ такими же набѣгами другихъ народовъ, старались украсить облагороженнымъ названіемъ завоевательныхъ нашествій, забывая при этомъ, что у кочевыхъ народовъ никогда не было ясныхъ понятій о правѣ собственности. Споръ объ этомъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого основанія, и отъ замѣны словъ и понятій другими словами и понятіями самый предметъ спора нисколько не измѣняется. Сверхъ того Салай превосходно разъяснилъ,

какъ при набѣгахъ Мадьяръ совершился у нихъ процессъ умственнаго и нравственнаго преобразованія. Подобно Германцамъ, и Венгерцы при своихъ набѣгахъ ознакомились съ новыми элементами образованности, и именно неудачи ихъ послѣднихъ предпріятій послужили къ тому, что они окончательно усвоили себѣ эти элементы. Страшное пораженіе, нанесенное имъ въ 955 году Оттономъ Великимъ на поляхъ Леха, навсегда сокрушило ихъ старыя кочевыя привычки. Затѣмъ послѣдовала приготовительная дѣятельность ихъ государя Гейзы, а вскорѣ потомъ величественная дѣятельность короля Стефана Святаго.

Объ этой дѣятельности намъ надо нѣсколько распространиться: она сдѣлалась основою всей политической исторіи мадьярскаго народа; поэтому и у Салая она составляетъ собственно исходный пунктъ. Къ сожалѣнію, обработка этого періода была очень трудна по причинѣ неблагопріятнаго свойства источниковъ. Нѣкоторые документы подозрѣваются какъ поддѣльные, а законы, изданные королемъ Стефаномъ, дошли до насъ только въ отрывкахъ. Современныхъ ему писателей мало, и скудныя показанія ихъ относятся болѣе къ церковной, нежели къ политической исторіи. У послѣдовавшихъ затѣмъ писателей содержится, правда, очень много подробностей; но эти писатели жили черезъ сто и двѣсти лѣтъ послѣ Стефана I, и потому имъ нельзя много вѣрить. Сверхъ того вслѣдствіе высокаго мнѣнія народа о знаменитомъ королѣ, преданіе приписало ему цѣлый рядъ развитій, постепенно происходившихъ уже въ послѣдовавшее за нимъ столѣтіе. Но эти неоспоримыя затрудненія были отчасти облегчены тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, что бо́льшая часть учрежденій, основанныхъ Стефаномъ Святымъ, или по крайней мѣрѣ ему приписываемыхъ, уцѣлѣли до нашихъ временъ. Во всѣхъ классахъ населенія идея Венгерскаго королевства сохранилась и теперь еще съ тою же свѣжестью и полнотою жизни, какими она отличалась въ свое первобытное время. Учрежденныя Стефаномъ епископства продолжаютъ еще существовать, отчасти съ увеличившимся блескомъ; изъ *domini, nobiles* и *milites,* о которыхъ говорится въ законахъ его, развилось общее понятіе о немешегъ (свободныхъ) съ ихъ различными степенями; новосозданный санъ на̀дора или палатина сохранился до новѣйшихъ временъ; въ королевскомъ совѣтѣ *(consilium seniorum)* таились зародыши, которые постепенно развились въ органическое представительство Венгерскаго королевства, и наконецъ комитаты или жупаніи, такъ-называемыя столицы, получили

отъ Стефана же свое первое административное устройство. Основываясь на этихъ несомнѣнныхъ фактахъ, Салай старался отыскать въ источникахъ, къ тому времени относящихся, характеръ законовъ той эпохи, а въ придаткахъ къ нимъ временъ позднѣйшихъ все то, что съ нѣкоторою достовѣрностью могло быть отнесено къ правленію Стефана, и добраться, въ какой формѣ все это составилось. Всего интереснѣе глава о комитатахъ, потому что это государственное учрежденіе отличается самою твердою долговѣчностью, что оно удержалось среди всѣхъ бурь и до сихъ поръ еще глубоко коренится въ венгерской политической жизни, но не смотря на то, наименѣе понято иностранцами.

Очень многіе писатели утверждали, что преобразовывая свой народъ, король Стефанъ принялъ исключительнымъ для себя образцомъ франкскія государственныя учрежденія, и что именно силу королевской власти онъ основалъ на ленномъ устройствѣ, заимствованномъ у Франковъ. Салай совсѣмъ другаго мнѣнія. Правда, онъ не отрицаетъ значительнаго вліянія франкскихъ учрежденій, онъ допускаетъ, что въ Венгріи тщательно пользовались извѣстнымъ Гинкмаровымъ сочиненіемъ: *ad proceres regni pro institutione Carolomani regis, et de ordine palatii ex Adalardo;* но рѣшительно не соглашается, чтобы франкскіе законы были безусловно перенесены въ Венгрію, и доказываетъ свое заявленіе достовѣрно извѣстными планами Стефана Святаго, а также внутреннимъ положеніемъ его государства. До самаго его царствованія продолжали еще существовать семь великихъ колѣнъ, на которыя народъ былъ раздѣленъ съ древнѣйшаго времени; и при немъ еще главы или старѣйшины этихъ родовъ или колѣнъ, хотя вліяніе ихъ въ продолженіе многихъ вѣковъ уже ослабѣло, сохраняли столько силы, что могли оказывать королевской власти весьма твердое сопротивленіе. Ихъ могущество основывалось преимущественно на тогдашнемъ положеніи собственности. Король, какъ верховный глава государства, не имѣлъ въ собственности ничего, кромѣ пограничныхъ мѣстъ, нѣсколькихъ городовъ и бурговъ (укрѣпленныхъ мѣстечекъ) внутри страны; остальная территорія принадлежала колѣнамъ, которыя владѣли ею какъ общею собственностью, не допуская никакого частнаго имущества, и раздѣляли ее въ пользованіе своимъ родамъ. Это учрежденіе легко объясняется кочевымъ образомъ жизни, господствовавшимъ первоначально у Мадьяръ. Земледѣліе производилось у нихъ сначала въ самомъ маломъ размѣрѣ; все имущество состояло въ стадахъ, и лица, имѣвшія самыя большія стада, были

наиболѣе уважаемыми и вліятельными людьми въ странѣ, потому что, смотря по размѣрамъ своихъ стадъ, они естественно могли предъявлять и болѣе другихъ притязанія на пользованіе землей. Распоряжаться перемѣною и раздѣленіемъ пастбищъ, согласно съ величиною стадъ, были обязаны старѣйшины, и такимъ образомъ колѣна силою взаимныхъ интересовъ соединялись въ неразрывное цѣлое. Для того, чтобы королевская власть усилилась и народъ могъ быть поведенъ къ болѣе высокому нравственному развитію, надобно было разорвать эту связь племенъ и сокрушить могущество старѣйшинъ.

Въ то время, когда Стефанъ предпринялъ эту опасную борьбу, онъ могъ и долженъ былъ разчитывать на поддержку большаго числа племенъ, расположенныхъ отступиться отъ древней племенной связи и подчиниться монархической власти: не имѣя такихъ приверженцевъ въ средѣ собственнаго народа, Стефанъ не могъ бы привести въ исполненіе своего намѣренія, хотя имѣлъ иностранныя вспомогательныя войска; да притомъ послѣднее обстоятельство не только не послужило бы въ пользу его предпріятію, но скорѣе повредило бы ему. А между тѣмъ дѣло шло не объ одномъ лишь уничтоженіи силы древнихъ народныхъ колѣнъ, но также объ окончательномъ, сплошномъ введеніи христіанства, котораго зародыши, вслѣдствіе предшествовавшихъ событій, повсюду были разсѣяны. Оба эти вопроса были тѣсно связаны между собой и не могли быть разрѣшены отдѣльно другъ отъ друга. Новыя обѣщанія, предъявленныя племенамъ, побудили ихъ принять христіанство, а съ помощію евангельскаго слова можно было возстановить массы противъ колѣнныхъ учрежденій, какъ остатковъ язычества. Поэтому каждый разъ, когда Стефанъ имѣлъ въ виду низвергнуть какого-нибудь старѣйшину или главу, онъ начиналъ построеніемъ церкви, назначалъ мѣсто для нея и земли, которыя должны были служить для содержанія церкви; отдѣлялъ земли, долженствовшія поступить въ королевское имущество, а остальную часть раздѣлялъ между родами колѣнъ въ полную ихъ собственность. Относительно этого послѣдняго пункта онъ высказывался въ своихъ законахъ совершенно ясно; въ одномъ изъ нихъ значится: „Мы соглашаемся на предложеніе совѣта, чтобы каждый во всю свою жизнь былъ владѣльцемъ подаренныхъ ему королемъ земель, кромѣ принадлежащихъ комитату и епископу, и чтобы сыновья его наслѣдовали его права собственности“. Сохранился еще другой законъ, которымъ на владѣльца налагалась обязанность раздѣлять принадлежащую ему собственность между его женою, сыновьями, дочерьми и родственниками, и хотя

этотъ законъ примѣнялся лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, однако постоянно существовалъ, и на него ссылались въ послѣдствіи какъ на доказательство, что собственность отца принадлежитъ не исключительно его мужескому потомству, но можетъ переходить и въ женское поколѣніе. Эти законы, повидимому, удивительные для того времени, имѣли весьма важное политическое значеніе: ими король Стефанъ навсегда разсѣкъ связь родовъ съ ихъ древними колѣнными главами, и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовилъ переходъ народа отъ кочевой жизни къ земледѣльческому быту. И это преобразованіе совершалось одновременно съ распространеніемъ и утвержденіемъ христіанскихъ обычаевъ и нравовъ.

Обильный послѣдствіями переходъ къ новому государственному быту завершился введеніемъ комитатовъ, или небольшихъ округовъ, которые должны были привести постепенно въ забвеніе древнюю племенную связь; это почти тотъ же способъ, какимъ французское революціонное правительство, раздробивъ древнюю Францію на большое число мелкихъ департаментовъ, имѣло въ виду противодѣйствовать тенденціямъ провинціальнаго духа. Многіе писатели и эти венгерскіе комитаты также почитали подражаніемъ франкскимъ графствамъ (comitates); но Салай доказываетъ, что этотъ родъ государственнаго устройства издавна составлялъ общую, повсемѣстную примѣту всего тогдашняго времени. Уже Римляне имѣли свои *pagi*, Германцы свои *gaue*, и изъ совокупленія тѣхъ и другихъ Франкское государство составило свои *графства*. Но еще задолго до того, какъ Мадьяры могли взять себѣ за образецъ эти графства, они уже ознакомились съ греческими *themate* и сверхъ того въ завоеванныхъ земляхъ видѣли славянскія *жупы*. Притомъ у Мадьяръ было уже по славянскому образцу устроено нѣсколько жупаній или комитатовъ, прежде чѣмъ Стефанъ Святой замыслилъ распространить это учрежденіе на все свое государство. По мадьярски комитатъ называется *vármegye*, что̀ значитъ „власть города“ или „волость города“, и вмѣстѣ съ тѣмъ это названіе даетъ существенное понятіе о тогдашнемъ комитатѣ. Это было укрѣпленное мѣстечко (бургъ) съ гарнизономъ и соотвѣтственными военными властями, которымъ было поручено охранять окрестную мѣстность, управлять ею и за то получать съ нея все нужное для своего содержанія. Съ самаго начала Мадьяры были вынуждены основать множество такихъ мѣстечекъ, особенно въ западной сторонѣ своего государства, дабы охранять завоеванную ими землю отъ непріятельскихъ вторженій. Распространивъ это учреж-

деніе комитатовъ на все государство, король Стефанъ пріобрѣлъ широко раскинутую сѣть укрѣпленныхъ пунктовъ, которые могли служить столько же для поддержанія уваженія къ королевской власти, сколько и для защиты страны. Вотъ каково было истинное и существенное происхожденіе венгерскихъ комитатовъ; но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы при водвореніи ихъ король Стефанъ вовсе не принималъ въ соображеніе образцовъ франкскаго устройства. Съ его времени комитаты сдѣлались орудіями, посредствомъ которыхъ король завѣдывалъ венгерскими военными силами, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался властью верховнаго судьи, — властью, которая была ему дана древнимъ народнымъ собраніемъ. Въ бургѣ (или крѣпостцѣ) каждаго комитата жилъ *comes castri*, по венгерски называвшійся *ишпанъ* (измѣненное славянское слово *жупанъ*), соединявшій въ своихъ рукахъ военную, судебную и всю административную власть въ округѣ. Въ военныхъ дѣлахъ его помощникомъ былъ *dux* или *major exercitus*, по мадьярски *hadnagi*, а въ судебныхъ — *udvargrof*; равнымъ образомъ и въ собираніи податей его замѣняли подчиненныя ему должностныя лица. Что касается до общества, то оно составилось въ каждомъ комитатѣ изъ бо́льшаго или меньшаго числа родовъ, называемыхъ въ законахъ то *domini*, то *majores* съ соотвѣтственнымъ числомъ осѣдлыхъ крѣпостныхъ. На ряду съ ними стояли *немеши*, въ тѣсно́мъ смыслѣ слова, упоминаемые въ законахъ подъ именемъ *minores* или просто *nobiles*, и къ нимъ должны быть причислены всѣ тѣ, которые, не имѣя особенной поземельной собственности, были однакожь свободными людьми. Изъ этихъ трехъ составныхъ частей образовалось въ послѣдствіи совокупное цѣлое, которое Мадьяры разумѣли подъ словомъ *немешегъ* [1]), и уже во времена короля Стефана возникла характеристическая отличительность, что и безземельный немешъ могъ лично оставаться свободнымъ человѣкомъ и что богатые землевладѣльцы, не смотря на то, что король изъ ихъ среды преимущественно избиралъ членовъ своего совѣта, не имѣли никакихъ законныхъ преимуществъ въ комитатскихъ собраніяхъ, которыя продолжались въ видѣ остатка существовавшихъ большихъ всенародныхъ сходокъ. Изъ вольныхъ людей образовались *витезеки* (vitezek), или конные военные люди, — но не рыцари въ смыслѣ Франковъ, — которые составляли главную часть королевской арміи и поэтому называ-

[1]) По нѣкоторымъ чертамъ ихъ общественнаго положенія, немешеговъ лучше всего было бы сравнить, особенно въ позднѣйшіе вѣка венгерской исторіи, съ нашими дѣтьми боярскими.

лись также *servientes regii*. Къ нимъ примыкали такъ-называемые *várkatonák* или *varjobbágyok*, составлявшіе нѣчто въ родѣ вассаловъ комитата или его замка. Они были подчинены графу и къ этой службѣ были *обязаны* за дарованныя имъ наслѣдственныя земли; по причинѣ этой зависимости, хотя они и почитались свободно рожденными людьми, но стояли ниже витезековъ. Правда, въ законахъ короля Стефана о нихъ не упоминается; однако ихъ смѣло можно отнести къ его времени тѣмъ болѣе, что на образованіе этого сословія при немъ указываютъ слѣдующія, встрѣчающіяся въ позднѣйшихъ документахъ слова: *filii jobbagionum sancti regis*.

Надо также упомянуть и о городахъ. „Никогда", — говоритъ Салай, начиная главу о городахъ, — „мракъ и дикость среднихъ вѣковъ не простирались до такой степени, чтобы могли вполнѣ затмить и уничтожить блескъ и образованность древняго Рима". Безъ сомнѣнія, и въ Панноніи и въ Дакіи, какъ въ и занятыхъ Германцами странахъ Римской имперіи, даже при Аварахъ, сохранились, хотя въ меньшей мѣрѣ, остатки прежнихъ римскихъ колоній, и Мадьяры тѣмъ менѣе имѣли причины истреблять ихъ, что напротивъ по близости къ нимъ завели и свои новые бурги. Равнымъ образомъ и тѣ мѣста, гдѣ около того же времени въ большемъ числѣ поселились Нѣмцы, — какъ то Обуда или Альтофенъ, древній Аквинтумъ, Острыгомъ (Esztergon) или Гранъ, бывшій Стригоніумъ, Гіёръ (Gijör) или Раабъ, Сомбатели (Szombathely) или Stein am Anger, Секешфейерваръ (Székesfehérvár) или Штульвейссенбургъ, латинская Alba, — были древнія колоніи, которыхъ первое основаніе, вѣроятно, восходитъ далѣе римскихъ временъ. Впрочемъ общины новыхъ пришельцевъ, которыхъ называли *hospites* или гости, состояли тогда въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ комитатами, хотя ихъ вполнѣ освободили отъ соприкосновенія съ низшими властями. Подобно ва́ркатона́камъ, они были подчинены въ военномъ и гражданскомъ отношеніи графу, но имѣли своихъ собственныхъ судей, и общественныя повинности свои покрывали ежегодно опредѣленною суммою денегъ. Впрочемъ Салай ставитъ на видъ, что точнѣе судить о ихъ положеніи можно было бы въ такомъ только случаѣ, если бы сохранилась льготная грамота, дарованная Стефаномъ жителямъ Секешфейервара. Но не подлежитъ сомнѣнію, что вольности городовъ расширились только съ теченіемъ времени. Потомъ всѣхъ тѣхъ, подчиненныхъ комитатамъ, жителей, которые не состояли въ числѣ ва́ркатона́ковъ и не принадлежали къ жителямъ вольныхъ городовъ, называли комитатскими вассалами, *castrenses*,

ва́рненъ въ тѣсномъ смыслѣ. Имъ давали землю, и за то они были обязаны обрабатывать комитатскія пашни, строить и чинить крѣпостныя стѣны, доставлять подводы, содержать стражу и исполнять другія второстепенныя обязанности, но сверхъ того и платить еще подать графу или находящимся при немъ людямъ. Они составляли нѣчто среднее между вольными людьми и рабами, или, какъ выражается историкъ, стояли на той послѣдней ступени свободы, ниже которой начинается полная зависимость, совершенное невольничество.

Зависимость слѣдующихъ за тѣмъ сословій основывалась однако не на томъ, чтобъ они лично не были свободны, но на фактической необходимости быть у другаго въ услугахъ, и на томъ, что они не имѣли собственной земли. Здѣсь мы приходимъ къ венгерскому крестьянству, *парасчагамъ* (parasztczág); но ихъ собственное названіе, въ полномъ смыслѣ слова, есть *jobbagy schág*. Безъ сомнѣнія, бо́льшая часть изъ нихъ состояла изъ природныхъ Мадьяръ, которые еще во времена кочевой жизни уже упали до этого состоянія. Къ нимъ присоединились найденные въ завоеванныхъ земляхъ рабочіе, которые продолжали исполнять прежнія свои работы и при новыхъ завоевателяхъ. Этотъ классъ увеличился большимъ числомъ тѣхъ прежде свободныхъ людей, которые долго еще не могли отвыкнуть отъ кочевой жизни, пока наконецъ, вслѣдствіе рѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ Гейзою противъ всѣхъ безпорядочно бродившихъ туда и сюда скопищъ, они не были вынуждены поселиться на земляхъ большихъ и малыхъ землевладѣльцевъ въ качествѣ независимыхъ оброчныхъ. Всѣ эти сельскіе жители, извѣстные подъ разнообразнѣйшими названіями, не смотря на то не были еще прикрѣплены къ землѣ, такъ какъ у нихъ не могли оспаривать права свободно поселяться, гдѣ бы ни захотѣли они сами; и потому въ этомъ смыслѣ они все еще назывались въ законахъ *liberi*, хотя не носили имени *ingenui*. Между тѣмъ обстоятельства того времени дѣйствовали такъ сильно, что зависимость этого класса людей очевидно возрастала, и въ послѣдствіи уже ради собственной выгоды они должны были поступить въ зависимые оброчные. Послѣднюю часть населенія составляли такъ-называемые *удворники* или дворня. Они употреблялись на разныя послуги при домѣ и дворѣ, могли достигать болѣе значительныхъ должностей, но постоянно были прикрѣплены къ землѣ и отличались только тѣмъ отъ невольниковъ, что господинъ могъ ихъ продать не отдѣльно, но лишь вмѣстѣ съ помѣстьемъ.

Обозрѣвъ внимательно все это устройство венгерской государ-

отвенной жизни, нельзя не убѣдиться, что хотя на него имѣли значительное вліяніе ленныя учрежденія Каролингскаго царства, однако они не послужили безусловною основою венгерскаго государственнаго быта.

Стефанъ Святой рѣшительно не могъ вполнѣ и безъ всякихъ измѣненій ввести въ своемъ государствѣ ленную систему западно-европейскихъ государствъ. Въ этихъ государствахъ свѣтскіе властелины старались распространить свои ленныя связи по ближайшимъ и отдаленнымъ мѣстностямъ, дабы въ средѣ населенія, давно уже осѣдлаго и преданнаго мирнымъ занятіямъ, постоянно имѣть многочисленное, готовое къ войнѣ войско. А король Стефанъ имѣлъ совсѣмъ другое въ виду. Ему не было надобности возбуждать воинственный духъ, которымъ вся венгерская нація была еще съ избыткомъ одушевлена; напротивъ, для него всего важнѣе было пріучить націю къ постоянной, гражданской, благоустроенной жизни. Вѣрнымъ взглядомъ онъ разгадалъ, что если военно-ленное устройство будетъ водворено въ Венгріи, то оно не послужитъ въ пользу королевской власти, а обратится ей въ ущербъ. Поэтому заимствуя изъ франкскихъ учрежденій вообще многое, онъ занялъ наименѣе изъ леннаго устройства. Но за то духъ мадьярской народной жизни сохранился и впредь, хотя внѣшнія формы ея во многомъ были измѣнены по иностраннымъ образцамъ. Вообще при каждомъ переходѣ государственныхъ формъ на чуждую почву, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ оправдываются слова Ливія, которыя онъ влагаетъ въ уста консула Кн. Манлія по поводу малоазіатскихъ Галловъ: „Generosius in sua quidquid sede gignitur; insitum alienae terrae, in id, quo alitur, natura vertente se, degenerat“. И венгерскій комитатъ доказалъ это на опытѣ. Главныя цѣли Стефана, при водвореніи комитатовъ, прежде всего должны были состоять: въ уничтоженіи старыхъ племенныхъ связей, въ усиленіи королевской власти и въ томъ, чтобъ эта власть забрала въ свои руки завѣдываніе военною силой. Все это было временно достигнуто: вельможи и дворяне очутились въ шаткомъ положеніи; оторванные отъ старой племенной связи, они еще не были тѣсно связаны съ комитатами. Звенья государственной организаціи разъединились; послѣ смерти Стефана дошло даже до жестокой борьбы между непримиренными элементами; но вскорѣ общія потребности опять соединили ихъ; народъ свыкся съ новымъ зданіемъ, и прежняя общественная жизнь, нѣкогда сокрушенная комитатами, именно въ нихъ опять нашла себѣ естественную почву.

Стефанъ Святой не основалъ обширнаго міроваго государства, и лишь въ умѣренномъ видѣ явился завоевателемъ; но между законодателями онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Не легко было пріучить къ правильнымъ государственнымъ формамъ народъ, еще совершенно сросшійся съ кочевыми нравами, алкавшій военныхъ приключеній и бродячей жизни, и ввести его въ кругъ образованныхъ народовъ Европы. Великій король геніально и съ величайшею прозорливостью воспользовался матеріаломъ, который былъ у него подъ рукою: онъ такъ распорядился иностранными формами, что примѣнивъ ихъ, не ослабилъ, а укрѣпилъ національность своего народа. Съ желѣзною твердостью водворилъ онъ христіанскія учрежденія, потому что видѣлъ въ нихъ необходимое условіе существованія Венгерскаго государства. Сверхъ того церкви, основанныя имъ въ Римѣ, Константинополѣ, Іерусалимѣ, и связи, которыя онъ поддерживалъ съ этими мѣстностями, доказываютъ, какой обширный горизонтъ обнималъ онъ своимъ умственнымъ взоромъ, и свидѣтельствуютъ, что даже идея христіанской вѣротерпимости не была ему чужда. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ живо чувствовалъ, что ему приходится царствовать надъ народами различнаго происхожденія, и нашелъ средство сдѣлать своихъ Мадьяръ средоточіемъ, сердцемъ государства, не уничтоживъ прочихъ національностей. Его учрежденія пріобрѣли несокрушимую силу, и не смотря на безчисленныя ужаснѣйшія бури, свирѣпствовавшія въ послѣдствіи въ этой странѣ, венгерская жизнь и до сихъ поръ движется по тѣмъ же путямъ, которые Стефанъ указалъ ей.

Извѣстно, что матеріалъ для жизнеописанія этого короля давно уже имѣлся; но никто изъ предшественниковъ Салая не изложилъ этотъ матеріалъ съ такою ясностью. Онъ высказываетъ опредѣлительно то, что̀ несомнѣнно, и съ такою же опредѣлительностью очерчиваетъ предѣлы того, что̀ неизвѣстно навѣрное. Онъ объясняетъ и разгадываетъ образъ дѣйствій короля по свойственнымъ тому времени потребностямъ и сообразно съ тѣмъ обсуждаетъ ихъ; онъ указываетъ органическую связь тогдашнихъ учрежденій, отличаетъ незамѣтный починъ отъ позднѣйшаго развитія, первый зародышъ отъ цвѣта и плода. И все это онъ дѣлаетъ безъ напыщенныхъ преувеличеній, безъ лирическихъ изліяній, которыми весьма многіе новѣйшіе историки такъ утомляютъ читателя. Здраво обсуживая практическую дѣятельность короля, онъ умѣетъ въ немногихъ простыхъ чертахъ постоянно выставлять на видъ читателю историческій образъ Стефана Святаго.

2. Преемники Стефана. Борьба въ Галиціи. Отношенія къ Чешскимъ и Австрійскимъ землямъ.

Подобно всякому сильному перевороту, и слишкомъ сорокалѣтнее царствованіе Стефана (997—1038) не избѣгло реакціи. Для продолженія начатаго имъ дѣла нуженъ былъ умный и твердый правитель, но таковаго не оказалось. Единственный сынъ Стефана сошелъ прежде его въ могилу, а наслѣдовавшій ему племянникъ его Петръ, воспитанный въ Италіи и незнакомый съ положеніемъ Венгріи, не былъ въ состояніи рѣшить предстоявшія ему задачи. Въ Венгріи возникла сильная національная партія, дѣятельность которой была направлена противъ всего иностраннаго и противъ иностранцевъ, и къ ней присоединились еще всѣ, желавшіе истребить христіанство, какъ учрежденіе чуждое, навязанное извнѣ. Происшедшими отъ этого замѣшательствами быстро воспользовался тогдашній германскій императоръ, дѣятельный Генрихъ III; онъ хотѣлъ не только утвердить вліяніе Германіи на Венгрію, но и самую страну эту обратить въ имперскій ленъ. Цѣль его была, повидимому, почти уже достигнута, но покровительствуемый имъ Петръ вторично былъ свергнутъ съ престола: имѣя много дѣла съ другой стороны, Генрихъ III уже не могъ возобновить свое прежнее предпріятіе, а преждевременная смерть положила конецъ и всѣмъ его политическимъ замысламъ. Въ послѣдствіи молодой Генрихъ IV предпринималъ походъ въ Венгрію, чтобы поддержать притязанія на венгерскую корону своего зятя, короля Саломона; онъ присутствовалъ при короновании Саломона въ Секешфейерварѣ, но не отважился возобновить попытку своего отца относительно обращенія Венгріи въ имперскую ленную область. Послѣ одиннадцатилѣтняго царствованія, утвержденный на тронѣ съ помощью Нѣмцевъ, король былъ свергнутъ прочими членами дома Арпадовъ. Это случилось весною 1074 года, въ тотъ самый день, какъ давно уже недовольные Генрихомъ IV Саксонцы подняли знамя возстанія, при чемъ императорскіе замки въ Гарцѣ были разрушены, и Григорій VII готовился нанести имперіи тѣ страшные удары, вслѣдствіе коихъ власть Генриха IV подверглась цѣлому ряду неслыханныхъ превратностей. Поэтому не могло быть и рѣчи о вмѣшательствѣ Германской имперіи въ венгерскія дѣла, да сверхъ того и въ самой Венгріи съ 1074 по 1114 годъ слѣдовали одинъ за другимъ три короля, при твердомъ характерѣ и энергической дѣятельности которыхъ подобное вмѣшательство было даже невозможно. Гейза I

осмотрительнымъ образомъ дѣйствій и искусными переговорами укрѣпилъ принятую имъ королевскую власть. Преемникъ его Владиславъ I впервые прочно присоединилъ Хорватію къ Венгерскому королевству, сокрушилъ послѣднія насильственныя попытки Саломона возвратить себѣ тронъ, заставилъ Поляковъ и Чеховъ уважать Венгрію, а внутри продолжалъ дальнѣйшее развитіе законодательства. Такимъ образомъ онъ приготовилъ своему племяннику и преемнику Коломану хорошія средства, которыя доставили этому прозорливому и образованному государю возможность не только укрѣпить владычество Венгріи, но и расширить его. Одушевленный идеями, которыя были порождены Крестовыми походами, и слѣдя зоркимъ глазомъ за экономическими интересами своего государства, онъ старался распространить его предѣлы до береговъ Адріатическаго моря. Не смотря на весьма понятное сопротивленіе Венеціанцевъ, Коломанъ не прекращалъ своихъ усилій; Далмація и Хорватія въ его царствованіе были еще тѣснѣе связаны съ Венгріей. На сѣверѣ, послѣ несчастной битвы при Перемышлѣ, онъ обезопасилъ себя союзами противъ южной Россіи, и дѣйствуя неутомимо, отразилъ въ окрестностяхъ Пожуна (Пресбурга) попытку императора Генриха V вторгнуться въ Венгрію. Все вкратцѣ здѣсь сообщенное Салай изложилъ въ цѣломъ рядѣ удачно расположенныхъ связныхъ разказовъ. Къ лучшимъ изъ этихъ разказовъ принадлежитъ глава о правленіи Владислава I, государя столь же энергическаго, какъ и кроткаго, рыцарски набожнаго, но тѣмъ не менѣе умѣвшаго сохранить независимость отъ римской куріи. Столь же удачно вышло у него изложеніе историческихъ происшествій въ Хорватіи и Далмаціи, до чрезвычайной степени запутанныхъ по причинѣ происковъ, къ которымъ прибѣгали завистливые Норманны и Венеціанцы.

Успѣхи, пріобрѣтенные Венгріей при достославномъ управленіи трехъ упомянутыхъ королей, были очень велики и даже могутъ быть названы блестящими; но для ихъ прочности надо было тщательно поддерживать ихъ, а этого не сдѣлали. Алчными глазами смотрѣли Венеціанцы на лежащій противъ нихъ берегъ Адріатическаго моря, составлявшій такъ долго цѣль ихъ желаній, и едва скончался Коломанъ, а четырнадцатилѣтній сынъ его Стефанъ II вступилъ на престолъ, какъ дожъ Орделафо Фаліери ворвался въ Далмацію съ войскомъ. Застигнутые въ расплохъ города были взяты одинъ за другимъ, и сдалась даже Зара, не смотря на то, что въ ней былъ мадьярскій гарнизонъ. Наконецъ, по прошествіи почти двухъ лѣтъ въ Дал-

мацію вступила венгерская армія; у стѣнъ Зары произошла кровопролитная битва, и Венеціанцы потерпѣли сильное пораженіе, при которомъ Фаліери палъ героемъ. Однако городъ не былъ взятъ, и лукавые Венеціанцы, завязавъ ловкіе переговоры, добились перемирія, по которому Зара и лежащіе окрестъ ея острова были оставлены за ними. Другими словами, Мадьяры побѣдили на полѣ сраженія, но были побѣждены на дипломатическомъ поприщѣ: въ рукахъ Венеціанцевъ осталась важнѣйшая морская стоянка и морская торговля. Венгерскіе короли тѣмъ болѣе были вынуждены временно оставить попеченіе о Далмаціи, что они повсюду запутались въ распри, изъ которыхъ важнѣйшая была распря съ Византійскою имперіей. Именно еще прежде у короля Коломана возникла продолжительная и ожесточенная ссора съ его братомъ Альмошемъ, при чемъ первый увлекся до жестокостей, къ которымъ во всю свою жизнь никогда не прибѣгалъ. Альмошъ бѣжалъ въ Византію, гдѣ былъ принятъ императоромъ Іоанномъ Комниномъ съ отверстыми объятіями. Этотъ дѣятельный императоръ, состоявшій въ супружествѣ съ Пирошкой, единственною дочерью короля Владислава, замышлялъ воспользоваться своимъ родствомъ съ домомъ Арпадовъ, не столько изъ желанія вступиться за Альмоша, сколько для того, чтобы присвоить себѣ посредническій судъ въ дѣлахъ Венгріи. Правда, Стефанъ II, быстро вторгнувшись въ предѣлы Греческой имперіи, пытался предупредить предпріятіе императора, но былъ вытѣсненъ и принужденъ къ уступчивости. Онъ былъ вынужденъ признать своимъ наслѣдникомъ Альмошева сына, который и царствовалъ послѣ него съ 1131 по 1141 годъ, подъ именемъ Белы II. Тѣмъ не менѣе при его сынѣ и наслѣдникѣ, Гейзѣ II, раздоры возобновились. Градиня (у Грековъ—Влахинъ), Сербскій князь, задумалъ освободиться отъ данничества Византіи, и поэтому сталъ подъ верховную ленную власть Венгерскаго короля. Но Византійскій императоръ Мануилъ, сынъ Іоанна Комнина, побѣдилъ его и взялъ въ плѣнъ, разбилъ также войска Венгерскаго короля и въ отплату за вспомоществованіе, оказанное имъ Сербскому князю, вторгся въ Темешварскій банатъ. Въ силу послѣдовавшаго затѣмъ мира, Гейза II былъ вынужденъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на Сербію. Легко пріобрѣтенная побѣда внушила Византійскому императору мысль прибрать подъ свое покровительство Венгерское государство; онъ сталъ безпрестанно вмѣшиваться въ дѣла Венгріи, и вмѣшательства его продолжались до самой кончины этого геніальнаго, но чрезвычайно непостояннаго государя, послѣдовавшей въ 1180 году. Сперва онъ

принялъ подъ свое покровительство обоихъ братьевъ короля, враждовавшихъ противъ послѣдняго, а по смерти его противопоставилъ его сыну одного изъ дядей. Когда же Мадьяры твердо сохранили вѣрность сыну Гейзы II, Стефану III, то Мануилъ, обѣщая выдать дочь свою за его сына Белу, склонилъ его прислать этого молодаго человѣка на воспитаніе въ Константинополь. Но все это было не болѣе какъ обманъ, ибо вскорѣ потомъ императоръ потребовалъ, чтобы Белѣ заранѣе была отдана во владѣніе Далмація, и какъ скоро ему отказали въ этомъ, то онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей взялся за оружіе. Такимъ образомъ вниманіе Венгріи снова было обращено на Далмацію. Въ продолженіе обильной перемѣнами счастія войны, завязавшейся по этому поводу, надоръ (палатинъ) Денешъ совершалъ на низовьяхъ Дуная свои блистательные подвиги. Вмѣстѣ съ тѣмъ другая мадьярская армія двинулась къ Адріатическому морю, разбила въ 1167 году византійскаго военачальника Никифора Халуфеса, снова забрала всѣ далматскіе города и даже Зару. Но успѣхи эти были не продолжительны; надоръ Денешъ былъ побѣжденъ Византійцами въ кровопролитномъ сраженіи при Савѣ; Венеціанцы быстро воспользовались затруднительнымъ положеніемъ Венгерцевъ и въ 1168 г. взяли Зару, напавъ на нее въ расплохъ. Остальную часть Далмаціи отобралъ императоръ Мануилъ и присоединилъ къ Византійской имперіи, отложивъ на неопредѣленное время бракосочетаніе своей дочери съ Белою. Въ 1173 г. послѣдній вступилъ на престолъ Венгріи подъ именемъ Белы III. Этотъ превосходный государь повсюду былъ окруженъ величайшими затрудненіями, но умѣлъ осмотрительно и съ умѣстною энергіей преодолѣть ихъ. Въ 1180 г. по смерти Мануила онъ обратилъ вниманіе на Далмацію: настроеніе тамошнихъ жителей было ему благопріятно; Спалатро и Зара добровольно отворили ворота свои Венгерцамъ, и Бела III послалъ надора Фаркаша для обороны и укрѣпленія этихъ городовъ. Венеціанцы неоднократно прибѣгали къ самымъ отчаяннымъ усиліямъ, чтобы вытѣснить сосѣдей, въ высшей степени имъ непріятныхъ; но бдительность короля предупредила всѣ ихъ замыслы. Даже при его преемникѣ, королѣ Эмерикѣ (Миркѣ), попытки ихъ долгое время не имѣли успѣха, до тѣхъ поръ пока ловкій дожъ Генрихъ Дандоло не сумѣлъ направить на далматскій берегъ силы собравшихся въ Венеціи крестоносцевъ. Въ 1202 г. Зара была взята и снова подчинена венеціанской власти. Однако въ 1203 г. жители этого города воспользовались встрѣтившимся имъ благопріятнымъ случаемъ, дабы сбросить съ себя ненавистное имъ иго; но занятый внутренними

раздорами Венгерскій король не поддержалъ ихъ, и они опять добровольно подчинились Венеціи. Все это происходило въ продолженіе цѣлаго столѣтія и служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что Венгерскіе короли рано почувствовали необходимость поставить свое государство въ связь съ морскимъ побережьемъ, и что хотя эта мысль не всегда была приводима въ исполненіе, однако безпрестанно возникала. Салай, какъ опытный государственный человѣкъ, тщательно выводитъ на видъ всѣ событія, свидѣтельствующія объ усиліяхъ Венгерскихъ государей достигнуть этой цѣли.

Причины, почему Мадьяры не могли пріобрѣсти прочныхъ успѣховъ противъ Византійской имперіи и почему въ то же время вниманіе Венгерскихъ королей отвлекалось отъ столь важнаго для нихъ далматинскаго побережья, заключались преимущественно въ затрудненіяхъ, которыя возникали на западныхъ и сѣверныхъ предѣлахъ ихъ государства. Впрочемъ сущность этихъ затрудненій была далеко не важнаго свойства. Именно и въ венгерскихъ дѣлахъ мы видимъ тѣ же семейныя связи и личныя побужденія, тѣ же подстрекательства, ту же племенную ненависть и вражду, которыя въ средніе вѣка повсюду непрерывно поддерживались или вызывались, видимъ также попеременно возникавшія внезапныя распри и быстрыя, но непрочныя примиренія, двусмысленные союзы и недовѣрчивость. Что касается до австрійскихъ Бабенбергскихъ маркграфовъ, то съ тѣхъ поръ, какъ имъ удалось вытѣснить Мадьяръ изъ окрестностей Мёлька и Вѣны, а потомъ отбросить до Лейты, то ихъ область вполнѣ пріобрѣла тотъ объемъ, какой только былъ возможенъ при господствовавшихъ тогда обстоятельствахъ. Конечно, у нихъ не было недостатка въ желаніи еще болѣе расширить свои владѣнія и вмѣшаться въ венгерскія дѣла, но тогдашнія силы ихъ не были для этого достаточны. Отъ Германскихъ императоровъ они не могли въ этомъ случаѣ ожидать почти никакой поддержки, такъ какъ вслѣдствіе направленія, какое въ то время получила въ Германіи жизнь, дѣятельность императоровъ была направлена совсѣмъ въ иныя стороны. Кромѣ того этимъ маркграфамъ приходилось еще защищаться отъ сосѣдственныхъ Чеховъ, а потому имъ часто приходилось искать даже поддержки у Мадьяровъ, да и вообще между этими тремя народами происходили попеременно то сближенія, то разрывы, и послѣдніе всегда заканчивались взаимнымъ соглашеніемъ. Такъ, напримѣръ, войска герцога Леопольда III да и Чехи сражались на сторонѣ Мадьяровъ, въ битвѣ при Магдольнѣ въ 1133 г., когда въ Венгрію вторгся Польскій король Болеславъ, под-

держивая претендента Бориса противъ короля Белы II. А потомъ наоборотъ, извѣстный маркграфъ, въ послѣдствіи герцогъ Генрихъ II Язомирготъ, въ соединеніи съ Владиславомъ Чешскимъ, вступился за того же Бориса, но потерпѣлъ въ 1146 году въ битвѣ при Лейтѣ сильное пораженіе. А въ 1166 году сынъ Гейзы II, король Стефанъ III, вступилъ въ бракъ съ дочерью того же Генриха. Все столѣтіе было исполнено подобными дружескими и враждебными отношеніями, возникавшими по требованію мимолетной нужды. Почти то же замѣчаемъ мы и при частыхъ сношеніяхъ съ русскими областями, начавшихся гораздо прежде. Еще до вступленія своего въ венгерскую землю Мадьяры были въ соприкосновеніи съ Кіевомъ, и хотя эти связи, по причинѣ ихъ удаленія на западъ и преобразованія Русскаго государства при Владимірѣ Великомъ, временно прекратились, однако вскорѣ были возобновлены послѣ того, какъ въ 1015 г. южная Русь распалась на нѣсколько княжествъ. Тогда по близости венгерской границы съ великимъ княжествомъ Кіевскимъ, образовались небольшія княжества Перемышльское и Галицкое, занимавшія приблизительно нынѣшнюю Галицію; эти-то княжества, нерѣдко угрожаемыя сѣверными русскими княжествами, искали защиты у Мадьяровъ, которые въ свою очередь считали политическое сближеніе съ ними выгоднымъ для себя. Поэтому между венгерскими государями и владѣльцами упомянутыхъ княжествъ возникли семейныя связи и союзы, иногда прерывавшіеся раздорами. Уже Андрей I нашелъ убѣжище въ Россіи и оттуда возвратился на венгерскій тронъ; онъ былъ женатъ на дочери Ярослава, князя Черниговскаго и Новогородскаго. Можетъ-быть, именно эти связи съ Россіей и побудили короля Коломана оказать великому князю Святополку II пособіе противъ его враговъ, — пособіе, которое подвергло его жестокому пораженію у Перемышля. Въ это время онъ женился на дочери Святополка, но бракъ этотъ былъ вскорѣ расторгнутъ. Новыя замѣшательства побуждали также Стефана II и Гейзу II къ походамъ въ Русскую землю; даже Андрей II, вступившій на тронъ въ 1205 г., предпринималъ походъ въ Галичъ и Волынь и названіе этихъ земель присоединилъ къ своему титулу. Частые походы Венгерцевъ въ русскія области свидѣтельствуютъ о ихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ ними въ то время и внушаютъ желаніе, чтобъ эти сношенія были подробнѣе изслѣдованы венгерскими историками. Салаево изложеніе не вполнѣ удовлетворительно въ этомъ случаѣ, и хотя онъ и тутъ входитъ болѣе другихъ въ подробности, однако и у него не замѣтно той точности и ясности, съ какою онъ обработалъ остальные во-

просы. За то онъ съ особеннымъ вниманіемъ изложилъ внутреннія дѣла Венгріи въ царствованіе Андрея II, при которомъ уставы государства получили направленіе, чрезвычайно обильное послѣдствіями.

3. Король Андрей II и Золотая булла.

Въ жизни народовъ нерѣдко случается, что слѣдствія ошибокъ и недосмотровъ прежняго времени, скопившись при жизни кого-либо изъ позднѣйшихъ государей и соединясь съ его собственными слабостями, ошибками и несчастіями, разростаются въ грозное цѣлое, необходимо ведущее къ преобразованію всего государственнаго быта. То же случилось и въ Венгріи при королѣ Андреѣ II. Уже по смерти Коломана, вслѣдствіе сильныхъ споровъ за престолонаслѣдіе, вельможи часто начали присвоивать себѣ излишнюю власть. Порядокъ престолонаслѣдія запутался, уваженіе къ королямъ ослабѣло, коронные доходы уменьшились. Къ этому само по себѣ уже опасному злу король прибавилъ новое. Онъ позволилъ своей первой женѣ, Гертрудѣ Меранской, и ея иностраннымъ любимцамъ своекорыстное вмѣшательство въ завѣдываніе дѣлами. Онъ расточилъ коронные доходы: не смотря на крайнюю нужду въ деньгахъ, часто простиравшуюся до того, что не чѣмъ было покрыть самыя необходимыя издержки, онъ предпринималъ походы въ Галицію, и наконецъ, предпринялъ Крестовый походъ въ Палестину, вовсе не нужный для Венгріи. По возвращеніи своемъ онъ прибѣгнулъ къ самымъ постыднымъ средствамъ добывать деньги. Онъ не пощадилъ даже имущества бурговъ и этимъ нарушилъ комитатскіе уставы. Наконецъ, во всѣхъ слояхъ народа распространилось волненіе, и даже сынъ Андрея, Бела, готовъ былъ взяться за оружіе противъ своего родителя; но духовенство приняло на себя посредничество. Покорясь его вліянію, король Андрей издалъ въ 1222 году знаменитый основный законъ, который получилъ названіе Золотой буллы, по приложенной къ нему золотой печати. Въ 31 статьѣ, изъ которыхъ каждая была способна къ обильнѣйшему развитію, булла эта содержала полное изложеніе правъ и вольностей націи.

Не различая обстоятельствъ, существовавшихъ въ XIII вѣкѣ, отъ соціальныхъ идей XIX вѣка, этому документу не рѣдко приписывали исключительно аристократическій характеръ и происхожденіе; но объясненная порядкомъ вещей существовашимъ въ то время, Золотая булла, по мнѣнію Салая, оказывается напротивъ документомъ, вполнѣ обезпечивающимъ весь народъ отъ произвола короля и аристократіи. Въ

то время могущественные крупные землевладѣльцы были въ такомъ положеніи, что могли бы совершенно поработить себѣ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, а именно послѣднихъ (немешей въ тѣсномъ смыслѣ) упомянутый законъ принялъ подъ свое покровительство противъ крупныхъ землевладѣльцевъ (ураковъ). Въ буллѣ сказано прямо, что безъ законнаго суда, никакой немешъ, изъ одного лишь уваженія къ сильному человѣку, не долженъ быть сажаемъ въ тюрьму или подвергаемъ какому бы то ни было другому насилію. Воспрещено собирать подати съ имуществъ немешей. Если у немеша нѣтъ сыновей, то его дочери наслѣдуютъ опредѣленную часть имущества, остальнымъ же имуществомъ владѣлецъ можетъ распорядиться по собственному желанію, свободно заявивъ свою послѣднюю волю. Если онъ умретъ, не оставивъ завѣщанія, то это остальное имущество наслѣдуютъ ближайшіе родственники мужескаго пола, и только въ томъ случаѣ, если такихъ родственниковъ не окажется, имущество наслѣдуетъ король. Во всѣхъ дѣлахъ по своему имуществу немеши были свободны отъ суда графа или жупана; эти дѣла рѣшались только надоромъ, да и приговоръ послѣдняго, особенно къ смертной казни, приводился въ исполненіе только съ утвержденія самого короля. Немеши были обязаны, при каждомъ внѣшнемъ нападеніи или при внутреннихъ мятежахъ, безвозмездно становиться подъ знамена короля, а при походахъ за границу они должны были получать за это вознагражденіе. Наконецъ, каждый годъ, въ Стефановъ день, къ концу декабря, въ присутствіи короля, или если ему самому почему-нибудь присутствовать нельзя было, то въ присутствіи надора въ Секешфейерварѣ происходилъ большой судъ, на который каждый немешъ имѣлъ право являться свободно и безпрепятственно. Всѣ эти постановленія, также какъ законы Стефана, несомнѣнно доказываютъ, что о ленной связи въ Венгріи не было и рѣчи. На владѣльцахъ помѣстій лежала обязанность оказывать услуги государству вообще и въ особенности королю, какъ представителю государства; но они не состояли въ такихъ служебныхъ отношеніяхъ, которыя выражались бы личною милостію со стороны верховнаго властелина и личною вѣрностью со стороны служащихъ, и отъ которыхъ зависѣло бы для послѣднихъ пользованіе ихъ имуществами. Золотая булла обезпечивала на многія столѣтія положеніе низшихъ вольныхъ людей въ такое время, когда въ большей части западно-европейскихъ государствъ этотъ классъ людей былъ подчиненъ гдѣ рабству, гдѣ леннымъ служебнымъ отношеніямъ. Столь же отлично, чѣмъ на западѣ, было и положеніе свѣт-

скихъ вельможъ. Въ западныхъ государствахъ, особенно въ Германіи, государственныя (имперскія) должности постоянно раздавались въ видѣ леновъ и на дѣлѣ уже стали наслѣдственными, а часто и прямо объявлялись таковыми по закону. Напротивъ того Золотая булла навсегда устранила наслѣдственность государственныхъ должностей. Венгерскіе магнаты остались землевладѣльцами, но никогда не могли пользоваться территоріальными правами. Въ этомъ новомъ основномъ законѣ уже хранятся зародыши конституціи, возникшей въ послѣдствіи, такъ какъ изъ большихъ судебныхъ засѣданій въ Секешфейерварѣ образовалась, въ теченіе времени, нижняя палата чиновъ или сословій, а изъ королевскаго совѣта развилась верхняя палата магнатовъ. Всѣ части націи были Золотою буллою снова соединены въ нераздѣльную общину, въ средоточіи которой стоялъ король; но вся подвижная сила, на которую онъ могъ опираться, заключалась въ тогдашнемъ среднемъ сословіи, немешегахъ.

Нѣкоторое время казалось, что комитатская жизнь соскочила съ своей колеи: такъ какъ все гражданское положеніе немешей было поставлено подъ непосредственное покровительство короля и надора и подъ контроль Секешфейерварскихъ судебныхъ собраній, то оно было еще рѣшительнѣе чѣмъ прежде поставлено внѣ зависимости отъ жупанства. Военная организація, которую Стефанъ I поставилъ существенною цѣлью жупанства, пришла въ полное разстройство по причинѣ расточенія бурговаго имущества и проистекшаго отъ того угнетенія варкотонаковъ. Относительно этого пункта не было принято никакихъ мѣръ. Въ Золотой буллѣ не установили никакого живучаго учрежденія для замѣны разстроеннаго комитатскаго ополченія, и общая повинность дворянства служить на войнѣ, по причинѣ своей неопредѣленности, не могла достаточно удовлетворять практическимъ потребностямъ. Опытъ ближайшаго времени уже доказалъ, какія тяжелыя пожертвованія были слѣдствіемъ этого опущенія. Не смотря на то, по крайней мѣрѣ внѣшняя форма комитатовъ все-таки удержалась; жупаны все еще отъ имени короля завѣдывали въ комитатахъ всѣми уголовными дѣлами, кромѣ тѣхъ, которыя по своему свойству назначались для разсмотрѣнія въ большомъ судѣ; сверхъ того уцѣлѣлъ посредствующій органъ управленія. По мѣрѣ того какъ развивались города, и граждане ихъ, подобно церковнымъ имуществамъ, мало по малу уравнивались съ немешами, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказывалось, что мелочными дѣлами большому Секешфейерварскому суду было неудобно заниматься, пришлось наконецъ возложить на

комитаты завѣдываніе и политическими дѣлами. Такимъ образомъ соціальныя составныя части государства были постепенно вдвинуты въ раму старыхъ бурговыхъ областей или вармегіековъ, и въ послѣдовавшія за тѣмъ столѣтія непрерывно развивался прочный комитатскій порядокъ вещей.

Послѣдняя статья Золотой буллы заключалась слѣдующими словами: „Если король Андрей, или кто-либо изъ его преемниковъ, и въ какія бы то ни было времена, будутъ поступать вопреки постановленіямъ закона, то разрѣшается какъ епископамъ, такъ и другимъ вельможамъ и благороднымъ государства, въ силу сей записи, безъ вины въ нарушеніи вѣрности, всѣмъ совокупно и каждому отдѣльно оказывать теперь и впредь противорѣчіе и сопротивленіе королю и его потомкамъ и преемникамъ". Въ этомъ разрѣшеніи многіе видѣли формальную привилегію заводить мятежъ, дѣйствовать беззаконно, и съ перваго взгляда въ самомъ дѣлѣ, кажется, излишне было предоставлять подобную волю именно такому народу, который и безъ того во всякомъ случаѣ ревнивымъ окомъ наблюдалъ за сохраненіемъ своей свободы и страстно защищалъ ее. Однако это лишь кажется такъ, ибо упомянутое право сопротивленія было вызвано самими событіями и отчаянными воплями большей части націи, угнетенной сильными вельможами, которые уже цѣлое столѣтіе одинаково произвольно попирали ногами и королевскія права и вольности частныхъ лицъ. Ближайшія событія оправдали въ этомъ смыслѣ предусмотрительное постановленіе Золотой буллы. Король Андрей, не смотря на торжественное обѣщаніе свое сообразоваться съ буллою, еще нѣсколько лѣтъ постоянно нарушалъ и духъ и букву подписаннаго имъ закона, и въ этомъ помогалъ ему сильный надоръ Денешъ. Правда, тогда во всей странѣ почти безпрестанно происходили мятежныя движенія и возстанія, но къ нимъ прибѣгали не немеши, слѣдовательно, не тѣ люди, въ пользу которыхъ было разрѣшено сопротивленіе, а напротивъ, противъ кого была обращена булла. Всѣ письменные уставы болѣе или менѣе предупреждаютъ дѣйствительную жизнь и большею частью только послѣ сильной борьбы становятся полною истиной. Они остаются мертвою буквой до тѣхъ поръ, пока для осуществленія ихъ не имѣютъ достаточно силы тѣ, въ пользу которыхъ эти уставы назначаются; но тотчасъ становятся на твердую почву, какъ скоро люди, старающіеся, ихъ нарушить не находятъ болѣе орудій для поддержанія своихъ беззаконій. Точно то же было и съ Золотою буллою. Уже въ 1231 г., еще при жизни короля Андрея,

стали нужны поясненія, и закономъ, изданнымъ въ упомянутомъ году, право сопротивленія было ограничено скромнымъ постановленіемъ, которымъ архіепископу Острыгомскому (Гранскому) дано право отлучать отъ церкви короля и его преемниковъ, если они покусятся нарушить постановленія Золотой буллы. Были сверхъ того ограничены и еще нѣкоторыя статьи. Это великое государственное узаконеніе долго еще подвергалось сильнымъ нападеніямъ, и только послѣ опыта, пріобрѣтеннаго въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, оно установилось прочно. Нѣкоторыя статьи его потеряли, правда, свой вѣсъ и значеніе, но изъ другихъ, посредствомъ разныхъ придатковъ, развились новыя, исполненныя силы постановленія.

4. Отъ вторженія Монголовъ до Андрея III, послѣдняго Арпада. Внутреннее развитіе Венгріи за это время.

Первый томъ Салаева сочиненія заканчивается дарованіемъ Золотой буллы въ 1222 году. Во второмъ томѣ описывается окончаніе царствованія короля Андрея II и управленіе его сына и преемника Белы IV, который царствовалъ съ 1235 по 1270 годъ, и принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ Венгерскимъ королямъ. Уже бывъ семнадцатилѣтнимъ юношей, онъ своимъ мужественнымъ образомъ дѣйствій много способствовалъ изданію золотой буллы и потомъ искренно заботился о дѣйствительномъ приведеніи ея въ силу. Сначала, по вліянію нѣкоторыхъ могущественныхъ землевладѣльцевъ, онъ впалъ было въ ошибочныя дѣйствія; но вскорѣ его здравый смыслъ указалъ ему истинный путь. Вступя на тронъ, онъ прежде всего удалилъ отъ себя безсовѣстныхъ совѣтниковъ, которые, пользуясь слабостью его отца, многоразлично употребляли ее во зло, и старался съ одной стороны возстановить уваженіе къ королевской власти, а съ другой ввести въ полную силу статьи законовъ 1222 и 1231 годовъ. Безпощадная строгость, къ какой онъ прибѣгалъ при этомъ противъ подстрекателей къ сопротивленію, навлекла ему вражду многихъ могущественныхъ венгерскихъ фамилій. Онѣ затѣвали заговоры, возстанія, замышляли прибѣгнуть къ насильственнымъ поступкамъ, запутывали дѣла, и наконецъ, общее неудовольствіе распространилось даже въ средѣ тѣхъ людей, къ выгодѣ которыхъ была направлена вся дѣятельность Белы. Но народъ еще не былъ усмиренъ, повсюду еще господствовало сильное волненіе, какъ извнѣ налетѣла на Венгрію опустошительная буря, которая разомъ пресѣкла всю полезную дѣятельность короля и на долго задержала плоды ея. Изъ среды

Россіи, Батый двинулся во главѣ монгольскихъ ордъ къ Карпатамъ. Впереди его бѣжалъ Кутенъ, ханъ Кумановъ. Его приняли въ 1240 году съ 40.000 семействъ въ Венгерское государство, надѣясь этимъ увеличить оборонительную силу Венгріи; но его присутствіе только увеличило внутреннія замѣшательства. Единодушія, нужнаго для принятія оборонительныхъ мѣръ, не оказалось ни малѣйшаго: вельможи не повиновались и увлекались ненавистью къ реформамъ, забывъ о благѣ отечества; комитатскія милиціи не были надлежащимъ образомъ устроены. 12-го марта 1241 года Мадьяры потерпѣли при Сайо (впадаетъ слѣва въ Тиссу) страшное пораженіе, которое разомъ уничтожило всю венгерскую армію. Вслѣдъ за симъ непріятель быстро достигъ береговъ Дуная, а въ 1242 года, монгольскія шайки уже распространились и по правому берегу Дуная. О защитѣ нечего было и думать: всѣ узы порядка и законности были расторгнуты. Самъ король блуждалъ въ сосѣдственныхъ странахъ безъ пристанища, безпрестанно подвергаясь опасности быть преданнымъ, пока наконецъ нашелъ безопасное убѣжище на одномъ изъ острововъ Адріатическаго моря. Къ величайшему счастію для Венгріи внутреннія перемѣны въ монгольскихъ владѣніяхъ вынудили Батыя уже въ 1243 года уйдти за Карпаты, и Бела могъ воротиться въ свое королевство. Онъ нашелъ его въ самомъ печальномъ положеніи: города и деревни были разорены, поля не воздѣланы, мѣстность повсюду обезлюдѣла; голодъ и заразительныя болѣзни угрожали уцѣлѣвшему народу совершенною гибелью. Правда, средневѣковыя описанія постоянно отличаются преувеличеніями; но если справедлива хотя половина того, что о тогдашнемъ положеніи Венгріи сказано въ этихъ описаніяхъ, то Мадьяры очень подвергались опасности исчезнуть изъ среды самостоятельныхъ народовъ, и только рука дѣятельнаго человѣка, одареннаго желѣзною волею, могла возстановить государство. Такимъ человѣкомъ и былъ Бела IV. Обладая вѣрнымъ практическимъ взглядомъ, онъ понялъ, что прежде всего надо заняться самымъ нужнымъ: распорядился доставкою отовсюду съѣстныхъ припасовъ, зерноваго хлѣба и скота, чтобы сдѣлать возможною обработку полей; Куманамъ назначилъ постоянное мѣсто жительства и вызвалъ изъ другихъ мѣстъ еще новыхъ переселенцевъ. Потомъ съ величайшимъ усердіемъ принялся за преобразованіе совершенно сокрушеннаго земскаго ополченія, за приведеніе въ порядокъ разстроеннаго землевладѣнія, и такимъ образомъ, посредствомъ хорошо разчитанныхъ мѣропріятій, сдѣлался возстановителемъ, можно ска-

зать, вторымъ основателемъ Венгерскаго государства. Устроивъ надежно внутреннія дѣла, онъ приступилъ къ энергическимъ мѣрамъ противъ внѣшнихъ враговъ; смирилъ прежде всего послѣдняго изъ Бабенберговъ, герцога Фридриха (который во дни несчастія поступилъ съ нимъ самымъ постыднымъ образомъ) и отнялъ у него обратно захваченные имъ комитаты. Но стараясь потомъ покорить себѣ герцогство Каринтію, онъ уклонился съ пути здравой политики, такъ какъ ему было бы лучше направить свои усилія къ Адріатическому морю, гдѣ городъ Зара, послѣ многихъ превратностей, снова подпалъ владычеству Венеціанъ. Вообще во вторую половину своего царствованія Бела IV управлялъ хуже, нежели въ первую. Онъ вступилъ въ продолжительную ссору съ сыномъ своимъ Стефаномъ, и вступилъ, не безъ собственной вины, потому что отдавалъ слишкомъ явное предпочтеніе младшему сыну. Заботы государей объ удовлетвореніи своихъ семейныхъ привязанностей, безъ вниманія къ общественному благу, всегда сопровождаются ощутительнымъ вредомъ для государства. Но, не смотря на эту слабость, Бела IV все-таки остается превосходнымъ государемъ; законы, имъ изданные, придвинули представительные уставы его страны ближе къ ихъ цѣли. Послѣ краткаго царствованія сына его Стефана V, на тронъ вступилъ десятилѣтній Владиславъ IV, по прозванію Куманъ, царствовавшій съ 1272 по 1290 годъ. Разумѣется, въ первые годы онъ былъ подъ опекою регентства. Этотъ государь отличался блестящими, много обѣщавшими качествами и большимъ личнымъ мужествомъ. Въ немъ было что-то романически-рыцарское, но характеръ его былъ испорченъ, вѣроятно, дурнымъ воспитаніемъ. Безпрерывно отъ величаво-благородныхъ душевныхъ движеній переходилъ онъ къ пошлости и грубости; по избытку чувственныхъ страстей, онъ часто дѣйствовалъ во вредъ народу и государству, и послѣ осьмнадцатилѣтняго правленія, былъ убитъ тремя Куманами, которые мстили ему за личную обиду. Такъ какъ онъ не оставилъ по себѣ наслѣдника, то на тронъ вступилъ Андрей III (съ 1290 по 1301), происходившій отъ боковой линіи Арпадовъ. Въ противоположность своему легкомысленному предшественнику, онъ прежде всего съ глубокою обдуманностью устранилъ противостоявшія ему препятствія, а потомъ съ твердостью привелъ въ порядокъ внутреннія и внѣшнія дѣла государства. Впрочемъ результаты его дѣятельности далеко не соотвѣтствовали его желаніямъ; такъ какъ онъ правилъ не долго, а престолонаслѣдіе, за недостаткомъ прямаго наслѣдника, не было упрочено, то при такихъ обстоятельствахъ трудно было преодо-

лѣть сопротивленіе, которое сильные вельможи противопоставляли вводимымъ этимъ королемъ улучшеніямъ. Тѣмъ не менѣе за нимъ остается та заслуга, что онъ отстоялъ прежнее государственное устройство и поддержалъ въ немъ духъ справедливости. Какъ послѣдній потомокъ своего рода, онъ достойнымъ образомъ заключилъ длинный рядъ Арпадовъ.

Тринадцатое столѣтіе было для Венгріи временемъ страшныхъ потрясеній. Въ дворянствѣ возникъ духъ непокорности, всѣ узы общественнаго порядка, казалось, были совершенно расторгнуты; торжественно изданные, усиленные, неоднократно возобновленные законы были попираемы ногами; укрѣпленные города, устроенные для защиты отечества, превратились въ разбойничьи вертепы. Личныя страсти, честолюбіе, духъ грабежа и лихоимства уважались болѣе, чѣмъ самые священные интересы отечества; вельможи венгерскіе затѣвали съ иностранными государями тайные и явные заговоры противъ собственнаго короля, если онъ требовалъ исполненія законовъ, хотѣли лучше сносить чуждый гнетъ, нежели терпѣть свободу и справедливость. Впрочемъ эти явленія принадлежали не исключительно одной только Венгріи; они составляютъ характеръ всего тогдашняго времени. И въ Германіи мы видимъ то же, и для нея этотъ періодъ принадлежитъ, можетъ-быть, къ самымъ ужаснымъ во всей ея исторіи. Императорскій санъ былъ совершенно лишенъ власти и силы; претенденты, боровшіеся за него, всѣ отличались одинаковымъ безсиліемъ и ничтожествомъ; во многихъ мѣстахъ Германіи даже не знали кого почитать императоромъ. Высшіе сановники имперіи дѣйствовали на этотъ разъ съ рѣдкимъ согласіемъ, дѣлясь между собою добычей, оставшеюся безъ хозяина, а низшее рыцарство, не направленное ни къ какой общественной цѣли, не отличалось ничѣмъ благороднымъ. Увлекаемое духомъ вражды и склонностью къ приключеніямъ, оно разбойничало, оправдывая свои грабежи и опустошенія своимъ исконнымъ правомъ свободы. Во второй половинѣ тринадцатаго вѣка вся внутренность Германіи была наполнена этими грабителями съ гербами на щитахъ; всѣ элементы государственнаго организма вступили, казалось, въ отчаянную борьбу на жизнь и на смерть. Но однако за этимъ безнадежнымъ, повидимому, положеніемъ общества въ Германіи и Венгріи таились зародыши новаго развитія. Анархическое состояніе не всегда можно почитать непосредственнымъ выраженіемъ укоренившагося зла: во многихъ случаяхъ оно бываетъ предтечею болѣе хорошаго, но еще не созрѣвшаго состоянія. Необузданные безпорядки

дворянства были и въ Германіи и въ Венгріи послѣдними судорожными движеніями силы, внутренно уже сокрушенной, которая въ предчувствіи близкой смерти, истощала свои остальныя силы. Какъ въ Германіи низшіе классы и среднее сословіе соединились, чтобы общими силами поддержать государство, такъ и въ Венгріи, именно среди бурныхъ потрясеній, сооружались и укрѣплялись практическими средствами основы, на которыя должна была въ послѣдствіи опереться конституція. Нація требовала обезпеченій не столько противъ королевской власти, сколько противъ ея орудій и противъ вельможъ, стѣснявшихъ королей. Уже Андрей II по этому случаю былъ вынужденъ вставить въ законы 1231 года статью, даровавшую собранію немешей право принимать мѣры противъ надоровъ, дурно ведущихъ королевскія государственныя дѣла, и входить къ королю съ представленіемъ о замѣнѣ такихъ надоровъ другими людьми. Такъ какъ это постановленіе было вызвано только жалобами на тогдашняго надора Денеша, то оно могло имѣть лишь временное дѣйствіе, и притомъ удаленіе и назначеніе предоставлялось имъ на волю короля. Но въ концѣ столѣтія, именно въ 1291 году, знаменитымъ декретомъ Андрея III это постановленіе было возведено въ общій, основный, государственный законъ, которымъ безусловно предписывалось, чтобы впредь палатинъ, или надоръ, верховный казначей, или министръ финансовъ (fötárnok), верховный земскій судья, или министръ юстиціи (országbiro) и низшій канцлеръ (alkanczellár) назначались не иначе какъ по соглашенію съ государственнымъ собраніемъ. Такимъ образомъ этому собранію была предоставлена конституціонная возможность подвергать упомянутыхъ сановниковъ отвѣтственности за ихъ управленіе. Что касается до самого этого собранія, то Бела IV, очевидно желавшій положить конецъ его спорамъ, нерѣдко шумнымъ и безпорядочнымъ, издалъ въ 1267 году предписаніе, чтобы въ ежегодное Секешфейерварское собраніе были высылаемы изъ каждаго комитата только по два или по три депутата, съ которыми король обсуждалъ бы дѣла лично или чрезъ посредство своихъ чиновниковъ. Мысль эта оказалась преждевременною; она предполагала существованіе хорошо устроеннаго порядка выборовъ, а для такихъ выборовъ то время еще не имѣло достаточной зрѣлости; сверхъ того опасались, чтобы подобное собраніе не превратилось въ покорное орудіе королевскихъ чиновниковъ. Поэтому уже при Стефанѣ V принуждены были возвратиться къ древнему полному собранію немешей. Но за то кругъ дѣйствія Секешфейерварскаго собранія былъ опредѣленъ точнѣе и

тверже. Андрей III своимъ декретомъ 1291 года возложилъ на него обязанность изслѣдовать поступки и управленіе вельможъ въ комитатахъ и произносить о нихъ окончательный приговоръ. Уже вслѣдствіе этого порученія комитатскія собранія опять пріобрѣли важное значеніе, еще болѣе усиленное другимъ закономъ, которымъ было предписано изъ каждаго комитата, гдѣ надоръ и жупанъ производили судъ, придавать къ нимъ четырехъ человѣкъ, обязанныхъ наблюдать за ходомъ дѣлъ, возражать противъ незаконныхъ приговоровъ и доносить объ этомъ королю. Салай основательно видитъ въ этихъ четырехъ лицахъ зародышъ позднѣйшихъ комитатскихъ судей. Вмѣстѣ съ комитатомъ выиграли и города, и самое большое число дарованныхъ имъ льготныхъ грамотъ относится именно къ тому времени, которое слѣдовало непосредственно за монгольскимъ вторженіемъ, когда Бела IV старался водворить въ гражданскомъ быту болѣе движенія и жизни. Основною чертою всѣхъ этихъ дарованныхъ городамъ преимуществъ было самоуправленіе. Подобно церковнымъ имуществамъ, они были освобождены отъ подсудности жупану и состояли подъ непосредственнымъ надзоромъ короля. Наконецъ, здѣсь будетъ кстати упомянуть и о положеніи, въ какое были поставлены Трансильванскіе Саксы. Эти Саксы, вышедшіе изъ Фландріи и сѣверной Германіи, поселились въ теперешнемъ своемъ мѣстѣ жительства уже въ половинѣ XII столѣтія, при Гейзѣ II, да и послѣ того число ихъ часто увеличивалось новыми переселенцами. Каждое изъ этихъ поселеній получило отъ Венгерскихъ королей отдѣльныя льготныя грамоты, которыя мало по малу соединились въ одну общую, при чемъ и привилегіи ихъ были значительно увеличены. Они имѣли собственное управленіе и свой судъ и могли быть судимы только по своимъ національнымъ законамъ. Равнымъ образомъ, уплативъ вдругъ ежегодную круглую сумму денегъ, они освобождались отъ взноса королевскихъ податей. Но за то они должны были нести военную повинность, и ихъ территорія почиталась нераздѣльною составною частью Венгерскаго королевства.

5. Битва въ моравской долинѣ (marchfeld). Притязанія Рудольфа Габсбургскаго на Венгрію.

Между тѣмъ какъ Венгрія съ такими тяжкими усиліями выпутывалась изъ внутреннихъ затрудненій, на западной границѣ ея произошли важныя перемѣны. Послѣ прискорбнаго междуцарствія, императоромъ Германскимъ сдѣлался Рудольфъ Габсбургскій, помышлявшій о

томъ, чтобы во всѣхъ частяхъ страны утвердить свою власть. Этому замыслу энергически воспротивился Чешскій король Оттокаръ, который, по смерти послѣдняго Бабенберга, старался присоединить къ своимъ владѣніямъ не только герцогство Австрію, но и Каринтію. При тогдашнемъ положеніи Германской имперіи, такое предпріятіе не могло встрѣтить значительнаго сопротивленія, и Оттокаръ, безъ сомнѣнія, достигъ бы своей цѣли, еслибъ ему, не помѣшали Венгерскіе короли. Уже Бела IV всѣми силами противился ему и именно съ этою цѣлью старался овладѣть Каринтіей. Враждебное настроеніе между Венгріей и Чехіей долго не прекращалось: при короляхъ Стефанѣ V и Владиславѣ IV дѣло доходило даже до войны противъ Оттокара; но со стороны Венгріи война была ведена почти совершенно безъ обдуманнаго плана, а Оттокаръ, между тѣмъ, вмѣшивался въ борьбу венгерскихъ партій, чѣмъ увеличивалъ внутреннія затрудненія этого государства. По вступленіи на императорскій престолъ Рудольфа Габсбургскаго, дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ. Онъ предпринялъ отъ имени Аугсбургскаго имперскаго сейма и съ полномочіемъ отъ него первый походъ свой противъ Оттокара и принудилъ послѣдняго къ миру, по которому Оттокаръ долженъ былъ ограничиться только обладаніемъ Богеміи и Моравіи и дать ленную присягу, какъ вассалъ, главѣ имперіи. Но Оттокаръ не искренно покорился императору; честолюбіе этого государя, глубоко уязвленное, побуждало его къ новому разрыву; укрѣпивъ себя союзами, онъ отказался отъ исполненія заключеннаго имъ съ имперіей трактата. Рудольфъ Габсбургскій опять вооружился противъ него, но на этотъ разъ и его собственное положеніе сдѣлалось затруднительно: теперь Оттокаръ имѣлъ втрое болѣе его войска; на сторонѣ Чешскаго короля были даже герцогъ Баварскій, маркграфъ Бранденбургскій, польскіе и русскіе отряды. Рудольфъ былъ вынужденъ также искать союзниковъ и нашелъ пособіе со стороны Венгріи. Перевѣсъ силы оказался на его сторонѣ лишь въ то время, когда Владиславъ IV прислалъ ему значительный вспомогательный корпусъ; но и тогда Оттокаръ былъ побѣжденъ только послѣ кровопролитнаго и отчаяннаго сраженія въ долинѣ р. Моравы, происходившаго 26-го августа 1278 г. Эти факты несомнѣнно доказываютъ, что Рудольфъ Габсбургскій утвердился въ обладаніи Австріей лишь съ помощью Венгріи, и что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ онъ только съ ея же пособіемъ могъ побѣдить Оттокара. Салай строго порицаетъ легкомысліе Владислава, который, оказывая такое безкорыстное пособіе, хотя бы и самъ хотѣлъ отступиться отъ Ка-

ринтіи, однако совершенно справедливо могъ требовать нѣкотораго округленія венгерской границы, и въ этомъ ему никакъ не могли отказать.

Рудольфъ Габсбургскій былъ истиннымъ представителемъ вѣка, въ которомъ онъ жилъ. Возросшій въ мѣстности, простирающейся между Ааромъ, Рейсомъ и Лимматомъ, онъ воспитался первоначально въ тѣсной, но обильной поученіями школѣ жизни,—школѣ, которая въ послѣдствіи много послужила ему въ пользу. При ежедневномъ соприкосновеніи то съ мелкимъ, чрезвычайно сварливымъ дворянствомъ своей родины, то съ аббатами и епископами, то съ гражданами городовъ, въ которыхъ уже возникали первыя проявленія республиканскаго духа, онъ научился съ равнымъ успѣхомъ прибѣгать, смотря по обстоятельствамъ, то къ энергическому употребленію силы, то къ хитрости, гибкости и осмотрительному благоразумію. Замысловъ чрезмѣрно обширныхъ, мечтательности и романтизма въ немъ не было и слѣдовъ; не смотря на продолжительное броженіе идей, которое господствовало во всей націи, онъ сохранилъ полную трезвость ума. Отвлеченными изысканіями онъ не мучилъ себя; религіозныя понятія были у него приноровлены къ практическимъ потребностямъ жизни. Онъ любилъ бережливость, потому что она сохраняетъ имущество, не стыдился въ молодости даже служебныхъ обязанностей, какъ скоро онѣ доставляли ему возможность увеличить свое достояніе, и не былъ разборчивъ въ средствахъ пріобрѣтенія, если ему припадала охота и была возможность что-нибудь пріобрѣсть. Сдѣлавшись императоромъ, онъ возстановилъ въ имперіи повиновеніе и порядокъ, и подобно тщательному домохозяину, усердно собирающему и припрятывающему полупропавшіе долги, отыскивалъ повсюду права имперіи и спасалъ всѣ тѣ изъ нихъ, которыя еще можно было спасти. При этомъ онъ не забывалъ — и даже почиталъ справедливымъ — по возможности извлекать изъ своего положенія, въ качествѣ императора, выгоды для собственнаго дома. Онъ былъ существеннымъ основателемъ Австрійской монархіи, созданной имъ не столько благодаря обширности владѣній, которыя онъ оставилъ своимъ потомкамъ, сколько благодаря твердости независимой государственной власти, какую онъ умѣлъ доставить своему дому. Настроеніе жителей въ герцогствѣ Австрійскомъ долго было ему неблагопріятно; но онъ прежде всего поставилъ ихъ подъ непосредственное свое завѣдываніе какъ императора, и распоряжался ими до тѣхъ поръ, пока, при благопріятномъ расположеніи имперскаго сейма, нашелъ случай сокрушитъ въ странѣ всякое сопротивленіе. Каринтія была от-

дана въ ленъ другой фамиліи; но онъ ловко вставилъ въ самую ленную грамоту притязанія своего дома на будущее время. Онъ уже устремлялъ свои взоры и на Чешскія земли, а по смерти короля Владислава предъявилъ требованія и на Венгрію. Права свои на это государство онъ доказывалъ довольно наивно. Во время вторженія Монголовъ Бела IV предлагалъ сдѣлать свое государство ленною областью императора Фридриха II, если послѣдній освободитъ Венгрію отъ иноплеменниковъ. Императоръ и не подумалъ приступить къ этому освобожденію; слѣдственно, Бела IV не былъ обязанъ исполнить свое предложеніе; но, не смотря на то, Рудольфъ утверждалъ, что предложеніе осталось обязательнымъ и пытался возвести на венгерскій престолъ своего сына Альбрехта. Отважный Андрей III отвѣчалъ на это требованіе походомъ къ Вѣнѣ, вынудилъ Альбрехта къ миру и отреченію отъ венгерскаго престола, и казалось, дѣло тѣмъ и кончилось. Но, не смотря на это, Габсбургскій домъ сталъ послѣ того постоянно питать мысль о завладѣніи Венгріей. Долго скрывалъ онъ эту мысль, неожиданно опять заявлялъ ее, потомъ снова затаивалъ, то пытался привести ее въ исполненіе явною силой, то принимался за мирныя увѣщанія. Наоборотъ и Мадьяры прибѣгали къ такимъ же искусственнымъ средствамъ для отраженія этихъ требованій. Борьба по этому поводу происходила очень долго.

6. Анжуйскій домъ и король Сигизмундъ Люксембуржецъ. Постепенное преобразованіе конституціи.

Но прежде чѣмъ возникли роковыя событія, которыя должны были поставить Венгрію въ болѣе тѣсную связь съ Австрійскою монархіей, Венгерскому государству было суждено пережить самыя величественные дни своей исторіи. Еще при жизни Андрея III, папа, почитавшій себя въ правѣ распоряжаться Венгріей, какъ своею вассальною областью, противопоставилъ Андрею III соперника, гораздо болѣе опаснаго, чѣмъ Альбрехтъ. Этотъ соперникъ устроилъ себѣ партію, постоянно тревожившую правительство послѣдняго Арпада, поставилъ обоихъ преемниковъ Андрея (Венцеслава Чешскаго и Оттона Баварскаго) въ невозможность управлять государствомъ, и наконецъ, въ 1308 году вступилъ на венгерскій престолъ. То былъ Карлъ Робертъ, членъ французскаго дома Анжу, правнукъ Карла Неаполитанскаго и Сицилійскаго, возведшаго на эшафотъ послѣдняго потомка Гогенштауфеновъ, и внукъ Карла II, который, женясь на Маріи, дочери Стефана V, вступилъ въ родство съ Арпадами. Анжуйская династія въ продол-

женіе ста двадцати девяти лѣтъ доставила Венгріи пять государей, считая въ томъ числѣ и короля Сигизмунда, который былъ избранъ только въ качествѣ супруга Маріи, и потому естественно замыкаетъ собою періодъ Анжуйской династіи и служитъ исходнымъ звеномъ періода, слѣдовавшаго послѣ нея.

Сильныя внутреннія волненія, господствовавшія въ то время, когда Карлъ Робертъ вступилъ на венгерскій престолъ, продолжались долго и въ послѣдствіи; король былъ вынужденъ много лѣтъ провести въ борьбѣ съ необузданностью высшаго дворянства, и уваженіе къ королевской власти стало постепенно утверждаться лишь по смерти сильнѣйшаго изъ вождей магнатской партіи, Матвѣя Чака. Между тѣмъ король пріобрѣлъ опытность, ознакомился съ особенностями управляемаго имъ народа, и какъ скоро утвердилъ свою власть, то въ сознаніи пріобрѣтенной имъ силы началъ систематически стремиться къ цѣли ясно опредѣленной. Вмѣстѣ съ нимъ въ венгерскую государственную жизнь былъ внесенъ чуждый, до тѣхъ поръ неизвѣстный ей элементъ образованности. Французъ по происхожденію, возросшій при веселомъ Неаполитанскомъ дворѣ, Карлъ Робертъ имѣлъ высокое понятіе о безусловности королевской власти и былъ предубѣжденъ въ пользу централизаціонныхъ учрежденій. Уже по этой причинѣ ему не могло нравиться большое Секешфейерварское собраніе, въ которомъ нація привыкла видѣть обезпеченіе своихъ вольностей; но онъ былъ на столько уменъ и ловокъ, что не обнаружилъ прямо своего отвращенія къ этому собранію. Не созывая народныхъ сборищъ, или по крайней мѣрѣ, замѣняя ихъ нѣкотораго рода собраніемъ нотаблей, онъ льстилъ національному чувству въ другихъ отношеніяхъ, именно благопріятствовалъ развитію внѣшняго блеска и пышности, которые и безъ того излишне нравились Мадьярамъ. Введя такіе же рыцарскіе нравы, какіе развились тогда во Франціи, онъ сдѣлалъ свой дворъ сборнымъ пунктомъ воинственнаго дворянства, и такимъ образомъ привязалъ его къ особѣ короля, что однако не помѣшало ему впервые водворить въ Венгріи наемныя королевскія войска. Со всѣмъ этимъ состояло въ тѣсной связи попеченіе объ увеличеніи доходовъ и улучшеніи финансовыхъ учрежденій, и хотя установленная Карломъ Робертомъ податная система не можетъ быть названа хорошею, однако она много содѣйствовала тому, что начали разумнѣе, чѣмъ прежде, пользоваться естественными богатствами страны. Именно для утвержденія королевской власти въ томъ видѣ, въ какомъ, по мнѣнію Карла Роберта, она должна была существовать, требовались порядокъ, умѣренность

и справедливость; именно этого образа дѣйствія и держался король постоянно, за исключеніемъ лишь немногихъ случаевъ, — напримѣръ, относительно Фелиціана Зача, — когда онъ увлекался жаждою мести и жестокосердіемъ, которыя обнаруживались у всѣхъ членовъ Анжуйскаго дома, какъ скоро дѣло шло объ оскорбленіи ихъ честолюбія. Съ большимъ искусствомъ умѣлъ онъ оградить положеніе Венгріи отъ посягательствъ другихъ государствъ. Не только онъ прекратилъ насильственныя и несправедливыя внѣшнія вмѣшательства, но утвердилъ и косвенное и непосредственное вліяніе венгерской короны на всѣ сосѣднія страны. Какъ вѣрно онъ умѣлъ цѣнить современныя ему обстоятельства, доказывается тѣмъ, что уваженіе къ Венгріи онъ внушилъ не столько битвами и походами, сколько дипломатическими средствами, заботясь при этомъ болѣе о мирномъ соглашеніи, нежели объ увеличеніи своихъ владѣній. Именно, при распрѣ между Людвигомъ Баварскимъ и Фридрихомъ Австрійскимъ, онъ обнаружилъ столь же вѣрный тактъ, какъ и знаніе тогдашняго положенія европейскихъ дѣлъ. Въ продолженіе тридцати-шестилѣтняго царствованія онъ успѣлъ направить усилія внутреннихъ партій къ высшей цѣли и во всѣхъ отрасляхъ управленія водворить новую жизнь. При немъ кругъ понятій венгерскаго дворянства расширился, и Венгрія пріобрѣла международное значеніе, котораго послѣдствія были ощутительны еще цѣлыя двѣсти лѣтъ.

Въ 1342 г. ему наслѣдовалъ сынъ его, отличавшійся великими умственными и нравственными качествами, по причинѣ которыхъ исторія совершенно справедливо прозвала его Людовикомъ Великимъ. Онъ имѣлъ передъ Карломъ Робертомъ уже то преимущество, что родился и воспитывался въ Венгріи, а потому умѣлъ принимать въ соображеніе національное чувство Венгерцевъ, которое отецъ его часто вовсе безъ умысла оскорблялъ. Вотъ почему Людовикъ Великій избѣгъ большей части ошибокъ своего отца, и вообще во многомъ удачнѣе его дѣйствовалъ. Хотя походъ въ Неаполь, — предпринятый въ 1347 г. этимъ двадцати-двухлѣтнимъ государемъ болѣе изъ рыцарскаго уваженія къ памяти умерщвленнаго тамъ брата его, нежели вслѣдствіе вѣрнаго политическаго взгляда, — не имѣлъ прочнаго успѣха, и хотя при второмъ походѣ туда же, въ 1350 г., Людовикъ убѣдился, что соединеніе королевствъ Венгерскаго и Сицилійскаго, не смотря на его личное геройское мужество въ бояхъ и при осадахъ, не можетъ быть продолжительно; однако при этомъ случаѣ онъ удостовѣрился по крайней мѣрѣ въ томъ, что Далмація весьма важна для Венгріи, и по-

тому во все свое царствованіе не терялъ уже Далмаціи изъ вида. Но болѣе всего этому осторожному государю приноситъ чести рано и добровольно заявленная имъ увѣренность, что только конституціонныя учрежденія могутъ служить истинною и самою вѣрною основою королевской власти, и что государь гораздо болѣе обязанъ заботиться объ уваженіи неоспоримыхъ правъ своихъ подданныхъ, нежели о распространеніи своихъ собственныхъ правъ. Законы сейма 1351 г. составляютъ первое звено той цѣпи законоположеній, которыя неразрывно соединили дворянство съ короною, яснѣе опредѣлили права короны, упрочили самоуправленіе городовъ подъ надзоромъ короля, вновь оживили движеніе торговли, увеличили источники государственныхъ доходовъ и всѣмъ этимъ въ совокупности размножили средства, при помощи которыхъ достигается народная образованность. Король Людовикъ Великій пользовался чрезвычайно большою популярностью; порожденная этимъ общественная безопасность вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ намъ и необыкновенныя удачи, которыми увѣнчались всѣ внѣшнія предпріятія Людовика Великаго. Какъ сынъ Елисаветы Локетекъ, третьей супруги Карла Роберта и сестры бездѣтнаго Казиміра Великаго, который давно уже назначилъ своимъ преемникомъ Людовика Венгерскаго, послѣдній успѣшно помогалъ Польскому королевству противъ Литовцевъ и Татаръ. Упорству, съ какимъ Венеціанцы не переставали вести войну за обладаніе Зарой, онъ противопоставилъ такое же упорство и съ своей стороны. Хотя послѣ троекратной побѣдоносной войны онъ не могъ еще принудить Венеціанскую республику къ исполненію своихъ требованій, дѣйствительно слишкомъ преувеличенныхъ, однако добился того, чтобъ ему платили ежегодную дань и признали Далмацію и Зару принадлежащими Венгріи. Съ Габсбургскимъ домомъ онъ соблюдалъ, подобно отцу своему, образъ дѣйствій дружелюбный, примирительный, но энергически возсталъ противъ пронырливаго императора Карла IV, когда послѣдній оскорбилъ честь его дома. Съ другой стороны онъ не разъ предпринималъ побѣдоносные походы въ земли, прилегающія къ нижнему теченію Дуная, и здѣсь впервые вступилъ во враждебное столкновеніе съ Турками. Съ 1361 г. Турки, предводимые султаномъ Мурадомъ I, утвердили столицу своего государства въ Адріанополѣ и уже обратили вниманіе на земли, расположенныя за сѣверною стороной Балканскаго хребта. Узнавъ о союзѣ, который Жишманъ (Ziszmán), король Болгаровъ, заключилъ съ Турками, Людовикъ Великій счелъ нужнымъ противопоставить оплотъ угрожавшимъ съ этой стороны опасностямъ. Въ

1366 г. двинулся онъ къ крѣпости Виддину, побѣдилъ въ кровопролитномъ сраженіи Жишмана, поддерживаемаго турецкими войсками, и отбросилъ временно Османовъ опять за Балканскій хребетъ. По всему этому можно сказать, что сорокалѣтнее царствованіе Людовика, величіемъ и блескомъ превзошло правленія всѣхъ другихъ Венгерскихъ королей, и что развѣ только въ отношеніи ко внутреннему управленію оно не сравнялось съ управленіемъ Стефана Святаго. Въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ жизни Людовика Великаго предѣлы его соединенныхъ владѣній простирались отъ Балкановъ до береговъ Балтійскаго моря и отъ Чернаго моря до Адріатическаго. На его главѣ были соединены короны венгерская и польская; Далмація снова была имъ покорена; Хорватія, Славонія, Молдавія и Валахія, а также и Болгарія, признавали надъ собою его верховную власть; Сербія и Боснія не могли уклониться отъ его вліянія. Но такому выгодному положенію и вліянію Венгріи среди всѣхъ этихъ странъ не было суждено утвердиться на долго. Не только было невѣроятно, чтобы столь разноплеменные народы, интересы которыхъ во многихъ отношеніяхъ расходились между собою, могли долго ужиться подъ однимъ скипетромъ, да и само положеніе королевской фамиліи повело къ расторженію государства еще скорѣе, нежели можно было ожидать. Людовикъ не имѣлъ сына; но стараясь сохранить цѣлость государства, употребилъ всѣ средства къ тому, чтобы старшая дочь его Марія была объявлена его единственною наслѣдницей. Въ Венгріи его желаніе было охотно исполнено; польскіе чины, повидимому, также согласились на это; но едва скончался король (въ 1382), какъ Польша уже отдѣлилась отъ Венгріи и водворила у себя литовскую династію Ягеллоновъ.

Равнымъ образомъ и въ прочихъ частяхъ Венгерскаго государства смерть великаго короля, котораго высоко чтили всѣ добрые люди и боялись всѣ негодяи, послужила сигналомъ къ анархическимъ движеніямъ. Твартко, Боснійскій банъ, Людовикомъ поставленный и осыпанный почестями, отпалъ отъ Венгріи; Хорватія возстала, и тамошніе старшины пригласили къ себѣ въ короли Карла Неаполитанскаго изъ боковой линіи Анжуйскаго дома. Онъ прибылъ въ Венгрію, не смотря на данное имъ Людовику Великому клятвенное обѣщаніе уважать права его дочери. Судьба жестоко наказала его за такое нарушеніе клятвы. Онъ палъ въ 1386 г. въ королевскомъ дворцѣ отъ убійцъ, наущенныхъ вдовствующею королевой. Но и убійцъ вскорѣ постигла жестокая кара. На двухъ изъ нихъ было сдѣлано внезапное

нападеніе, при которомъ имъ отрубили головы; въ послѣдствіи удавили и королеву-мать, а дочь ея, дочь Людовика Великаго, королеву Марію ввергли въ тюрьму. Послѣ всего этого прибылъ въ Венгрію супругъ Маріи, Сигизмундъ Богемскій, и первою заботой его было освободить королеву, супругу свою. Въ то время Венгріи предстояла необходимость сосредоточить всѣ свои силы и соединить въ одинъ союзъ всѣ народы, жившіе на сѣверѣ отъ Балкановъ, дабы такимъ образомъ противопоставить оплотъ всепоглощавшему разливу Турокъ. Это могъ бы сдѣлать только государь съ твердымъ характеромъ, одаренный высокими умственными и нравственными качествами. Но въ Сигизмундѣ Венгрія получила короля легкомысленнаго, капризнаго, который безпрерывно переходилъ отъ высокомѣрныхъ попытокъ самовластія къ неумѣстной уступчивости, расточалъ общественныя средства, отличался большою, но безплодною дѣятельностью, не умѣя понять, за что̀ ему слѣдовало самому браться, что̀ предоставлять другимъ, и такимъ образомъ онъ вызвалъ всеобщее неудовольствіе. Вмѣсто того, чтобы по примѣру обоихъ великихъ королей Анжуйской династіи, опираясь на туземныя учрежденія, держать бразды правленія съ полною достоинства непреклонностью, онъ истощалъ свои силы въ заявленіи ничтожной суетности и въ мелочныхъ произвольныхъ дѣйствіяхъ, призвалъ въ страну иноземныхъ любимцевъ своихъ, которые неблагоразумными поступками умножили число его враговъ; короче, онъ почиталъ государство только добычею, доставшеюся ему для своекорыстнаго пользованія. Всѣ притязанія Сигизмунда опирались единственно на наслѣдственное право его супруги, и потому по кончинѣ ея, послѣдовавшей 17-го мая 1395 г., образовались партіи, стремившіяся низвергнуть его, и онъ только раздорамъ своихъ противниковъ былъ обязанъ тѣмъ, что удержался на тронѣ. Между тѣмъ султанъ Баязетъ снова распространилъ власть Турціи за Балканскія горы, подчинилъ себѣ Болгарію и Валахію, и придвинулъ безпорядочныя орды своего войска къ предѣламъ Венгріи. Сигизмундъ надѣялся, побѣдивъ Турокъ, возстановить утраченное имъ уваженіе Венгерцевъ; но 28-го сентября 1396 г. потерпѣлъ въ дурно веденной битвѣ при Никополисѣ кровопролитное пораженіе. Съ трудомъ избѣжалъ онъ плѣна, и послѣ шестимѣсячной отлучки возвратился въ Венгрію. Здѣсь онъ снова оскорбилъ общественное мнѣніе вѣроломными жестокостями, уѣхалъ опять на нѣкоторое время въ Чехію; по возвращеніи же оттуда въ 1401 г., былъ арестованъ въ Будинѣ (Офенѣ) и перевезенъ въ Велеградъ, а потомъ въ замокъ Шикло̀шъ. Послѣ осьмнадцатинедѣль-

наго заключенія его освободили, взявъ съ него обѣщаніе управлять впредь на законномъ основаніи. Раскаяніе тяжко униженнаго короля и обѣщаніе, имъ данное, были безъ сомнѣнія искренни; но отъ легкомыслія своего онъ не могъ исправиться, и уже въ 1402 г. заключилъ съ австрійскими герцогами договоръ о наслѣдіи, при которомъ распорядился венгерскою короной, какъ своею собственностью. Этотъ поступокъ снова произвелъ всеобщее броженіе умовъ, тѣмъ болѣе опасное, что именно въ это самое время Владиславъ Неаполитанскій, сынъ умерщвленнаго Карла, до тѣхъ поръ лишь издалека поддерживавшій права, которыя, по его мнѣнію, онъ имѣлъ на венгерскую корону, теперь явился въ Венгрію для личнаго предъявленія этихъ правъ. Только нерѣшительному образу дѣйствій противника и твердому единодушію своихъ приверженцевъ Сигизмундъ былъ обязанъ тѣмъ, что и на сей разъ удержался на тронѣ. Владиславъ уже былъ побѣжденъ, когда Сигизмундъ подоспѣлъ со вспомогательными войсками изъ Чешскихъ земель, снова торжественно обѣщалъ управлять на основаніи законовъ, и потомъ насильственными средствами подавилъ послѣдніе остатки мятежа. Впрочемъ, послѣ этихъ событій произошелъ важный переворотъ въ жизни Сигизмунда, который съ той поры очевидно одумался, перемѣнился и началъ порядочнѣе завѣдывать общественными дѣлами. Правда, въ сущности онъ остался тѣмъ же человѣкомъ, какимъ былъ и прежде, но горькій опытъ научилъ его обуздывать себя. Онъ оказывалъ уваженіе къ конституціи государства, неоднократно созывалъ сеймъ, и совокупно съ нимъ занимался составленіемъ такихъ законовъ, въ какихъ предстояла тогда настоятельная потребность. Онъ не остался равнодушенъ и ко внѣшнему могуществу Венгріи, и несомнѣнно сдѣлалъ бы въ томъ и другомъ направленіи много полезнаго, если бы дѣятельность его не встрѣтила помѣхи въ двухъ обстоятельствахъ. Первое изъ этихъ обстоятельствъ состояло въ пагубномъ вліяніи Штирійскаго дома Цилли, — вліяніи, которое возникло со времени несчастной битвы при Никополисѣ, и которое Сигизмундъ усилилъ еще болѣе, женившись на Варварѣ Цилли, — женщинѣ, опозорившей королевское имя своимъ постыднымъ поведеніемъ и пошлымъ пронырствомъ. Второе обстоятельство заключалось въ его частыхъ отлучкахъ изъ Венгріи, къ которымъ подавали поводъ принятіе имъ императорскаго сана и продолжительная война съ Гусситами. Вотъ почему онъ, хотя начиналъ и многое, но мало доканчивалъ, и такъ продолжалъ до конца своей жизни. При смерти его, послѣдовавшей въ 1437 г., Валахія находилась въ пол-

ной власти султана; Сербія, желавшая подчиниться верховенству Венгріи, не могла исполнить этого намѣренія; Далмація и Зара, послѣ продолжительной и кровопролитной борьбы, опять подпали владычеству Венеціанцевъ.

Періодъ, въ продолженіе котораго въ Венгріи царствовала Анжуйская династія и правилъ король Сигизмундъ, заимствуетъ свою занимательность и поучительность преимущественно изъ того обстоятельства, что именно въ продолженіе этого періода безпрерывно продолжалось развитіе венгерской конституціи. Особенно же сеймы получили въ это время возможность выказать величайшую дѣятельность. Хотя, какъ мы видѣли, Карлъ Робертъ созывалъ вмѣсто большихъ народныхъ сходокъ только собранія нотаблей, однако и это уже доказывало, что въ принципѣ онъ признавалъ народныя собранія законными и уклонялся отъ преданія только относительно ихъ формы. Притомъ въ другихъ отрасляхъ государственной жизни онъ ограничивалъ власть отдѣльныхъ чиновниковъ, распространяя такимъ образомъ вѣрныя понятія объ истинномъ порядкѣ вещей, долженствующемъ существовать въ государствѣ. Съ открытіемъ сейма 1351 г. возобновилась въ Венгріи конституціонная жизнь, и это было со стороны Людовика Великаго столько же признаніемъ истинной потребности государства, сколько и свидѣтельствомъ великодушія, побудившаго его къ этой мѣрѣ. При немъ осуществилась мысль о народномъ представительствѣ, или, по крайней мѣрѣ, о представительствѣ привилегированныхъ сословій населенія, и хотя сеймы при началѣ правленія Сигизмунда не были созываемы, но за то тѣмъ болѣе вліянія имѣли они во второй половинѣ его правленія. Не должно однако полагать, чтобъ ужь въ то время возникли формы, сдѣлавшіяся обычными въ послѣдствіи. Тогда еще не существовало яснаго различія между верхнею и нижнею палатами и не возникала мысль объ установленіи тщательно поддерживаемаго парламентскаго равновѣсія. Такъ какъ вообще средневѣковая жизнь отличалась разрозненностью, предоставляя лишь небольшое значеніе общимъ интересамъ, то и король, смотря по предмету, о которомъ шло дѣло, совѣщался порознь то съ крупными землевладѣльцами, то съ немешами, то съ городами, когда послѣднимъ было дано право представительства. Но главнымъ дѣломъ, краеугольнымъ камнемъ конституціи во весь этотъ періодъ, было постановлено полное преобразованіе военнаго устройства. Старое бурговое, военное устройство не могли возстановить, не смотря на многократныя усилія. Бо́льшая часть бурговыхъ имуществъ съ давнихъ временъ

перешла въ чуждыя руки; да и варкатонаки, ленно обязанные бурговые люди, разсѣялись, присоединясь преимущественно къ немешамъ. И хотя бы и удалось весь этотъ порядокъ возстановить вполнѣ, сообразно буквѣ закона, все-таки не могъ быть возстановленъ духъ воинственнаго товарищества, одушевлявшій тѣ ополченія, которыя нѣкогда являлись по призыву короля, при посредствѣ графовъ или жупановъ. Поэтому надобно было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, къ другимъ пособіямъ. Прежде всего Карлъ Робертъ воспользовался деньгами, которыя вносились въ королевскую казну привилегированными корпораціями, напримѣръ, городскими и монастырскими, для того, чтобы содержать на жалованьи нѣсколько войскъ, состоявшихъ въ полномъ распоряженіи короля. Потомъ онъ весьма справедливо разсудилъ, что такъ какъ вельможи, овладѣвъ прежними бурговыми имуществами, должны были принять на себя и военныя повинности, лежавшія на этихъ имуществахъ, то поэтому рѣшился настоять на исполненіи означенныхъ повинностей. Но хорошо зная народный духъ Мадьяровъ и понимая, что повелительнымъ образомъ дѣйствія ничего отъ нихъ не добьешься, онъ прикрылъ свое намѣреніе улещающими формами. Обильно надѣляя дворянскіе роды гербами, онъ затѣвалъ военныя игры и турниры, въ которыхъ самъ принималъ личное участіе, возбудилъ этимъ въ дворянствѣ честолюбіе и рыцарскій духъ и такимъ образомъ, частымъ товарищескимъ соприкосновеніемъ, приковалъ это дворянство къ своей особѣ. Онъ даже осыпалъ магнатовъ новыми привилегіями, чтобы побудить ихъ къ военной службѣ, и не прежде какъ уже въ то время, когда большинство дворянъ, повидимому, добровольно стало почитать военную службу при королѣ за долгъ чести, началъ принуждать къ этой службѣ немногихъ, еще несоглашавшихся вступать въ нее. Такимъ образомъ Карлъ Робертъ, вводя въ господствующіе нравы народа новыя идеи и формы, положилъ первое основаніе тому, что̀ называлось въ послѣдствіи *бандеріальною* системой, то-есть, тому военному устройству страны, по которому крупные землевладѣльцы имѣли право и вмѣстѣ были обязаны по первому призыву короля присоединяться къ его арміи, во главѣ отрядовъ, болѣе или менѣе многочисленныхъ, сообразно съ обширностью ихъ помѣстій, и подъ собственнымъ знаменемъ (бандеромъ), украшеннымъ ихъ фамильнымъ гербомъ. Наконецъ, Людовикъ Великій сообщилъ этому новому военному устройству окончательную установку. Именно, сообразясь вполнѣ съ тогдашними обстоятельствами, онъ понялъ, что дворянство только въ такомъ случаѣ будетъ въ со-

стояніи во всякое время исполнять свои военныя обязанности, когда будетъ обезпечено въ своемъ владѣльческомъ правѣ. Поэтому, хотя онъ во всемъ остальномъ считалъ Золотую буллу Андрея II основою правъ королевской власти, онъ предложилъ однако сейму 1351 г. измѣнить четвертую статью этой буллы, — статью, въ силу которой каждый немешъ, не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, могъ распорядиться въ завѣщаніи своимъ имуществомъ по собственному произволу. Вмѣсто этой статьи онъ предложилъ установить слѣдующее правило: „Собственность семейства есть только доля общей собственности всего рода; каждый отдѣльный членъ рода можетъ лишь пользоваться этою долею общей родовой собственности, не имѣя ни малѣйшаго права отчуждать какую бы то ни было часть ея". Поэтому было постановлено, чтобы впредь дворяне ни подъ какимъ предлогомъ не пользовались правомъ, которое было имъ даровано упомянутою четвертою статьею Золотой буллы, и что напротивъ „при недостаткѣ прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, они должны передавать свои имущества, законнымъ образомъ, въ полную собственность, просто и безъ всякаго противорѣчія, только своимъ братьямъ, боковымъ родственникамъ и вообще родичамъ (generationes, nemzedékek)". Единственно лишь за недостаткомъ всѣхъ такихъ родственниковъ и родичей имущество должно было переходить въ руки короля, для награжденія какого-либо другаго рода. При этомъ случаѣ Людовикъ Великій ввелъ, конечно, одну изъ формъ леннаго устройства; но о другихъ примѣненіяхъ леннаго права и тутъ не было рѣчи. Это доказывается, какъ справедливо замѣчаетъ Салай, уже тѣмъ обстоятельствомъ, что первоначальныя аллодіальныя помѣстья и позднѣйшія надѣленія землею, дарованныя королями, были неоспоримо соединены въ одну общую связь. Дворянство было обезпечено въ обладаніи своими помѣстьями взаимно обязательнымъ порядкомъ (солидарно), для того, чтобъ оно также солидарно исполняло свои обязательства предъ короною: таковъ простой смыслъ этой новой формы владѣнія, чуждой всѣхъ измѣнчивыхъ и запутанныхъ ленныхъ формъ, усвоенныхъ западными государствами; эту форму въ венгерской конституціи назвали *эшшегъ* или aviticität. При королѣ Сигизмундѣ бандеріальное устройство было пополнено еще другими законами, которые однако не измѣнили ничего въ его основѣ. Только бандеріи магнатовъ еще яснѣе были отличены отъ ополченія низшаго дворянства, или немешеговъ. Отряды магнатовъ вошли въ составъ собственной, въ тѣсномъ

смыслѣ слова, королевской арміи, а ополченіе немешеговъ оставалось для пограничной обороны и было включено въ комитатскіе кадры. Нельзя не признать, что бандеріальное устройство Людовика Великаго носило въ себѣ зародыши сильной олигархіи; но, не смотря на то, суровый отзывъ объ этомъ устройствѣ, высказанный Михаиломъ Горватомъ, не имѣетъ историческаго оправданія. Салай очень вѣрно объяснилъ это устройство несомнѣнными обстоятельствами XIV столѣтія. Онъ доказалъ, что Людовикъ создалъ лучшее изъ всего того, что было возможно сдѣлать при тогдашнихъ ограниченныхъ понятіяхъ и вспомогательныхъ средствахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Салай утверждаетъ, что король предчувствовалъ опасности, которыми государство могло быть угрожаемо со стороны высшаго дворянства, и помышлялъ о мѣрахъ для отвращенія этихъ опасностей. Законъ его обезпечиваетъ крестьянамъ совершенную свободу переселенія. Кромѣ того король развилъ еще и другіе элементы государственной жизни, противоборствующіе олигархическимъ стремленіямъ. При его управленіи началась политическая дѣятельность комитатовъ и городовъ.

По мѣрѣ того какъ упразднялось военное устройство вармегіековъ, должна была развиваться гражданская дѣятельность этихъ округовъ. Къ четыремъ судьямъ, выбиравшимся и прежде изъ среды немешеговъ, Карлъ Робертъ прибавилъ еще восемь другихъ, такъ что послѣ того эти двѣнадцать засѣдателей постоянно наблюдали не только за переѣздными судебными засѣданіями надора, но и за судебною дѣятельностью великихъ жупановъ. Продолжительность правленія Людовика Великаго и непрерывная во все это царствованіе сообразная съ законами дѣятельность всѣхъ властей способствовала непосредственному практическому укорененію этого новаго учрежденія въ народѣ. Притомъ оно согласовалось съ тогдашнимъ положеніемъ общества и не было произвольнымъ, бюрократически навязаннымъ, ни на какой основѣ не зиждущимся вымысломъ. Немешегамъ все еще угрожали посягательства сильныхъ магнатовъ; но въ новомъ учрежденіи, которымъ были замѣнены прежніе непосредственные королевскіе суды, имъ были даны удовлетворительныя средства защищать свои имущества и личную свободу. Поэтому немешеги составляли въ каждомъ комитатѣ замкнутую муниципальную единицу, группировавшуюся около суда, котораго члены были избираемы изъ ея среды, и потому немешеги имѣли въ этомъ судѣ прочное обезпеченіе своего соціальнаго существованія. Правда, кромѣ судовъ вармегіекъ имъ были даны еще

преобразованные Карломъ Робертомъ господскіе суды (sedes domaniales, uriszékek), подобные позднѣйшимъ вотчиннымъ приказамъ, но на нихъ дозволено было жаловаться въ королевскіе суды; уголовныя же преступленія всѣ были предоставлены вѣдѣнію комитатскихъ судовъ, если только не оказывалось къ тому препятствія по причинѣ какихъ-либо особенныхъ привилегій, присвоенныхъ подсудимымъ лицамъ. Всѣ попытки венгерскихъ магнатовъ сдѣлаться формальными территоріальными властелинами, хотя онѣ часто были ими повторяемы, постоянно сокрушались не только о королевскую власть, но и преимущественно о сопротивленіе самихъ комитатовъ, твердо защищавшихъ свои вольности. Поэтому сверхъ вотчинныхъ приказовъ, венгерскіе магнаты никогда не могли ничего добиться. Кромѣ того Людовикъ Великій противопоставилъ имъ еще другой элементъ въ организаціи городовъ. Правда, вольности нѣкоторыхъ городовъ были дарованы имъ гораздо прежде его времени, но до него онѣ все еще подвергались частымъ колебаніямъ. Людовикъ Великій устроилъ цехи, безъ которыхъ въ то время развитіе городовъ было немыслимо, и установилъ въ вольностяхъ городовъ однообразіе, сравнивъ ихъ вообще съ вармегіеками. Населеніе городовъ состояло часто, хотя не исключительно, изъ Нѣмцевъ; были впрочемъ города съ населеніемъ чисто мадьярскимъ, славянскимъ и смѣшаннымъ. Такъ, напримѣръ, Дебречинъ, занимавшій въ послѣдствіи весьма важное положеніе въ развитіи религіозной и ученой жизни, былъ населенъ исключительно и единственно Мадьярами. Эта самостоятельность, пріобрѣтенная городами при Людовикѣ Великомъ, повела въ послѣдствіи, при Сигизмундѣ, къ призыву ихъ депутатовъ на сеймъ 1405 года. Если ко всему этому прибавить еще, что Людовикъ оживилъ и поддерживалъ торговлю, которая повсюду сѣяла и воспитывала зародыши новой образованности, то увидимъ цѣлый рядъ животворныхъ учрежденій, вполнѣ вознаграждавшихъ за преимущества, дарованныя вельможнымъ землевладѣльцамъ. Даже Евреямъ, съ которыми Людовикъ поступалъ суровo и наконецъ совсѣмъ изгналъ ихъ, при Сигизмундѣ, было дозволено возвратиться въ Венгрію. Чего не дозволяло великому королю его христіанское чувство, то сдѣлалъ весьма хладнокровно исполнитель постановленій Констанцскаго собора, усердно ратовавшій противъ гусситской ереси, потому что постоянно нуждаясь въ деньгахъ, онъ не пренебрегалъ брать чистое золото и серебро изъ рукъ и нехристіанскихъ. Кажется даже, что та же нужда въ деньгахъ побудила его хлопотать и о дарованіи привилегій городамъ. Но до этого намъ нѣтъ надобности

доискиваться; въ исторіи мы можемъ и не обращать особеннаго вниманія на тайныя причины, побуждавшія людей дѣйствовать такъ или иначе, если только ихъ дѣйствія способствовали чему-нибудь полезному и хорошему.

Исторія Венгріи со времени изданія Золотой буллы до смерти короля Сигизмунда наполняетъ весь второй томъ Салаева труда. Этотъ томъ отличается образцовымъ изложеніемъ, превосходною группировкой, искуснымъ сопоставленіемъ фактовъ и остроумнымъ разъясненіемъ вопросовъ о правѣ и законодательствѣ; но, не смотря на то, этотъ томъ еще не составляетъ самой удачной части сочиненія. Въ иныхъ мѣстахъ было бы нужно глубже обсудить то или друоге обстоятельство, въ другихъ тщательнѣе связать нити разказа. Обильное содержаніемъ правленіе Людовика Великаго описано съ неумѣстною краткостью. Многіе факты, относящіеся къ дѣламъ внутреннимъ, значатся у автора какъ будто заранѣе извѣстными, и многосторонняя дѣятельность короля относительно иностранныхъ государствъ неудовлетворительно выставлена на видъ. Но въ извиненіе Салая надобно замѣтить, что сообразно первоначальному замыслу его труда, первые томы написанной имъ исторіи должны были служить почти только введеніемъ къ ней, и что онъ предполагалъ болѣе вступать въ подробности и болѣе соблюдать внутреннюю связь разказа, уже приближаясь къ новѣйшимъ временамъ. Слѣдственно, нѣкоторая краткость изложенія въ первыхъ томахъ не уменьшаетъ ихъ достоинства. Все описаніе правленія короля Андрея III, первыя дѣйствія Карла Роберта, прекрасный эпизодъ о Фелиціанѣ Зачѣ (при которомъ авторъ умѣлъ въ прелестное описаніе Вышеграда вплесть драгоцѣнныя для него воспоминанія его молодости), превосходно развитое изложеніе законодательства Людовика, съ физіологическою тонкостію исполненное изображеніе Сигизмунда, могутъ быть причислены къ мастерскимъ произведеніямъ, отличающимся основательными изслѣдованіями, внутреннею истиной и внѣшнимъ искусствомъ. Уже при заключеніи втораго тома Салай приготовляетъ читателя къ періоду Гуніадовъ, отбрасывающему свой блескъ и на предшествующее ему время и на послѣдовавшія за нимъ столѣтія. Третій томъ, вводящій въ этотъ періодъ, доходитъ до битвы при Могачѣ, и не столько отличается новостью изложеннаго въ немъ матеріала, сколько мастерскою обработкой его. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію содержанія этого тома, надо сказать нѣсколько словъ о другомъ сочиненіи, имѣвшемъ существенное вліяніе на эту часть Салаева труда.

7. Дѣятельность Гуніади и его преемниковъ до битвы при Могачѣ. Сочиненіе графа Телеки: „A Hunyadiak kora Magyarországon“.

Именно въ то время, когда Салай занимался составленіемъ третьяго тома своей исторіи, президентъ Венгерской академіи, теперь уже скончавшійся графъ Іосифъ Телеки, оказавшій весьма важныя услуги ученой жизни своего отечества, началъ издавать обширный трудъ *Hunyadiak Kora Magyarországon* (Вѣкъ Гуніадовъ въ Венгріи). Весь этотъ трудъ долженъ былъ состоять изъ двѣнадцати томовъ; первые пять назначались собственно для исторіи, слѣдующіе четыре для изложенія общественнаго, соціальнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія того времени, а въ послѣднихъ трехъ предполагалось помѣстить собраніе важнѣйшихъ документовъ. Къ сожалѣнію, смерть воспрепятствовала графу Телеки докончить свой трудъ. Правда, еще при жизни его и подъ его собственнымъ руководствомъ вышли пять первыхъ томовъ, содержащихъ исторію, а также и три тома съ документами, но шестой томъ пополненъ Карломъ Сабо только по запискамъ, оставшимся послѣ покойнаго графа, а будутъ ли такимъ же образомъ пополнены и изданы три остальные тома, до сихъ поръ еще неизвѣстно. Сочиненіе Телеки проникнуто духомъ исключительно аристократическимъ, но можно прибавить — въ благородномъ значеніи этого слова. Уже по внутренней обработкѣ книги видно, что только человѣкъ знатнаго происхожденія, пользующійся вполнѣ независимымъ положеніемъ въ свѣтѣ, отличающійся тонкимъ и образованнымъ умомъ, могъ цѣлыя десятилѣтія съ любовію посвятить свои досуги одному и тому же предмету, весело и тщательно погружаться во всѣ его развѣтвленія. Вѣкъ Гуніадовъ есть самый блестящій въ исторіи Венгріи. При владычествѣ Анжуйскаго дома внѣшній объемъ королевства былъ гораздо значительнѣе, его могущество встрѣчало менѣе противоборства извнѣ, а внутри его почти совершенно спокойно и безъ шума водворялась новая организація. Но въ XV вѣкѣ повсюду замѣчались порывы къ умственному развитію; мнѣнія Гусситовъ довольно сильно поколебали старыя вѣрованія народныхъ массъ, хотя не потрясли еще зданія церкви; ново-распространившееся знакомство съ классическою литературой породило и въ Венгріи значительное броженіе идей. На предѣлахъ государства появились зловѣщія грозовыя тучи. Между тѣмъ какъ съ запада холодно разчетливый, упорный въ проискахъ Габсбургскій домъ протягивалъ къ Венгріи свои объятія, между тѣмъ какъ съ послѣднихъ дней Сигизмундовой жизни

преступно-злоумышленный домъ Цилли водворялъ смуты во внутреннихъ дѣлахъ Мадьярскаго государства,—съ востока приближалось турецкое могущество, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе неотразимое и сокрушительное. Связи съ землями, прежде подчиненными Венгріи или бывшими съ нею въ союзѣ, начали расторгаться; между національностями, въ продолженіе вѣковъ жившими между собою въ согласіи, завязались раздоры; высшее дворянство, едва утвержденное въ своемъ положеніи конституціонными учрежденіями, почувствовало, что этому положенію угрожаютъ опасности отъ возникшихъ въ обществѣ новыхъ притязаній. Смутное положеніе государства было еще болѣе увеличено усиліями римской куріи, которая избрала Венгрію поприщемъ для противоборства тремъ различнымъ врагамъ своимъ: исламу, еретическимъ ученіямъ, возникшимъ внутри самого католицизма, и соперничеству греческой церкви. Всему этому періоду особенный цвѣтъ и постоянную занимательность сообщаютъ отличающія его рѣзкія противоположности и необузданность страстей, проявлявшіяся на ряду съ благородными и величественными побужденіями, съ величайшими превратностями и трагическими событіями. И на этой-то изрытой почвѣ, происходя отъ скромныхъ потомковъ простой немешегской семьи, родъ Гуніадовъ достигъ до королевскаго сана, и въ продолженіе пятидесятилѣтней дѣятельности успѣшно разрѣшалъ важнѣйшія политическія задачи государства, являясь представителемъ съ одной стороны романтическаго рыцарства, а съ другой — умственнаго развитія новѣйшихъ временъ, передъ самымъ наступленіемъ ихъ. Телеки въ точности понялъ этотъ особенный характеръ своего историческаго замысла, со всѣми его трудностями. Во всемъ его изложеніи господствуетъ горячая непритворная любовь къ отечеству. Безъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ, но съ благороднымъ чувствомъ своего достоинства, описываетъ онъ дѣянія фамилій, отличающихся знатностію рода и высокимъ положеніемъ своимъ въ обществѣ, чего и нельзя ставить въ упрекъ человѣку, между предками котораго было множество людей, оказавшихъ весьма важныя услуги государству; но онъ знаетъ также, что венгерское дворянство, болѣе всякаго другаго опирающееся на народъ, состоитъ въ большихъ обязательствахъ къ этому народу. Съ изумительнымъ терпѣніемъ и прилежаніемъ онъ собралъ изъ современныхъ Гуніадамъ показаній и позднѣйшихъ сообщеній матеріалъ для своего труда и увеличилъ его выписками изъ документовъ, хранящихся въ архивахъ; въ его многочисленныхъ, часто обширныхъ, замѣчаніяхъ приведены съ величайшею полнотою и точ-

ностію извѣстія въ чемъ-либо не сходныя съ тѣми, которыя включены имъ въ его трудъ. Онъ слѣдитъ за важнѣйшими личностями въ ихъ домашнемъ кругу, вводитъ исторію частныхъ семействъ въ картину общественной жизни; подвергаетъ изслѣдованію составъ и собственность комитатовъ; излагаетъ до мельчайшихъ подробностей событія и эпизоды. Книга его есть историческое въ готическомъ вкусѣ зданіе, со множествомъ орнаментовъ, которыхъ многочисленные и разнообразные завитки сливаются съ очеркомъ первоначальнаго плана. Самъ Салай въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія упомянулъ, что онъ высоко цѣнитъ трудъ Телеки.

Періодъ Гуніадовъ начинается царствованіемъ Альбрехта, который былъ избранъ въ короли Венгріи, потому что былъ женатъ на Елизаветѣ, дочери короля Сигизмунда и Варвары Цилли. Это былъ первый венгерскій государь изъ Габсбургскаго дома. Въ продолженіе своего краткаго правленія онъ заслужилъ и въ Венгріи, какъ въ Германіи, славу честнаго человѣка и благоразумнаго государя. Къ сожалѣнію, онъ умеръ уже въ октябрѣ 1439 г., и вокругъ колыбели родившагося у него сына, Владислава, разыгралась сильная борьба партій. Неблагопріятное обстоятельство, что вмѣстѣ съ венгерскою короной Альбрехтъ соединялъ обладаніе Чехіей и герцогствомъ Австріей, повело къ первому изъ тѣхъ международныхъ замѣшательствъ, которыя въ послѣдствіи неоднократно возобновлялись въ венгерской исторіи. Одинъ и тотъ же государь—глава трехъ національностей, исторически и этнографически чуждыхъ другъ другу, и сверхъ того на сей разъ этотъ государь—младенецъ! Какой поводъ къ разнообразнѣйшимъ проискамъ, какой источникъ розни и замѣшательства, какое искушеніе для каждой національности господствовать насчетъ другихъ! Правда, король Альбрехтъ требовалъ, чтобы сынъ его былъ воспитанъ въ Пресбургѣ, и чтобъ изъ всѣхъ коронныхъ земель были выбраны лучшіе люди для составленія регентства на время его несовершеннолѣтія; но австрійскіе чины объявили это распоряженіе не имѣющимъ силы, Богемія дѣйствовала уклончиво, вдовствующая королева Елизавета чванилась исключительно лишь своимъ наслѣдственнымъ правомъ, а отъ того и въ самой Венгріи взяла верхъ противная ей партія. Нашли опаснымъ въ такое время, когда государству угрожали опасности одновременно со стороны Польши и Турціи, ввѣрить судьбу королевства регентству, то-есть, правительству шаткому по самому существу своему, и выбрали въ короли молодаго короля Польскаго Владислава, отличавшагося рыцарскимъ характеромъ. Но въ верхней Венгріи

австрійско-люксембургская партія еще имѣла весьма много приверженцевъ, и поэтому завязалась ожесточенная междуусобная война, въ продолженіе которой Елизавета умерла, передавъ сына своего Владислава его габсбургскому родственнику, своенравному, скаредному и малодушному Фридриху III. Въ это-то время пріобрѣлъ преобладающее вліяніе Іоаннъ Гуніади, и прежде пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ за храбрость въ битвахъ и благоразуміе, какимъ онъ отличался въ совѣтахъ. Во всю жизнь этого великаго человѣка въ душѣ его господствовали двѣ мысли, слившіяся въ одну: всѣми силами поддерживать цѣлость венгерскихъ владѣній и оттѣснить Турокъ за Балканы. Причины, побуждавшія его къ этому, были не вполнѣ политическія: исполненный теплой любви къ своей религіи, онъ хотѣлъ сдѣлать Венгрію оплотомъ христіанства и надѣялся своимъ примѣромъ побудить западныя государства къ тому, чтобъ они соединились съ Венгріей для борьбы противъ турецкаго могущества. Непріязненное противодѣйствіе и козни, къ которымъ прибѣгали близорукіе враги и завистники его, мало ему вредили; передъ величіемъ его благороднаго характера и превосходствомъ ума пали въ прахъ презрѣнные происки Цилли, двуличный образъ дѣйствія Гедервари, скрытное честолюбіе Владислава Гара и всѣмъ оскорблявшаяся суетность Уйлаки. Гуніади остался прославляемымъ героемъ, представителемъ немешеговъ, и продолжалъ пользоваться всеобщимъ довѣріемъ народа. Еще во время междуусобной войны онъ одержалъ блистательныя побѣды въ битвахъ при Себенѣ, Вашкапу и на Балканѣ, и занимался приготовленіями къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Рядъ его побѣдъ былъ прерванъ кровопролитнымъ пораженіемъ, которое нанесъ венгерской арміи Мурадъ II подъ Варною въ 1444 г. Въ этомъ сраженіи король Владиславъ, предавшись юношескому порыву отваги, вовлекъ свое войско въ гибель и самъ былъ убитъ. Тотчасъ послѣ битвы, Гуніади поспѣшилъ обратно въ Венгрію, чтобы содѣйствовать избранію въ короли четырехлѣтняго Владислава; при этомъ онъ имѣлъ въ виду болѣе всего установить въ государствѣ согласіе. Такъ какъ отсутствіе малолѣтняго короля все еще продолжалось, то Гуніади былъ выбранъ въ правители (kormányzó) государства, и опять занялся приготовленіями къ новому большому походу противъ Турокъ, направленному на главное гнѣздилище ихъ могущества; онъ проникъ, во главѣ превосходно снаряженной арміи, до вершинъ Балкана, но обманутый не сдержанными обѣщаніями Георга Кастріота, повернулъ къ гребню высокаго Чардага и при такъ-называемомъ Косовомъ полѣ, гдѣ за восемьдесятъ лѣтъ предъ

тѣмъ были разбиты Сербы, снова потерпѣлъ въ 1448 году отъ Мурада II еще болѣе сильное пораженіе, надолго сокрушившее военныя средства Венгріи. Вліяніе Гуніади не поколебалось, не смотря на то, что врагамъ его представился теперь удобный случай вредить ему и что затрудненія, съ которыми онъ долженъ былъ бороться, увеличились. Постоянно имѣя въ виду великую цѣль свою, онъ добровольно сложилъ съ себя свою должность и всѣми силами содѣйствовалъ торжественному возведенію на престолъ двѣнадцатилѣтняго короля. Наконецъ, когда король прибылъ въ Венгрію, Гуніади снова сдѣлался оберегателемъ юго-восточной границы своего отечества. Въ 1456 году предпринялъ онъ свой послѣдній, обильный подвигами походъ противъ Турокъ, освободилъ отъ осады Бѣлградъ, храбро защищаемый Іоанномъ Капистраномъ, и вскорѣ потомъ умеръ. Обозрѣвая болѣе чѣмъ двадцатилѣтнюю дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка, можно подумать, что онъ вовлекался въ предпріятія, превышавшія его силы: дальній походъ къ Варнѣ, при которомъ Венгерцы слишкомъ далеко уклонились отъ своего пути отступленія, и позднѣйшее движеніе его съ Балкана къ Косову полю остаются событіями почти загадочными. Но въ дѣйствительности оба эти предпріятія были хорошо обдуманы и могли увѣнчаться успѣхомъ, еслибъ осуществились всѣ предположенія, на которыя Гуніади былъ въ правѣ опираться; но при Варнѣ венеціанскій флотъ, а при Косовомъ полѣ Георгъ Кастріотъ не оказали ему обѣщанной ими помощи. Мѣры, имъ принятыя, были цѣлесообразны и превосходны; но онъ ошибался въ степени надежности союзниковъ, на помощь которыхъ считалъ возможнымъ разчитывать, и болѣе всего ошибался относительно положенія европейскихъ государствъ, которое было таково, что означенныя государства никакъ не могли содѣйствовать ему въ его предпріятіи. Онъ предчувствовалъ несчастія, какія со стороны Турецкаго государства готовились его отечеству; но судьбѣ было угодно, чтобы своими энергическими дѣйствіями онъ только ускорилъ совершеніе того, чему усиливался воспрепятствовать.

По смерти Іоанна Гуніади, ненависть враговъ къ его семейству и ихъ жажда мести обнаружились во всей наготѣ; дворъ дурно воспитаннаго и дурно направленнаго Владислава сдѣлался поприщемъ ужаснѣйшихъ явленій. Ульрихъ Цилли задумалъ адское предпріятіе избить всѣхъ членовъ семейства Гуніади, и изъ нихъ прежде всѣхъ Владислава, старшаго сына Іоанна Гуніади; за это, во время пребыванія короля въ Бѣлградѣ, Цилли погибъ подъ ударами привержен-

цевъ семейства Гуніади. Тѣмъ не менѣе смерть его только вызвала месть, и Владиславъ Гуніади былъ казненъ въ Будѣ (Офенѣ). Общественное мнѣніе видѣло въ немъ мученика и высказалось вполнѣ за Гуніадовъ. Въ виду всеобщаго негодованія, злополучный король-юноша, не полагаясь на собственныя силы и не довѣряя никому, бѣжалъ сперва въ Вѣну, а потомъ въ Прагу, гдѣ и умеръ 23-го ноября 1457 года. Тотчасъ по полученіи объ этомъ извѣстія, въ Пештѣ собрали сеймъ для избранія новаго короля. Еще разъ вельможи пытались интриговать противъ Гуніадовъ, но дѣло рѣшила уже сама нація. Досадуя на медлительность сейма, народъ и армія предупредили его рѣшеніе, провозгласивъ 23-го января 1458 года королемъ молодаго Матвѣя Гуніади, втораго Іоаннова сына, и магнаты, чувствуя себя не въ состояніи противиться этому заявленію народной воли, уступили. Матвѣй Гуніади, еще въ дѣтствѣ явившій доказательства необыкновеннаго умственнаго развитія и въ это время имѣвшій не болѣе пятнадцати лѣтъ отъ роду, вскорѣ обнаружилъ проницательность и твердую волю мужа, вполнѣ созрѣвшаго. Дабы получить понятіе о его высокихъ умственныхъ качествахъ, достаточно будетъ только исчислить дѣянія, которыми онъ собщилъ изумительное развитіе Венгріи. Не медля ни мало, онъ положилъ основаніе новому устройству финансовъ, быстро и успѣшно смирилъ возстаніе Искры въ верхней Венгріи, равно какъ происки Гара и Уйлаки, которые, изъ ненависти къ Гуніадамъ, поддерживали странныя, но упорно предъявляемыя притязанія Фридриха III на тронъ Венгріи; искусно и съ твердостью высвободилъ себя изъ-подъ опеки назначеннаго сеймомъ регента Михаила Силаги и побѣдоносно отразилъ неоднократныя нападенія Турокъ, проникавшихъ черезъ Сербію и Боснію. Онъ успѣлъ даже, хотя и не безъ значительныхъ уступокъ, возвратить въ Венгрію венгерскую королевскую корону, попавшую еще до него въ руки Фридриха III, послѣ чего, при большомъ стеченіи народа, въ Вербное Воскресенье 1464 года, онъ торжественно короновался въ Секешфейерварѣ. Только послѣ этого формальнаго подтвержденія власти, фактически уже имъ пріобрѣтенной, могъ Матвѣй Гуніади совершенно свободно приступить къ законодательнымъ постановленіямъ, которыя считалъ необходимыми для исполненія своихъ плановъ. Прежде всего, посредствомъ строгаго правосудія, особенно же покровительствуя бѣднѣйшимъ дворянамъ и крестьянамъ, онъ старался обезпечить своему управленію прочную популярность, и дѣйствительно, за исключеніемъ рѣдкихъ вспышекъ гнѣва, въ ко-

торыя вовлекалъ его пылкій темпераментъ, онъ никогда не измѣнялъ добрымъ своимъ намѣреніямъ. Затѣмъ главное вниманіе свое обратилъ онъ на устройство постоянной, всегда готовой къ бою арміи, и такъ какъ этого нельзя было достигнуть безъ новыхъ финансовыхъ средствъ, то онъ обратилъ всю свою дѣятельность въ эту сторону. Въ его рукѣ механизмъ Венгерскаго государства пріобрѣлъ невѣдомую до тѣхъ поръ силу и подвижность, и дѣйствительно, при немъ все такъ было хорошо устроено, что не только онъ могъ быстро принимать мѣры противъ внутреннихъ волненій, но и во внѣшнихъ дѣлахъ дѣйствовать вліятельно и даже повелительно. Особенно важенъ былъ въ этомъ отношеніи знаменитый сеймъ 1467 года, собравшійся въ Будѣ: законы, которые Матвѣй провелъ на этомъ сеймѣ, изложены Салаемъ въ ясномъ обозрѣніи, а Телеки подробно обсудилъ тайные и явные поводы къ этимъ законамъ. Изъ нихъ мы видимъ, какъ ясно Матвѣй Гуніадъ понималъ, что податная сила государства можетъ быть возвышена лишь въ той мѣрѣ, въ какой возвышается его сельско-хозяйственная и промышленная производительность. Принятыя имъ сообразно съ этою истиной мѣры развили благосостояніе края и вмѣстѣ съ тѣмъ обогатили казну. Тогда королю можно уже было позаботиться объ устройствѣ и увеличеніи той превосходной пѣхоты, которой основаніе онъ положилъ еще въ первыхъ войнахъ съ Турками и которая такъ прославилась подъ именемъ *чернаго легіона*. Твердое внутреннее управленіе Матвѣя Гуніади внушило къ нему большое уваженіе и внѣ Венгріи, такъ что въ дѣлахъ сосѣдственныхъ съ нею государствъ ничто безъ его содѣйствя не могло обойдтись. Удерживая въ надлежащихъ предѣлахъ турецкое могущество, онъ ни на минуту не выпускалъ изъ вида австрійскія и чешскія дѣла. Доказательствомъ его умственнаго превосходства предъ современными ему правителями служитъ то, что уже въ то время онъ умѣлъ черезъ тайныхъ подосланцевъ и офиціальныхъ посланниковъ собирать подробныя и точныя свѣдѣнія о положеніи европейскихъ государствъ и ихъ дворовъ и успѣхами своими столько же былъ обязанъ дипломатическимъ дѣйствіямъ, сколько войнѣ и битвамъ. Армія, съ которою онъ поступалъ истинно отечески, служила ему преимущественно для поддержанія переговоровъ и для сообщенія его требованіямъ и доводамъ болѣе вѣса, и онъ въ то время, когда переговоры уже оказывались безплодными, прибѣгалъ къ силѣ, выждавъ благопріятной для того минуты. Странное сцѣпленіе различныхъ обстоятельствъ доставило ему притязанія на Чешское королевство, и онъ долго поддержи-

валъ эти притязанія противъ Юрія Подѣбрадскаго, а послѣ его смерти противъ Польскаго короля и тайныхъ происковъ Фридриха III. Очень понятно, что послѣднему было не по сердцу внезапное усиленіе государства, которое онъ считалъ уже своею вѣрною добычей, и что ему, какъ Германскому императору и какъ Австрійскому эрцгерцогу, новый сосѣдъ былъ непріятенъ; но Матвѣй Гуніади шелъ къ своей цѣли съ безцеремонною прямотой геніальнаго человѣка, а Фридрихъ прибѣгалъ къ уверткамъ и къ гнуснымъ мелочнымъ средствамъ; Гуніади дѣйствовалъ съ быстротою молніи, Фридрихъ мѣшкалъ, скряжничалъ и пропускалъ время, удобное для дѣйствія. Въ войнѣ 1477 г., вспыхнувшей одновременно съ походомъ Венгерцевъ въ Чехію, Гуніади быстро двинулся къ самой Вѣнѣ, а Фридрихъ поспѣшно бѣжалъ въ Линцъ. Здѣсь онъ былъ вынужденъ къ мирному договору, вслѣдствіе котораго лишился всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ за выдачу венгерской короны, да сверхъ того долженъ былъ согласиться и на другія неблагопріятныя условія, которыхъ однако заранѣе предполагалъ не исполнять. Именно онъ, между прочимъ, обязался выплатить значительную сумму денегъ, а это было ему всего непріятнѣе. Тогда Мадьярскому королю удалось вдругъ разъединить всѣхъ враговъ своихъ; въ 1478 году Польскій король былъ вынужденъ къ Ольмюцкому миру, по которому Гуніади были уступлены Моравія и Силезія, а также Лужицы съ шестью городами. Въ слѣдующемъ 1479 г. Стефанъ Баторій и Павелъ Киниси одержали большую побѣду надъ Турками при Кеніермецё (въ Трансильваніи), и такъ какъ послѣ того юго-восточная граница Венгріи на долгое время была обезпечена, то Матвѣй Гуніади тѣмъ безпрепятственнѣе могъ обратить все свое вниманіе на западную границу. Фридрихъ постоянно старался уклониться отъ исполненія принятыхъ имъ на себя по послѣднему миру обязательствъ, особенно же уплату денегъ онъ все болѣе и болѣе откладывалъ вдаль; а потому Матвѣй прибѣгнулъ наконецъ къ силѣ. Онъ двинулъ свою армію, овладѣлъ послѣ шестимѣсячной осады Вѣною и въ залогъ исполненія мирнаго трактата занялъ эрцгерцогство Австрію. Тогда онъ стоялъ на высотѣ могущества; но въ то же время не безъ смущенія взиралъ на будущность. У него не было прямыхъ наслѣдниковъ; онъ пытался, на случай смерти своей, обезпечить престолонаслѣдіе за внѣбрачнымъ сыномъ своимъ Іоанномъ Гуніади; но это намѣреніе встрѣтило множество затрудненій, возбудило неудовольствіе и козни въ его собственномъ семействѣ. Сверхъ того король давно былъ нездоровъ, и 5-го апрѣля 1490 г. умеръ на 47-мъ году своей жизни,

не успѣвъ еще прочно утвердить введенное имъ устройство государства.

Формы общественной жизни не потерпѣли при Матвѣѣ Гуніади никакой существенной перемѣны; но нѣкоторыя изъ нихъ были опредѣленнѣе развиты и всѣ получили другой смыслъ и новое направленіе. Съ особенною тщательностью соблюдалъ онъ всѣ конституціонные обычаи и почти ежегодно созывалъ сеймъ; но тѣмъ не менѣе во все его тридцати-двухлѣтнее царствованіе силу имѣла только его воля. Тайна этого явленія заключалась въ могуществѣ и обаяніи его личности: народъ и войско питали къ нему такую любовь, что противъ него не смѣли сказать ни слова и самые ожесточенные враги его. Сначала онъ призывалъ въ государственное собраніе, кромѣ вельможъ, и всѣхъ немешеговъ; но въ послѣдствіи предписалъ высылать изъ каждаго комитата лишь опредѣленное число депутатовъ. Это не былъ съ его стороны произвольный поступокъ, такъ какъ и при такомъ ограниченномъ числѣ членовъ частый съѣздъ государственнаго собранія былъ тягостнымъ бременемъ для депутатовъ и такіе причинялъ имъ убытки, что иногда при закрытіи засѣданій они требовали, чтобы въ слѣдующіе два года сеймъ не былъ вновь созываемъ. Увеличившееся накопленіе дѣлъ, возраставшія потребности государства, усиленное развитіе общественныхъ отношеній уже сами собою вели къ представительному устройству, а многосторонняя дѣятельность короля еще ускорила водвореніе этого устройства. Главное средоточіе всѣхъ законодательныхъ мѣропріятій составляли финансы, и на этомъ поприщѣ Матвѣй Гуніади дѣйствовалъ рѣшительно творчески. Такъ какъ коронные доходы, вслѣдствіе многочисленныхъ изъятій и привилегій, сдѣлались чрезвычайно недостаточны, то онъ отмѣнилъ ихъ по крайней мѣрѣ по названію, и ввелъ такъ-называемую фискальную подать, которая въ сущности хотя и была то же самое, но представляла ту выгоду, что при ней не допускались прежнія освобожденія отъ взноса ея. Къ этому присоединилось еще преобразованіе *гарминчада* (торговаго налога), ибо доходы, имъ доставляемые, по тѣмъ же причинамъ, уменьшились до весьма незначительной суммы. Этому налогу было дано новое названіе *коронной таможенной пошлины*, которая взималась въ особо указанныхъ таможенныхъ мѣстахъ со всѣхъ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ, а также съ лошадей и рогатаго скота. Понизивъ значительно цифру этой пошлины и водворивъ въ ней единство управленія, онъ уменьшилъ расходы по управленію и увеличилъ чистый доходъ, доставляемый пошлиною. Но такъ

какъ во вниманіи къ существующимъ военнымъ учрежденіямъ, дворянство было освобождено отъ обѣихъ упомянутыхъ податей, то Матвѣй искалъ средствъ другимъ путемъ привлечь дворянство къ уплатѣ податей. Почти на каждомъ сеймѣ онъ побуждалъ къ значительнымъ денежнымъ пожертвованіямъ тѣ сословія, которыя были обязаны нести военную повинность, освобождая ихъ за то отъ доставленія солдатъ. Это состояло въ связи съ планомъ, который онъ постоянно имѣлъ въ виду, устроить армію, подчиненную исключительно только одному королю. И онъ успѣлъ сформировать готовую во всякое время къ бою армію, какой Венгрія до него никогда еще не имѣла. Разные роды оружія были отдѣлены одинъ отъ другаго, и люди были тщательно упражняемы въ тактическихъ движеніяхъ по римскимъ образцамъ. Пѣхота его, которой пятая доля состояла изъ привычныхъ стрѣлковъ, и была извѣстна подъ именемъ *чернаго легіона*, принадлежала къ лучшимъ въ то время войскамъ этого рода. Она наводила ужасъ на непріятелей, и ей онъ былъ обязанъ большею частью своихъ побѣдъ. Изъ школы Матвѣя Гуніади вышли отличные военачальники, привыкшіе къ его способу вести войну, къ обычной ему быстротѣ движеній и бережливому употребленію военныхъ силъ. Какъ по военному вѣдомству, такъ и по гражданскому управленію, онъ умѣлъ выбирать наиболѣе способныхъ людей, и при немъ отличились своими дарованіями и опытностію помощники и совѣтники его Михаилъ Орсагъ и Андрей Драгфи. Посредничествующее положеніе комитатовъ было практически усилено тѣмъ, что на нихъ возложили административныя дѣла и отчасти попеченіе о правосудіи. На ряду съ этою многостороннею дѣятельностью великаго короля, слѣдуетъ, къ сожалѣнію, упомянуть и о нѣкоторыхъ слабостяхъ, омрачавшихъ его превосходное правленіе. Чрезмѣрное пристрастіе къ великолѣпію и любовь къ славѣ часто увлекали его слишкомъ далеко; и хотя отличаясь необыкновенною прозорливостью, онъ умѣлъ безпристрастно оцѣнивать умственное и нравственное достоинство людей, но не былъ совершенно чуждъ мелочной суетности, которая дѣлала его доступнымъ ласкательству, и потому иногда онъ обманывался въ надежности тѣхъ, которые умѣли вкрасться въ его благорасположеніе. Но это были только минуты неосмотрительности великаго человѣка, который своею образованностью, особенно же своею способностью вникать во всѣ идеальныя стороны жизни, далеко превышалъ всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ собралъ при своемъ дворѣ въ Будинѣ отличнѣйшихъ иностранныхъ ученыхъ и художниковъ, бесѣдовалъ съ

образованными Италіанцами: Бонфини, Анджело Полиціано, Марсильо Фичини, Франческо Бандини и другими, о предметахъ, относящихся къ древности; желалъ, чтобъ эти люди распространили въ его народѣ классическую литературу и образованность; а это доказываетъ не только высокое умственное развитіе самого короля, но и его увѣренность въ способности мадьярскаго народа сдѣлаться образованнымъ народомъ. Тѣ нѣмецкіе писатели, которые, подобно Шпиттлеру и Энгелю, ставятъ въ упрекъ Матвѣю Гуніади именно любовь къ древней наукѣ, только доказываютъ этимъ, что они совершенно незнакомы съ тогдашнимъ положеніемъ Венгерскаго государства. Салай и здѣсь неоспоримо становится на истинную точку зрѣнія, утверждая, что для венгерскихъ народовъ ближайшею потребностью была не замкнутая въ самой себѣ національность, но универсальная образованность, и что лишь при ея помощи эти народы могли сохранить свое политическое положеніе. „Эта внутренняя сила", такъ заканчиваетъ Салай свои замѣчанія, „это умственное превосходство ставили мадьярскому народу въ обязанность сдѣлаться ядромъ и средоточіемъ, вокругъ котораго должны были собраться многоразличныя національности, около него обитавшія, собраться не для того, чтобъ уничтожиться, но чтобы получить отъ него политическое воспитаніе. Это послужило постепенно и въ пользу его языку, и доставило послѣднему долгое господство въ бассейнѣ четырехъ рѣкъ (Дуная, Тиссы, Дравы и Савы). Возвышеніемъ націи на такую степень превосходства, на какую возвелъ ее Матвѣй Гуніади, Венгерцы едва-ли обязаны еще двумъ или тремъ изъ своихъ королей, и никто изъ нихъ не содѣйствовалъ такъ много, какъ онъ, самосознанію націи".

Этотъ приговоръ историка касается только внутренняго развитія и умственной образованности венгерскаго народа, нисколько не относясь къ вопросамъ его внѣшняго могущества, такъ какъ положеніе основаннаго Матвѣемъ государства, по собственному сознанію Салая, было до чрезвычайности ненадежное. На востокѣ Турецкая имперія разросталась все болѣе и болѣе и сдѣлалась опасною для Венгерскаго государства, особенно послѣ того, какъ овладѣвъ Константинополемъ, Турки пріобрѣли несокрушимый опорный пунктъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Магометъ II далъ ей весьма крѣпкую организацію. На западѣ перевѣсъ былъ, правда, постоянно на сторонѣ Гуніади: тогдашніе австрійскіе государи, не смотря на императорскій санъ, которымъ они величались, не могли противостоять Венгріи. Ничтожная личность Фридриха III сжалась передъ геніаль-

нымъ Гуніади въ микроскопическую фигурку; но тѣмъ не менѣе Фридрихъ обладалъ свойствомъ, въ которомъ, какъ Салай охотно сознается, Мадьяры часто терпѣли недостатокъ, именно непоколебимою, доходившею почти до упрямства, терпѣливостію и неуступчивостію. Матвѣй не помышлялъ въ самомъ дѣлѣ овладѣть австрійскою землею; онъ хотѣлъ только вынудить Фридриха III къ исполненію условій заключеннаго съ нимъ мирнаго договора; но Фридрихъ, находясь и въ Линцѣ и за предѣлами Австріи, ни на что не соглашался, а когда наконецъ пришлось возобновить переговоры, Матвѣй умеръ. Равнымъ образомъ и въ Далматскомъ краѣ, за обладаніе которымъ Мадьяры такъ часто и такъ упорно сражались, господство ихъ не было прочно утверждено: важнѣйшіе пункты этой страны все еще были въ рукахъ Венеціанцевъ. Притомъ и новое внутреннее устройство, водворенное Матвѣемъ, не успѣло закрѣпиться, и на закрѣпленіе его была бы нужна еще жизнь цѣлаго поколѣнія. Да и сдѣлать это могъ бы только третій Гуніади, который соединялъ бы въ себѣ великія качества обоихъ предшественниковъ своихъ и тотчасъ послѣ него взялъ бы въ свои руки кормило государственнаго правленія. Геніальному человѣку Мадьяры подъ конецъ покорились бы; но они не могли покориться человѣку посредственному, какимъ былъ молодой Іоаннъ Корвинъ. Сверхъ того дворянство венгерское инстинктивно чувствовало, что естественнымъ слѣдствіемъ правительственной системы Матвѣя, рано или поздно, было бы водвореніе неограниченной королевской власти. Всѣ эти явныя и тайныя побужденія вызвали всеобщее броженіе умовъ, которому придали обильную пищу раздоры въ королевской семьѣ, и на ряду съ честными заботами о благѣ общемъ начали проявляться неразумныя дѣйствія, злоба за личныя оскорбленія, чувство зависти къ людямъ болѣе умнымъ и своекорыстныя стремленія. Противъ довольно сильной партіи Іоанна Корвина возстала другая партія, объявившая себя въ пользу Польскаго короля Владислава; третья менѣе значительная партія предложила младшаго Владиславова брата, принца Іоанна Альберта Польскаго, четвертая наконецъ Максимиліана Австрійскаго. Послѣ ссоръ, продолжавшихся полгода, былъ наконецъ осенью 1490 г. избранъ и коронованъ Владиславъ; но прошелъ еще цѣлый годъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ устранить всѣхъ своихъ соперниковъ, частію силою оружія, частію посредствомъ договоровъ, по отношенію къ которымъ онъ оказалъ столько же недальновидности, сколько и по отношенію къ сейму 1492 г., которому безпрепятственно дозволилъ отмѣнить многіе законы Матвѣя Гуніади. Самый способъ выбора этого

короля уже былъ сопряженъ съ ослабленіемъ королевской власти, а чрезъ нѣсколько лѣтъ были уничтожены и всѣ учрежденія, которыми великій предшественникъ его старался укрѣпить и упрочить эту власть.

Реакція стремилась еще далѣе распространить свою побѣду; но по счастію для Венгріи магнаты перессорились между собой, и такимъ образомъ потеряли изъ виду общую цѣль. Внутреннее и внѣшнее безсиліе короля, происки его канцлера Бакача и обоихъ Заполіевъ, сперва Стефана, а потомъ сына его Іоанна, почти явно стремившихся овладѣть трономъ, лишали силы всѣ мѣры правительства, мѣшали производству государственныхъ дѣлъ, а потому немешеги успѣли образумиться, собраться съ духомъ, и соединившись въ дружную фалангу, воспротивились всякому посягательству на свои привилегіи. Уже сеймъ 1498 года опредѣлилъ еще точнѣе прежняго и прочнѣе закрѣпилъ права комитатовъ, которые такимъ образомъ сдѣлались оплотомъ общественныхъ вольностей. Водворенныя Матвѣемъ на этой почвѣ учрежденія оказались несокрушимыми, и даже постановленное тѣмъ же сеймомъ рѣшеніе изложить письменно законы, имѣющіе силу въ Венгріи, можетъ быть почитаемо слѣдствіемъ умственной жизни, возбужденной въ народѣ Матвѣемъ. Въ знаменитомъ протонотаріусѣ Стефанѣ Вербёчи низшее дворянство пріобрѣло представителя, который старался защитить дѣло этого сословія преимущественно силою законовъ и оружіемъ ума и науки. Ему въ 1507 году король поручилъ составить книгу венгерскихъ законовъ, которая подъ названіемъ „Opus tripartitum“ пріобрѣла весьма большое значеніе, имѣла во всякомъ случаѣ чрезвычайно важное вліяніе на Венгрію и сохранила свою силу до XIX вѣка. Она была не безъ суровыхъ постановленій; но это зависѣло не столько отъ общаго характера того времени и его реакціоннаго направленія, сколько отъ вліянія тогдашнихъ событій, исключительно происходившихъ въ венгерскомъ краѣ. Въ 1514 году, еще прежде чѣмъ было кончено составленіе „Hármasköniv“, редакціей котораго Вербёчи занимался семь лѣтъ, вспыхнула ужасная крестьянская война, которая подъ предводительствомъ Дожа пріобрѣла съ самаго начала обширное развитіе, угрожала гибелью имуществу и жизни магнатовъ, разореніемъ немешей и городовъ и была усмирена Іоанномъ Заполи только при помощи страшнаго кровопролитія и ужаснѣйшихъ жестокостей. Надъ трупами избитыхъ крестьянъ враждовавшія партіи протянули временно другъ другу руки и сообща приступили къ необходимымъ мѣрамъ для того,

чтобы сдѣлать невозможнымъ возобновленіе подобныхъ событій. У крестьянъ отняли столь часто подтверждаемое за ними право свободнаго переселенія, они были прикрѣплены къ землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обязаны къ недѣльной барщинѣ (robot) въ пользу своихъ господъ, и чрезъ Hármasköniv внесены были эти постановленія въ венгерскія законодательныя таблицы. Никто въ наше время не одобритъ этихъ постановленій, суровыхъ и безчеловѣчныхъ; но историкъ не можетъ не признать, что они объясняются многими обстоятельствами того времени, что посредствомъ ихъ было успокоено тогдашнее тревожное положеніе Венгріи, и что другими средствами достигнуть успокоенія, составлявшаго крайнюю общественную потребность, не оказывалось никакой возможности. Равнымъ образомъ крестьянская война и въ Германіи, вспыхнувшая лѣтъ черезъ десять послѣ венгерской, повергла нѣмецкихъ поселянъ въ болѣе тяжкую, чѣмъ прежде, зависимость. Въ то время свободное развитіе сельскаго класса не могло еще имѣть мѣста, потому что составныя части общества были еще слишкомъ сильно разрознены другъ отъ друга, денегъ въ обращеніи было очень мало, примѣненіе кредита было почти неизвѣстно. Вообще о *Гармашкёниви* надобно судить не по отдѣльнымъ его постановленіямъ, но по тѣмъ дѣйствіямъ, какія онъ имѣлъ вообще какъ связная книга законовъ. Съ одной стороны, онъ точно опредѣлилъ положеніе крестьянъ согласно съ заранѣе предположенною цѣлью и установилъ владѣніе собственностью на прочномъ основаніи, съ другой же обезпечилъ привилегіи и вольности немешей и ихъ положеніе въ комитатѣ. Этотъ сводъ законовъ существенно содѣйствовалъ скрѣпленію Венгерскаго государства и развитію мадьярской національности; онъ установилъ связь между общественными сословіями, и безъ этой поддержки Венгрія едва-ли была бы въ состояніи пережить сокрушительные удары турецкаго владычества. Грохотъ подходившей бури раздавался все ближе и ближе. Владиславу въ 1516 году наслѣдовалъ его десятилѣтній сынъ Людовикъ II, и вмѣстѣ съ тѣмъ устроилось регентство, котораго управленіе безпрерывно было тревожимо съ одной стороны честолюбивыми происками Заполи, а съ другой своекорыстнымъ вмѣшательствомъ Максимиліана. Почти всегда вредоносныя ссоры партій предшествуютъ нашествію внѣшнихъ враговъ и гибели государствъ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Въ то время какъ Солиманъ II уже стоялъ у предѣловъ Венгріи, его несвоевременно оскорбили, а готовиться къ войнѣ стали въ то уже время, когда было поздно. Въ битвѣ при Могачѣ, происходившей 29-го

августа 1526 г., погибъ молодой король со всею венгерскою арміей, и Турки вслѣдъ за нею вступили въ Буду (Офенъ). Ужасна была эта историческая катастрофа. Теперь только поняли все величіе короля Матвѣя, теперь только почувствовали важность того, что́ онъ создалъ нѣкогда и что́ было послѣ него утрачено. Чѣмъ болѣе проходило времени послѣ его кончины, тѣмъ колоссальнѣе выступала его величественная фигура, являя собою образецъ превосходнѣйшаго изъ венгерскихъ государей.

Судьбы Венгріи какъ будто надломились и готовились обратиться вспять. Выйдя изъ азіатской тьмы, благодаря усиліямъ многихъ поколѣній, объединивъ свои народы посредствомъ общаго политическаго языка—латинскаго, Венгрія въ половинѣ XVI вѣка очутилась лицомъ къ лицу съ новымъ азіатскимъ игомъ — турецкимъ.

ГЛАВА IV.

Послѣдніе годы Владислава Салая и окончаніе его исторіи Венгріи.

Чѣмъ далѣе впередъ подвигалась историческая работа Салая, чѣмъ болѣе увеличивалось число писемъ, доходившихъ до него съ родины и сообщавшихъ ему о благопріятномъ пріемѣ, которымъ повсемѣстно встрѣчены были первые томы его сочиненія, тѣмъ сильнѣе увлекался Салай изученіемъ дальнѣйшихъ эпохъ. Но съ каждымъ томомъ работа становилась все труднѣе и обширнѣе, а самое сочиненіе лучше. Въ 1853 г. вышелъ уже третій томъ „Мадьярской Исторіи", написанной Салаемъ. Самъ онъ смотрѣлъ на свою задачу очень строго и никогда не думалъ, что разрѣшилъ ее окончательно. Уже въ предисловіи къ первому тому онъ говоритъ: „Пусть каждый обвиняетъ самого себя, если онъ ошибется, ожидая отъ меня художественнаго изложенія событій, совершенно освобожденнаго отъ пеленокъ историческаго изслѣдованія. Я не думаю, что уже настало время, когда возможно обогатить нашу литературу сочиненіемъ, соотвѣтствующимъ такому идеалу: матеріалы, изъ которыхъ должно быть создано подобное сочиненіе, отчасти скрываются еще въ глубокихъ шахтахъ, куда надо безпрестанно спускаться, чтобъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, занимающійся попеременно долженъ быть то чернорабочимъ, то художникомъ, пока принципъ раздѣленія труда не будетъ вполнѣ примѣненъ и въ этомъ случаѣ". Не смотря на это признаніе, текстъ Салаева сочиненія отличался сильнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ округленнымъ изложеніемъ; паралельно съ этимъ текстомъ шелъ рядъ замѣтокъ, въ которыхъ помѣщались указанія на источники и разборъ спорныхъ вопросовъ: въ текстѣ видѣнъ былъ историческій писатель, въ замѣткахъ — истори-

ческій изслѣдователь. Салай не отказывался отъ торжественнаго, увлекательнаго слога, но употреблялъ его лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда совершенно былъ увѣренъ въ справедливости того, что̀ говорилъ. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія онъ прямо высказываетъ это правило: „Изъ ошибокъ такихъ значительныхъ историковъ, какъ Шварднеръ, Энгель, Фесслеръ и другіе, я извлекъ правило, что сомнительные вопросы сначала должны быть разрѣшаемы холодно и спокойно, и лишь тогда, когда такая работа будетъ кончена, мы можемъ провозгласить свое убѣжденіе со всѣмъ жаромъ нашей души". Но дѣло въ томъ, что этотъ душевный жаръ былъ однимъ изъ отличительныхъ свойствъ Салая какъ историка, не смотря на его, повидимому, холодный умъ. Если мы скажемъ, что сочиненіе Салая есть лучшее изъ всѣхъ, появившихся въ области мадьярской исторической литературы, то мы только передадимъ здѣсь мнѣніе цѣлой націи. Послѣ появленія въ свѣтъ третьяго тома, Этвешъ писалъ Салаю: „Въ настоящее время критика у насъ не существуетъ; что же касается мнѣнія нѣкоторыхъ о твоемъ сочиненіи, то могу повторить тебѣ лишь то, что̀ сказалъ старый графъ Телеки[1]): онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы кто-нибудь, знакомый съ источниками гораздо хуже его, могъ представить такую точную картину временъ Гуніади и короля Матвѣя Корвина, какъ это сдѣлалъ ты въ твоей книгѣ. Такое мнѣніе имѣетъ больше значенія, чѣмъ многія критики, и такъ какъ старикъ повторялъ его часто, то оно принесло тебѣ большую пользу".

По мѣрѣ того какъ росла книга Салая, измѣнялось и его душевное настроеніе. Продолжительное уединеніе, тяжкій умственный трудъ, а съ нѣкотораго времени разлука съ семействомъ ослабили его бодрость. Такъ какъ семья его жила въ Пештѣ, то не кончивъ четвертаго тома, Салай покинулъ Роршахскій холмъ, на которомъ провелъ болѣе трехъ лѣтъ въ своихъ занятіяхъ, и осенью 1853 г. переселился въ Базель для того, чтобы ближе ознакомиться съ находящимися тамъ рукописями, касающимися венгерской исторіи. Не задолго до отъѣзда своего туда, онъ писалъ доктору Флеглеру слѣдующее: „Я чрезвычайно разстроенъ. Въ продолженіе укладки вещей на дорогу, когда безчисленныя непріятности напоминаютъ всякую всячину,

---

[1]) Напомнимъ читателю, что графъ Іосифъ Телеки до 1848 года былъ губернаторомъ Трансильваніи, основателемъ и президентомъ венгерской академіи наукъ и вмѣстѣ съ тѣтъ авторомъ весьма важнаго историческаго сочиненія, разсматривающаго, въ шести объемистыхъ томахъ, исключительно время Гуніади.

я вторично перенесъ всѣ страданія минувшихъ лѣтъ; сердце мое обливается кровью при однихъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ: мудрено ли, что всякій предметъ, попадающійся мнѣ на глаза, является предо мной въ самомъ мрачномъ видѣ? Правда, это раздраженіе пройдетъ, въ глазахъ снова сдѣлается свѣтлѣе; однако счастіе, будущность людей близкихъ мнѣ, я и тогда не буду считать обезпеченными. Но пора кончить жалобы; надѣюсь, что вы извините ихъ человѣку, прожившему цѣлый годъ въ одиночествѣ". Сначала Салай разчитывалъ остаться въ Базелѣ бо́льшую часть зимы, а оттуда хотѣлъ переѣхать въ Германію, чтобы тамъ жить вмѣстѣ съ своимъ семействомъ; но потомъ значительно сократилъ свое пребываніе въ Базелѣ. Вотъ что̀ онъ писалъ объ этомъ Флеглеру: „Я прожилъ въ Базелѣ до 8-го октября, чтобы пополнить нѣкоторыя свои свѣдѣнія, при помощи Базельской университетской библіотеки и библіотеки тамошняго общества для чтенія, которая — мимоходомъ сказать — значительно богаче Цюрихской. Съ этою цѣлью я прожилъ бы еще долѣе въ Базелѣ (такъ какъ мое семейство не можетъ ранѣе весны выѣхать изъ Пешта), если бы только иностранцу была возможность поближе сойдтись съ жителями этого города; но этому препятствуютъ ихъ образъ жизни, характеръ и обычаи. А такъ какъ я и физически нездоровъ и мнѣ надо лѣчиться виноградомъ, то вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ Кларенсъ, Монтре и т. д., куда стекаются для этого лѣченія и туземцы, и иностранцы, я отправился нѣсколько далѣе въ Ситтенъ (Сіонъ, главный городъ Валлисскаго кантона), къ моему старинному другу Риборди, гдѣ уже съѣлъ, да и еще съѣмъ нѣсколько корзинъ винограда. Это пріятное лѣченіе не мѣшаетъ мнѣ продолжать мои литературные труды и приводить въ порядокъ сдѣланныя мною въ Базельскихъ библіотекахъ выписки".

Намѣреніе Салая поселиться въ Германіи не исполнилось: Салай согласился на сдѣланныя ему предложенія принять временно участіе въ составленіи новаго свода гражданскихъ законовъ для Валлисскаго кантона. По этому поводу онъ опять вошелъ въ переписку съ Миттермайеромъ, который писалъ ему изъ Гейдельберга отъ 17-го апрѣля 1854 года: „Спѣшу отвѣтить вамъ, что съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе составить для нашего журнала статью о новомъ кодексѣ гражданскихъ законовъ Валлиса. Вы сами знаете, что̀ можетъ имѣть интересъ для нѣмецкой публики; но многое, что̀ можетъ быть интересно по задачѣ нашего журнала, не имѣетъ никакого значенія въ законодательномъ или практическомъ отношеніи". Есть основаніе предпо-

лагать, что кодексъ гражданскихъ законовъ существующій въ кантонѣ Валлисѣ и въ настоящее время, есть работа Салая и Риборди.

Лѣтомъ 1854 года пріѣхало семейство Салая, и всѣ вмѣстѣ отправились въ Лозанну, чтобы пребываніемъ въ этой мѣстности способствовать выздоровленію заболѣвшаго сына. Между тѣмъ въ умѣ Салая постепенно созрѣвало намѣреніе возвратиться въ Венгрію, и онъ уже отправился было въ Пештъ, но ребенокъ снова занемогъ, и потому вся семья была вынуждена провести зиму 1854—1855 г. въ Роршахѣ. Не смотря на всѣ эти помѣхи, Салай не терялъ изъ виду своей книги. „Сынъ мой", писалъ онъ въ январѣ 1855 г., „выздоравливаетъ; я опять-окружилъ себя книгами и тружусь надъ заключительнымъ томомъ моей исторіи". Весною 1855 г. Салай отправился чрезъ Нюренбергъ въ Пештъ. Не безъ грусти оставилъ онъ Швейцарію, такъ гостепріимно пріютившую его во время тяжелыхъ дней. Салай всегда помнилъ объ этомъ, и когда въ концѣ 1860 г. появилось второе изданіе его исторіи, онъ слѣдующими словами заключилъ предисловіе къ нему: „Когда я снова просматривалъ эти листы, я постоянно вспоминалъ при чтеніи ту страну, гдѣ они были писаны и куда привела меня благосклонная судьба во время печальныхъ дней. Предо мною промелькнула Швейцарія, принявшая къ себѣ странника и въ теченіе шести лѣтъ окружавшая его теплымъ вниманіемъ, блиставшая тогда лучами счастія, но идущая теперь, повидимому, на встрѣчу тяжелымъ временамъ. Я ласкаю себя надеждою, что она съ честію выйдетъ изъ этого испытанія и останется такою, какою была въ теченіе столѣтій: отечествомъ свободы, пріютомъ для изгнанниковъ. Можетъ-быть, никто изъ гражданъ ея не прочтетъ этихъ строкъ; но пусть же онѣ останутся здѣсь, какъ слабый памятникъ той благодарности, которую я, во всю свою жизнь, буду питать къ этой странѣ".

Возвращеніе Салая въ Венгрію не могло встрѣтить препятствій, ибо онъ былъ добровольнымъ изгнанникомъ. Съ распростертыми объятіями встрѣтили его на родинѣ, и предъ нимъ раскрылись богатѣйшіе источники для исторіи венгерскихъ земель. Охотно предлагали ему для занятій важнѣйшіе изъ частныхъ архивовъ, а въ библіотекѣ національнаго музея онъ былъ ежедневнымъ посѣтителемъ. Но чѣмъ обильнѣе стекались къ нему источники, тѣмъ медленнѣе подвигалась работа, такъ что въ послѣдніе годы печаталось по восьми или десяти листовъ. Изъ громаднаго матеріала, просмотрѣннаго Салаемъ, только самая меньшая часть могла войдти въ общую исторію Венгріи;

но и остальная была слишкомъ драгоцѣнна, чтобы снова зарывать ее въ архивы. И вотъ въ сочиненіи Салая историческій писатель сталъ мало по малу отдѣляться отъ изслѣдователя: рядомъ съ исторіей появилась цѣлая литература монографій, собраній актовъ, которые имѣютъ важное значеніе для исторіи Венгріи. Съ необыкновенною точностію обработывалъ Салай каждый періодъ, поступавшій на очередь въ „Исторіи Венгріи", и все что имѣло хотя половинный интересъ и не было еще извѣстнымъ передавалось имъ въ печать; извѣстное же пополнялось, исправлялось, смотря по надобности. Такъ возникли, паралельно съ соотвѣтствующими отдѣлами главнаго сочиненія: „Прибавленія къ исторіи мадьярской націи въ XVI столѣтіи", сперва разсѣянныя по разнымъ журналамъ, а потомъ собранныя и вышедшія въ 1859 г. первымъ изданіемъ, а въ 1861 г. вторымъ; затѣмъ „Странствованія Франца Ракоци II", далѣе „Полное собраніе сочиненій Антона Веранчича", въ семи томахъ; наконецъ, „Исторія палатина Эстергази" и т. п. Послѣднее сочиненіе обязано было своимъ происхожденіемъ поддержкѣ князя Павла Эстергази. Всѣ эти изданія Салай въ предисловіи къ первому изъ нихъ называетъ „скромнымъ опытомъ сдѣлать историческія изслѣдованія болѣе удобными и болѣе благодарными, ибо предлагаемый здѣсь матеріалъ не является уже въ совершенно сыромъ видѣ своемъ". Благодаря этимъ побочнымъ работамъ, послѣдніе томы Салаева сочиненія, къ общему обозрѣнію которыхъ мы теперь переходимъ, отличаются и большею полнотою и замѣчательною ровностію въ изложеніи, сравнительно съ первыми томами.

8. Габсбурги отъ Фердинанда I до Фердинанда II и турецкое владычество.

Турецкія орды еще не вышли изъ Венгріи, а происки по поводу выбора короля уже начались. Людовикъ II погибъ, не оставивъ наслѣдника, а супруга его, какъ австрійская принцесса, не могла предъявить никакихъ притязаній на престолонаслѣдіе, и кандидатомъ на тронъ явился братъ ея эрцгерцогъ Фердинандъ Австрійскій. Онъ основывалъ свои притязанія, вопервыхъ, на правѣ наслѣдія своей супруги Анны, дочери Владислава и сестры Людовика II, ссылался на договоры Фридриха III и Максимиліана, разчитывалъ на большое число приверженцевъ между венгерскими вельможами, ожидалъ многаго отъ крайняго положенія страны, а наконецъ, предполагалъ прибѣгнуть и къ силѣ, для чего могъ получить средства отъ импера-

тора своего брата и отъ Германской имперіи. Его соперникомъ былъ Іоаннъ Заполи, сынъ того Стефана Заполи, который въ школѣ Гуніади сдѣлался хорошимъ военачальникомъ и знатнымъ вельможею. Іоаннъ Заполи наслѣдовалъ честолюбіе своего отца, стремился такъ же, какъ онъ, къ королевской власти, и на шумномъ сеймѣ при Владиславѣ настоялъ на утвержденіи закона, которымъ было постановлено, чтобы впредь никакой иностранный государь не былъ призываемъ на тронъ Венгріи. Іоаннъ разчитывалъ на бо́льшую часть народа, который и теперь, также какъ во времена Гуніади, ожидалъ государственнаго блага только отъ государя изъ природныхъ Венгерцевъ; сверхъ того у Іоанна уже возникала мысль противопоставить австрійскому соперничеству турецкое могущество. Сначала ходъ событій былъ ему благопріятенъ. Прежде всего вопросъ былъ въ томъ, которая изъ противоположныхъ партій успѣетъ расположить сеймъ въ свою пользу. Между тѣмъ какъ приверженцы Австріи подъ всякими предлогами настаивали на томъ, чтобы созвать сеймъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ по близости австрійской границы, Заполи поспѣшилъ во главѣ своихъ приверженцевъ черезъ Токай въ Буду (или Будинъ), а потомъ въ Секешфейерваръ, гдѣ и былъ выбранъ въ короли 10-го ноября, а 11-го ноября уже короновался. До сихъ поръ все шло для него хорошо, но съ этой минуты начались неудачи и затрудненія. Двадцатилѣтняя вдовствующая королева Марія съ удивительнымъ для ея лѣтъ и пола искусствомъ вела переговоры въ пользу своего брата и привлекла на его сторону искуснѣйшихъ государственныхъ людей изъ числа окружавшихъ покойнаго короля, къ которымъ принадлежалъ и могущественный Стефанъ Батори. Это былъ человѣкъ дурной жизни, необузданнаго характера, но онъ занималъ должность надора; а по закону 1485 года, при упраздненіи трона, только надоръ имѣлъ право созывать сеймъ для совѣщаній объ избраніи новаго короля. Чрезъ посредство Стефана Батори Марія объявила, чтобы чины собрались въ Коморнъ, и оба они старались устранить вліятельнаго Заполи отъ участія въ совѣщаніяхъ. Послѣдній, послѣ того какъ его выбрали въ Секешфейерварѣ, предупредивъ своего соперника, принялъ мѣры, чтобъ уничтожить и прочія затѣянныя противъ него интриги, а потому занялъ своими войсками городъ Коморнъ, чтобы воспрепятствовать тамъ собранію сейма. Тогда пылкій, но дѣятельный и дальновидный Христофоръ Франгепанъ взялся двинуться съ отрядомъ войскъ, чтобъ оттѣснить Фердинанда и его приверженцевъ за границу, и даже, если окажется нужнымъ, перенести войну въ самую Австрію

онъ очень основательно думалъ, что кто не имѣетъ на своей сторонѣ права, тотъ не долженъ допускать, чтобъ и противникъ его могъ воспользоваться правомъ. Но Заполи медлилъ, колебался и упустилъ рѣшительную минуту, когда, конечно, можно было все потерять, но за то и все выиграть. Такимъ образомъ онъ далъ Фердинанду и Маріи время назначить сборнымъ мѣстомъ ихъ приверженцевъ городъ Пожунъ (Прессбургъ), и при помощи собравшагося тамъ сейма, принять рѣшительныя мѣры. На этомъ сеймѣ не было недостатка со стороны Фердинанда во всевозможныхъ приманкахъ, личныхъ заявленіяхъ благосклонности, обѣщаніяхъ и проч., и проч. Фердинандъ торжественно и клятвенно объявилъ, что онъ сохранитъ конституцію въ неприкосновенности, поддержитъ вольности всѣхъ сословій, корпорацій и частныхъ лицъ, не будетъ раздавать должностей иностранцамъ. Было также обѣщано въ скорѣйшемъ времени изгнать и побѣдить Турокъ, снова покорить Бѣлградъ и возвратить его Венгріи вмѣстѣ съ прочими утраченными на границѣ крѣпостями. Увѣряли даже, будто Фердинандъ гонится за венгерскою короной вовсе не изъ стремленія къ пріобрѣтеніямъ и величію, но изъ чистой любви къ венгерскому народу. Ни одинъ пламенно влюбленный женихъ не разсыпался въ такихъ страстныхъ увѣреніяхъ передъ стыдливою невѣстой, какъ Фердинандъ передъ собравшимся сеймомъ. Усилія его увѣнчались успѣхомъ, и 16-го декабря 1526 г. онъ былъ выбранъ въ короли Венгріи. Этимъ двойственнымъ выборомъ Салай открываетъ четвертый томъ своего сочиненія, и разказъ его о событіяхъ, сопровождавшихъ выборы, принадлежитъ къ тѣмъ мастерскимъ страницамъ, которыми онъ доказалъ свой талантъ въ изложеніи запутанныхъ историческихъ происшествій. Прикрытыя тенденціи австрійской партіи, честолюбивый, но недостаточно твердый характеръ Іоанна Заполи, вмѣшательство Маріи, замѣчательное по ея утонченному женскому лукавству, усилія вельможъ выторговать, выканючить себѣ сколько можно болѣе, ихъ колебанія и переходы то на ту, то на другую сторону, увлеченія страсти съ одной стороны, голое корыстолюбіе съ другой, разнообразіе поводовъ при одинаковомъ стремленіи къ общей цѣли, шаткое и не выяснившееся положеніе массъ, — все это изложено съ пониманіемъ знатока и передано мастерскою, полною жизни, кистію. Все это сцѣпленіе лицъ, мнѣній и страстей представлено во всей силѣ своей роковой неизбѣжности; историкъ не позволяетъ себѣ ни малѣйшаго намека, никакого обвиненія, никакого приговора, и подобно художнику, который, сознавая могущество своего

искусства, предоставляетъ своей картинѣ самой говорить за себя, Салай внезапно прерываетъ свой разказъ и принимается за дальнѣйшія событія.

Хотя вслѣдствіе оборота, какой приняли обстоятельства въ концѣ 1526 года, дѣло Заполи могло быть почитаемо проиграннымъ, однако онъ продолжалъ борьбу, но своимъ образомъ дѣйствія ясно обнаруживалъ, что онъ заботился не столько о благѣ отечества, сколько объ удовлетвореніи мелочной суетности своей. Выбитый изъ всѣхъ своихъ позицій, онъ бѣжалъ въ Польшу и оттуда завязалъ переговоры съ Портою. Солиманъ не захотѣлъ упустить прекрасный случай подчинить себѣ Мадьярское королевство. Поэтому въ 1529 году онъ предпринялъ второй походъ въ Венгрію, поставилъ на Могачскомъ боевомъ полѣ Іоанна Заполи королемъ, взялъ штурмомъ Буду (или Офенъ) и проникъ до стѣнъ самой Вѣны. Но Яковъ Зальмъ геройски защищалъ этотъ городъ, и Солиманъ послѣ двухнедѣльной безплодной осады былъ вынужденъ возвратиться въ Константинополь. Вслѣдъ за тѣмъ Фердинандовы военачальники выступили въ поле, побрали одинъ за другимъ города, занятые войсками Заполи, и загнали послѣдняго въ самую глубь Трансильваніи. Для защиты его Солиманъ предпринялъ въ 1532 году третій походъ. На этотъ разъ онъ твердо былъ намѣренъ взять Вѣну и перенести войну въ сердце Германской имперіи; но обширный планъ его былъ разрушенъ сопротивленіемъ маленькой крѣпостцы Кёсегъ (Güns) въ Эйзенбургскомъ комитатѣ, которую умный Никласъ Юришичъ защищалъ съ хладнокровнымъ мужествомъ. Солиманъ ограничился опустошеніемъ пограничныхъ мѣстностей Штиріи, приказавъ ограбить Хорватію и Славонію, и осенью вышелъ обратно въ Турцію. Такимъ образомъ несчастная Венгрія, терзаемая собственными властелинами, была еще раззоряема чужеземными варварами. По примѣру Іоанна Заполи, началъ и Фердинандъ заискивать милостей Порты, подчиняясь самымъ безчестнымъ и унизительнымъ условіямъ, а между тѣмъ внутренняя борьба обѣихъ партій продолжалась безпрерывно. Это было ужасное, безотрадное время: высшія сословія, казалось, забыли о политическихъ доблестяхъ своихъ предковъ, и только нѣкоторые благородные, закаленные въ несчастіяхъ характеры, по временамъ возникавшіе среди этого безцѣльнаго бушеванія общественной жизни, обнаруживали, что въ народѣ еще таится здравая сила. Такъ какъ ни одна изъ партій двухъ королей не могла ни побѣдить, ни быть побѣжденною, то наконецъ, 24-го февраля 1538 года, между Фердинандомъ и Заполи состоялся трак-

татъ. Въ этомъ трактатѣ оба они величаютъ другъ друга титуломъ короля, и обязываются, въ соединеніи съ императоромъ Карломъ V, отнять обратно у Турокъ пограничныя земли и въ томъ числѣ Бѣлградъ. Іоаннъ Заполи отказывался отъ союзовъ, направленныхъ противъ Карла V и Фердинанда, и обязывался отправить посольство къ Французскому королю, чтобы побудить его къ совокупной борьбѣ противъ Солимана. Если у Іоанна родится сынъ, то онъ женится на дочери Фердинанда. Послѣдній долженъ былъ получить Славонію, Хорватію и Далмацію, Іоаннъ же всю Трансильванію, а изъ остальной Венгріи каждый изъ нихъ удерживалъ за собою тѣ части, которыми владѣлъ по день заключенія мира. По смерти Іоанна Заполи, — во всякомъ случаѣ, оставитъ ли онъ послѣ себя, или нѣтъ, наслѣдника мужескаго пола, — всѣ его владѣнія должны были отойдти къ Фердинанду и его наслѣдникамъ мужескаго пола; по пресѣченіи Фердинандова рода эти владѣнія переходятъ къ мужескимъ же наслѣдникамъ Карла V, и только въ случаѣ пресѣченія и этой отрасли Австрійскаго дома, корона переходитъ уже въ родъ Заполи, а когда не останется никого и изъ рода Заполи, то нація уже сама выберетъ себѣ короля. Всѣ родовыя и пріобрѣтенныя помѣстья Іоанна, всѣ заложенныя ему имущества до совершеннаго ихъ выкупа и всѣ отнятыя у него недвижимости, которыя должны быть возвращены ему въ двухлѣтній срокъ, достанутся въ собственность могущему у него родиться сыну, который будетъ владѣть ими на полномъ наслѣдственномъ правѣ съ титуломъ герцога Ципскаго (Zips въ сѣверной Венгріи). Если король Іоаннъ Заполи умретъ, не оставивъ наслѣдниковъ мужескаго пола, то вдова его и дочери получатъ соразмѣрный надѣлъ. Все случившееся до заключенія мира предавалось полному забвенію. Пожалованные обоими королями надѣлы, вольности и привилегіи, признаны имѣющими силу и впредь. По объявленіи этого мира чины обѣихъ сторонъ избираютъ общаго надора; назначеніе прочихъ чиновниковъ предоставляется усмотрѣнію обоихъ королей. Таковы были существеннѣйшія условія трактата, къ заключенію котораго оба короля были вынуждены своимъ совершеннымъ безсиліемъ. Обѣ стороны думали исключительно лишь о собственныхъ, а не о государственныхъ выгодахъ, и въ особенности Фердинандъ не упустилъ включить въ трактатъ самомалѣйшія условія, могущія служить къ обезпеченію притязаній его дома. Напримѣръ, въ трактатѣ было постановлено, чтобы при обнародованіи мира всѣ высшіе духовные и свѣтскіе сановники, всѣ почетнѣйшіе немеши, комитаты и королевскіе

города, состоящіе подъ владычествомъ Іоанна Заполи, клятвенно обязались соблюдать условія, выговоренныя въ пользу Фердинанда, и обязательство свое подтвердили письменно. Эту присягу должны были повторять преемники упомянутыхъ сановниковъ, новыя должностныя лица, наслѣдники помѣстій и бурговъ, особенно же королевскіе вольные города, которые сверхъ того должны были составить по этому поводу новые акты и препроводить ихъ къ Фердинанду.

Такимъ образомъ мечта Рудольфа Габсбургскаго наконецъ осуществилась, по крайней мѣрѣ хоть въ половину; родъ его утвердился на венгерскомъ тронѣ. Этотъ Великоварадинскій трактатъ даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о разнообразныхъ составныхъ частяхъ Венгерскаго государства, которыя въ то время разъединились между собой, играли въ слѣдующихъ столѣтіяхъ роль въ разныхъ историческихъ происшествіяхъ въ Венгріи и лишь послѣ многихъ превратностей возвратились къ прежнему съ нею соединенію. Отнынѣ владычество Габсбургскаго дома становится уже первымъ и важнѣйшимъ элементомъ Венгріи. Уже по смерти Владислава II, особенно же послѣ гибели сына его Людовика на Могачскомъ полѣ, можно было считать несомнѣннымъ, что безъ надежнаго союзника Венгрія не будетъ долѣе въ силахъ противиться турецкому могуществу. Сознавая эту потребность, уже Заполи старался заключить тѣсный союзъ съ Польшей и установить надежныя связи Венгріи съ Лузаціей, Силезіей и Моравіей; но что касается Польши, то ни положеніе ея, ни политическое устройство, ни шаткое настроеніе ея дворянства не дозволяли надѣяться на прочный съ нею союзъ; Лузація же, Силезія и Моравія слишкомъ зависѣли отъ Чехіи, и потому Венгрія не могла на нихъ разчитывать. Итакъ надежда оставалась только на пограничную Австрію. Императорскій санъ, упрочившійся съ того времени за Габсбургскимъ домомъ, обладаніе Испаніей и Нидерландами доставляли Габсбургамъ силы, достаточныя для защиты Венгріи. Правда, все это было сопряжено и съ важными опасностями для Венгерцевъ, — опасностями, которыя не ускользали отъ вниманія умнѣйшихъ изъ ихъ государственныхъ людей. Габсбургскій домъ быстро очутился во главѣ церковной реакціи, и хотя можно допустить, что это положеніе имѣло историческое оправданіе, однако было очень естественно, что пользуясь имъ, Габсбурги и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ станутъ утверждать свою власть всѣми средствами, даже насильственными мѣрами. Венгрія вскорѣ испытала гнетъ этой системы во всей ея односторонности и суровости. Такъ какъ Габсбургскій домъ отъ

того именно, что стоялъ во главѣ церковной реакціи, запутался въ продолжительныя войны съ европейскими государствами, то Венгрія была вовлечена въ чуждые ей интересы прежде, нежели Фердинандъ подумалъ объ исполненіи своего торжественнаго обѣта освободить Венгрію отъ турецкаго преобладанія. Къ этому присоединилось еще то, что Габсбургскіе государи заботились только о возвеличеніи своего дома и почти нисколько не занимались внутреннимъ устройствомъ и развитіемъ общественной жизни своихъ подданныхъ. Совершенно различныя, исторически разъединенныя національности великой монархіи Габсбурговъ были употребляемы ихъ государями только какъ матеріалъ для выполненія политическихъ плановъ, которыхъ исключительную цѣль составляло единственно увеличеніе могущества ихъ дома. Это была система холоднаго разчета, соединенная съ чрезвычайною настойчивостью, съ громаднымъ иногда напряженіемъ силъ, но система, неспособная водворить внутреннюю органическую связь между разными составными частями государства и упрочить его существованіе. Лично Габсбургскіе государи лишь изрѣдка вступали въ непосредственное соприкосновеніе съ отдѣльными частями своей разнородной монархіи, и потому были вынуждены замѣнять себя способнѣйшими, по возможности, людьми, которые не только не всегда избирались ими изъ Венгерцевъ, но даже не всегда изъ лицъ, принадлежащихъ къ странамъ, подвластнымъ Габсбургскому дому. При дворѣ австрійскихъ государей, въ администраціи и въ арміи было множество иностранцевъ; нѣкоторые изъ нихъ, люди даровитые, были полезны Австріи, но большинство состояло изъ искателей счастія, думавшихъ только о томъ, чтобы проложить себѣ дорогу къ почестямъ. Даже лучшіе изъ этихъ пришлецовъ рѣдко были одушевлены патріотическимъ чувствомъ; цѣль ихъ дѣйствій состояла только въ увеличеніи блеска, окружавшаго царствовавшій домъ, и подъ покровительствомъ послѣдняго они заботились, какъ и сами императоры, единственно о собственныхъ выгодахъ. Изъ хаоса такихъ сбродныхъ элементовъ развилось мало по малу правило усмирять попеременно каждую область силами другихъ областей, устранять всѣ источники свободы и независимости и водворять всеобщій національный индеферентизмъ. Съ этою цѣлію прибѣгали то къ безпощадному насилію, то къ разъѣдающимъ, разлагающимъ средствамъ, не исключая самыхъ ребяческихъ. Поэтому австрійское правительство никогда не могло установить послѣдовательный добросовѣстный контроль въ общественномъ управленіи; расточительность, стремленіе къ наживѣ и под-

купность распространились отъ двора до самыхъ низшихъ слоевъ общества, и хотя между австрійскими государственными людьми и бывали люди благородные, нравственные, но и они не могли вполнѣ искоренить зло. Всѣ эти язвы устремились было и на Венгрію, но здѣсь онѣ встрѣтили почти неодолимыя препятствія въ свойствахъ народа, въ его конституціи и народномъ правѣ. Многочисленность аристократическихъ фамилій препятствовала быстрому и рѣшительному торжеству испорченности; едва у этой гидры успѣвали отсѣчь одну голову, какъ выростали на ея мѣстѣ двѣ новыя головы. Сверхъ того Габсбургскіе государи рѣдко пріѣзжали въ Венгрію; такой образъ дѣйствія въ тѣ тяжкія времена и въ отношеніи къ народу, который, почитая королей своими верховными военачальниками, привыкъ видѣть ихъ постоянно во главѣ арміи, составлялъ важную политическую ошибку. Все это повело ко множеству недоразумѣній: народъ чтилъ, правда, королевское достоинство въ Габсбургскихъ государяхъ, но весьма немногіе изъ этихъ государей пользовались въ Венгріи личною популярностью.

Наконецъ, что касается самого короля Фердинанда, то дѣятельность его была такъ поглощена нѣмецкими и чешскими дѣлами и обширными замыслами династической политики, что онъ вовсе не могъ исполнить обязательствъ, которыя принялъ на себя передъ Венгріей. Онъ былъ отъ природы человѣкъ благодушный, склонный къ мѣрамъ кроткимъ, притомъ ловкій дипломатъ, и довольно прозорливый, на сколько можно быть прозорливымъ, обсуждая общественныя дѣла издали, среди кабинетнаго уединенія. Но онъ не полагался на себя, какъ скоро дѣло шло о крутыхъ мѣрахъ, особенно военныхъ, и еще болѣе не довѣрялъ бурнымъ народнымъ движеніямъ, а потому въ рѣшительныя минуты своего царствованія оставался въ зависимости отъ военачальниковъ и совѣтниковъ съ самыми посредственными способностями. Онъ никогда не зналъ вполнѣ ни языка, ни характера, ни внутренняго положенія того народа, судьбу котораго ему ввѣрило Провидѣніе. Даже послѣ смерти Заполи, послѣдовавшей въ 1540 году, когда Фердинандъ былъ уже повидимому государемъ всей Венгріи, когда онъ могъ бы, ставъ лично во главѣ націи, соединить всѣ ея силы и во имя ея интересовъ заставить умолкнуть партіи, прекратить ихъ внутреннія распри, онъ ввѣрилъ это великое дѣло чужимъ рукамъ, оставшись только отдаленнымъ зрителемъ того, что дѣлалось въ Венгріи. Ему внушалъ боязнь даже такой человѣкъ, какъ Утѣшеничъ, который, при всѣхъ отличныхъ качествахъ своего

ума, постоянно былъ только честолюбивымъ интриганомъ; его бездарный военачальникъ Роггендорфъ подвергся пораженію, и въ 1541 г. Офенъ, вмѣстѣ съ цитаделью, былъ взятъ Турками. Занявъ этотъ городъ, воинственный Солиманъ пріобрѣлъ опорный пунктъ, откуда могъ удобно распространять свое могущество во внутренность Венгріи. Постояннымъ опытомъ давно уже было дознано, что прежде всего слѣдовало создать національную венгерскую армію, которая сражалась бы съ Турками не по одной только обязанности повиноваться королю, но изъ любви къ родинѣ, и уже къ этой арміи присоединить иноземныя вспомогательныя войска. Люди, подобные Стефану Лошончи и Георгу Сонди, геройски защищавшимъ Темешваръ и Дрегели, достаточно доказали, что элементы для подобной арміи вполнѣ имѣются подъ рукою. Но Фердинандъ ухитрился сдѣлать совершенно противное. Онъ ввѣрялъ веденіе войны предпочтительно иностраннымъ начальникамъ, которые, не зная положенія дѣлъ, только расхаживали по странѣ во главѣ иностранныхъ войскъ, мелочнымъ соперничествомъ между собою мѣшали другъ другу дѣйствовать и безпрестанно ссорились съ Венгерцами. Сверхъ того съ послѣдними нерѣдко поступалъ сурово и самъ Фердинандъ, расположенный къ подозрительности. Такъ, напримѣръ, въ 1543 году Петръ Перени, гордый и запальчивый, но оказавшій важныя услуги, былъ арестованъ въ Острыгомѣ (Гранѣ) вслѣдствіе показаній какого-то доносчика, преданъ иноземнымъ судьямъ на основаніи тридцати-двухъ обвиненій, подробно исчисленныхъ у Салая, объявленъ государственнымъ измѣнникомъ и вывезенъ изъ Венгріи въ Вѣнскій-Нейштадтъ, гдѣ заключенъ въ тюрьму. Съ тѣхъ поръ открылся цѣлый рядъ обвиненій въ государственной измѣнѣ, которыя нанесли чрезвычайно много вреда, но не способствовали достиженію цѣли, имѣвшейся въ виду. При такихъ обстоятельствахъ всѣ усилія Фердинанда остались безуспѣшны. Онъ не могъ овладѣть Трансильваніей; Темешваръ былъ взятъ Турками, и владычество Габсбурговъ ограничилось только занятіемъ сѣверныхъ комитатовъ. Послѣ всего этого преемникъ Фердинанда, Максимиліанъ II уже не могъ дать общественнымъ дѣламъ болѣе благопріятный оборотъ, хотя его честный характеръ и умственныя способности возбудили сначала много отрадныхъ надеждъ. Геройская смерть хорватскаго вождя Николая Крини Шубича при защитѣ Сигета въ 1566 году оказалась безполезною жертвой; могущество Турокъ удержалось непоколебимымъ и по смерти Солимана II. Притомъ царствованіе Максимиліана было непродолжительно; онъ

былъ избранъ въ короли Польши, и это повело къ новымъ замѣшательствамъ, прежде нежели старыя были устранены. Слѣдовавшее за тѣмъ слабое, хотя и продолжительное (съ 1576 по 1608 г.), царствованіе Рудольфа II было крайне бѣдно результатами. Съ ничтожнымъ, но упрямо-непреклоннымъ характеромъ этого государя Салай знакомитъ читателя въ немногихъ словахъ. Иногда онъ оказывалъ мертвенное равнодушіе ко внутреннимъ дѣламъ Венгріи, иногда дѣйствовалъ съ необузданнымъ произволомъ; мѣрами же для защиты государства занимался самымъ небрежнымъ образомъ. Въ Венгрію пріѣзжалъ онъ очень рѣдко, и присутствіе его не содѣйствовало успокоенію взволнованныхъ умовъ. Сеймы постоянно имѣли поводъ жаловаться на невниманіе къ ихъ представленіямъ, на буйство иноземныхъ военачальниковъ и солдатъ, на замѣщеніе общественныхъ должностей иностранцами, и нѣкоторое улучшеніе послѣдовало лишь въ то время, когда управленіе венгерскими дѣлами было ввѣрено эрцгерцогу Матвѣю, вмѣсто его брата Эрнста; по крайней мѣрѣ, войну принялись вести гораздо дѣятельнѣе, чѣмъ прежде. Въ это время наравнѣ съ нѣмецкими генералами Унгнадомъ и Тейфенбахомъ отличался храбростію и военными дарованіями изъ Венгерцевъ Николай Пальфи, а Трансильванскій князь Сигизмундъ Батори совершилъ много блистательныхъ подвиговъ противъ Турокъ. Тѣмъ не менѣе далеко еще было до желанной цѣли, и война продолжала свирѣпствовать внутри Венгріи съ перемѣннымъ счастіемъ; такъ, напримѣръ, христіанское войско, потерявъ Гіоръ (Раабъ), снова отняло его, но за то отнявъ Буду (Офенъ), опять утратило ее. Однако, не смотря на разстройство, въ какомъ находилась тогда Венгрія, она имѣла самое рѣшительное вліяніе на ходъ событій въ Австрійскомъ государствѣ. Несомнѣнно извѣстно, что движеніе, возбужденное въ началѣ семнадцатаго вѣка подъ руководствомъ эрцгерцога Матвѣя противъ Рудольфа, съ самаго начала имѣла Венгрію опорнымъ своимъ пунктомъ; паденіе императора совершилось быстро оттого, что Венгрія осталась непоколебимо вѣрною Матвѣю. Рѣшеніе этого дѣла послѣдовало въ 1608 году, и Мадьяры воспользовались имъ преимущественно для обезпеченія своихъ конституціонныхъ вольностей, которыя во все царствованіе короля Матвѣя были тщательно соблюдаемы. Когда Матвѣй, не имѣя дѣтей, назначилъ наслѣдникомъ своимъ эрцгерцога Фердинанда Штирійскаго, то сеймъ постарался при этомъ случаѣ обезпечить себѣ право свободно избирать надора и возстановилъ многія другія права націи. При воцареніи Фердинанда II, въ

1619 году, Тридцатилѣтняя война уже загорѣлась; усилія австрійской политики по необходимости были направлены въ другую сторону, да и нападенія Турокъ при Ахмедѣ I и до смерти Ибрагима утратили свою прежнюю силу вслѣдствіе безпрерывныхъ придворныхъ заговоровъ и замѣшательствъ въ Азіи. Венгрія получила болѣе свободы заниматься своими дѣлами, и такимъ образомъ церковныя отношенія были улажены посредствомъ трактатовъ, которыхъ основанія уже не могли быть отмѣнены послѣдовавшими за тѣмъ ретроградными попытками, составляющими второе, весьма важное явленіе въ запутанномъ развитіи того времени.

9. Борьба за религіозную свободу до контръ-реформаціи кардинала Пазмани.

Почва для реформаціонныхъ идей давно была подготовлена, какъ во всей Европѣ, такъ и въ Венгріи. Уже Гусситскія войны вызвали броженіе, вслѣдствіе котораго появилось много переводовъ священнаго писанія на мадьярскомъ языкѣ. Послѣ первыхъ лѣтъ дѣятельности Лютера новыя мнѣнія прежде всего распространились между трансильванскими Саксами, потому что они, говоря по нѣмецки, имѣли частыя сношенія съ Германіей, получали оттуда книги и рукописи.

Въ средѣ же Мадьяровъ эти мнѣнія укоренились въ то время, когда Матвѣй Биро изъ Дева въ Гуніадскомъ комитатѣ (поэтому обыкновенно называемомъ Дева) съ жаромъ занялся проповѣдью евангелическаго ученія. Онъ учился въ Краковѣ, потомъ въ Виттенбергѣ, дѣйствовалъ нѣсколько времени въ Будинѣ (Офенѣ) и свою реформаторскую дѣятельность началъ какъ проповѣдникъ въ Кошицахъ (Кашау). За это онъ былъ подвергнутъ трехлѣтнему тюремному заключенію, которое однако не только не охладило его усердія, но дало ему случай еще болѣе развить свои начала. Побывавъ нѣсколько разъ въ Германіи, особенно же въ Нюренбергѣ и Виттенбергѣ, и посѣтивъ Швейцарію, онъ рѣшительно присоединился къ гельветическому направленію и въ этомъ смыслѣ дѣйствовалъ въ послѣдствіи въ Дебречинѣ. Такимъ образомъ произошло, что Венгрія уже въ половинѣ шестнадцатаго вѣка была вполнѣ проникнута религіозною борьбой, которую повсюду вызвала реформація. Однако, по замѣчанію Салая, приверженцы новыхъ идей большею частью долго не отдѣлялись отъ древней церкви и часто соблюдали традиціонные обряды. До полнаго отдѣленія дошли они постепенно. При этомъ особенно замѣчательно, что между тѣмъ какъ аугсбурское исповѣданіе нашло наиболѣе приверженцевъ въ нѣмецкомъ и славян-

скомъ населеніи Венгріи, Мадьяры предпочтительно обращались къ гельветическому исповѣданію. Идея о самостоятельности христіанской общины, свойственная реформатской церкви, согласовалась съ формами и обычаями общественной жизни, къ которымъ Мадьяры были пріучены муниципальнымъ уставомъ своихъ комитатовъ. Впрочемъ, Фердинандъ I и Заполи, хотя во всемъ другомъ были врагами, однако противъ реформаціи дѣйствовали единодушно: первый — потому, что согласно съ преданіями своего дома, твердо держался старой церкви и папства, второй — потому, что не хотѣлъ ссориться съ высшимъ духовенствомъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Фердинандъ щадилъ до нѣкоторой степени приверженцевъ аугсбургскаго исповѣданія, преслѣдуя съ неумолимою строгостью послѣдователей гельветическаго исповѣданія. Но не смотря на то всѣ попытки искоренить новое ученіе оставались безплодными. Такъ какъ оно распространилось преимущественно между гражданами королевскихъ вольныхъ городовъ и между большинствомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, то королевская власть встрѣчала затрудненія въ преслѣдованіи виновныхъ; изгнанные изъ одного мѣста, они легко находили убѣжище въ другихъ. Вліятельное положеніе ихъ покровителей доставляло имъ рѣшительныхъ защитниковъ даже въ средѣ сеймовъ, и церковный вопросъ скоро сдѣлался парламентскимъ вопросомъ, съ которымъ были связаны важнѣйшіе политическіе интересы. Кромѣ того и постоянная опасность войны съ Турками препятствовала Фердинанду I приводить въ исполненіе строгіе законы, изданные прежде противъ протестантовъ. На сеймахъ 1556 и 1557 рѣчь шла только о мѣрахъ противъ перекрещенцевъ, возбуждавшихъ всеобщія опасенія; реформаты же, подобные лютеранамъ, были безмолвно терпимы, а при Максимиліанѣ II, отличавшемся вѣротерпимостью, Дебречинскій синодъ могъ въ 1567 г. даже торжественно постановить рѣшеніе о присоединеніи къ гельветическому исповѣданію. Равнымъ образомъ и при Рудольфѣ II правительство сначала воздерживалось отъ преслѣдованія диссидентовъ; новое ученіе распространилось и было принято значительнымъ числомъ высшаго и большинствомъ средняго дворянства. Только уже въ концѣ Рудольфова царствованія, когда онъ перешелъ къ суровымъ мѣрамъ противъ протестантовъ, возникла жестокая борьба за свободу вѣроисповѣданія, продолжавшаяся одновременно съ Тридцатилѣтнею войной. Въ то же время начала обнаруживать свою дѣятельность контръ-реформація; и въ Венгріи, во главѣ этой контръ-реформаціи явился знаменитый Петръ Пазмани, который въ послѣдствіи

до самой кончины своей состоялъ архіепископомъ Гранскимъ (Esztergom) и вмѣстѣ съ тѣмъ примасомъ католической церкви въ Венгріи. Чего не могла достигнуть диктаторская власть королей, то было достигнуто кроткими поученіями, убѣдительными доказательствами и краснорѣчіемъ отца Пазмани. Зная хорошо своихъ соотечественниковъ, онъ понималъ, что надобно преимущественно уважать ихъ національное чувство, и пользоваться этимъ чувствомъ, чтобы внушить имъ участіе къ дѣламъ церкви. Онъ говорилъ свои рѣчи, проповѣди, писалъ свои сочиненія на отечественномъ языкѣ, и такимъ образомъ сдѣлался основателемъ изящной мадьярской прозы. Онъ указалъ на то обстоятельство, что первое основаніе Венгерскаго королевства, святость венгерской короны и единство государства тѣсно связаны съ водвореніемъ въ Венгріи римско-католической церкви, и увѣщевалъ Венгерцевъ не разрывать легкомысленно этихъ крѣпкихъ узъ. Подобнаго рода убѣжденія глубоко подѣйствовали на умы націи; большое число отпавшихъ магнатовъ возвратилось въ нѣдра католической церкви. Тѣмъ не менѣе побѣда Пазмани была неполна: нѣсколько лицъ высшаго дворянства и значительная часть немешеговъ, многіе города и сельскія общины остались по прежнему при евангелическомъ ученіи. А потомъ, когда раздѣлительная черта между исповѣданіями выяснилась рѣзче прежняго, каждое изъ нихъ стало еще упорнѣе держаться своего ученія, чему существенно содѣйствовало Седмиградское княжество (Трансильванія). Поэтому мы должны въ нѣсколькихъ словахъ разъяснить положеніе этого княжества, которое принимало большое участіе въ броженіи, происходившемъ въ этотъ періодъ.

10. Седмиградское княжество до Линцскаго мира при Фердинандѣ III.

Отдѣлясь первоначально, вслѣдствіе оппозиціи Габсбургскому дому, Седмиградское княжество только съ большимъ трудомъ упорствовало въ своемъ отдѣленіи. Много разъ оно едва не было опять включено въ составъ Венгріи; но его постоянно поддерживало турецкое правительство, ясно видѣвшее въ немъ свой военный и политическій оплотъ противъ Австріи; самъ австрійскій дворъ своими неблагоразумными поступками много содѣйствовалъ отпаденію этого княжества. Въ 1600 году, когда жители княжества, раздраженные произвольными дѣйствіями Сигизмунда Батори, оказывали совершенную готовность подчиниться венгерской коронѣ, а слѣдовательно, и скипетру Рудольфа II, грубый генералъ Башта до того раздражилъ обще-

ственное мнѣніе своимъ произволомъ, что въ княжествѣ возникали многократныя попытки свергнуть ненавистное иго и были подавляемы только крайне насильственными мѣрами. Вмѣсто того, чтобы, возвратясь на путь закона, ослабить общее неудовольствіе, Рудольфъ II еще увеличилъ его высокомѣрнымъ посягательствомъ на конституцію государства. Къ закону, изданному въ 1601 году Пресбургскимъ сеймомъ и состоявшему изъ 21 статьи, онъ самовольно прибавилъ еще двадцать вторую, гласившую, что „такъ какъ по примѣру венгерскихъ королей, своихъ предшественниковъ, онъ (Рудольфъ) искренно преданъ римско-католической вѣрѣ и намѣренъ эту вѣру защищать и распространять въ Венгріи, то по собственной волѣ и въ силу своего королевскаго полномочія подтверждаетъ и возобновляетъ всѣ предписанія и законы, которые были изданы Стефаномъ Святымъ и его преемниками для поддержанія римско-католической церкви; а для того, чтобы споры о религіозныхъ дѣлахъ не отвлекали сейма отъ обсужденія болѣе безотлагательныхъ дѣлъ, нововводители и нарушители общественнаго спокойствія, въ устрашеніе другимъ, должны быть подвергаемы наказаніямъ, которыя назначены за это преступленіе августѣйшими королями“. Другими словами, Рудольфъ устранялъ изъ совѣщаній сейма важный религіозный вопросъ, предоставляя этотъ вопросъ вѣдѣнію королевской исполнительной власти и подчиняя полиціи, отъ короля зависѣвшей. Но Рудольфъ и его совѣтники вскорѣ увидѣли, что ихъ мнѣніе о характерѣ націи было весьма ошибочно. Не медля ни мало, одинъ изъ Седмиградскихъ вельможъ, Стефанъ Бочкай, въ тайнѣ руководимый Гавріиломъ Бетленомъ, сталъ во главѣ мятежа, къ которому послѣ первыхъ счастливыхъ удачъ вскорѣ присоединилась вся верхняя Венгрія. Башта и прочіе австрійскіе генералы были постепенно вытѣсняемы изъ своихъ позицій, движеніе неудержимо разливалось, и 25-го апрѣля 1606 г. Рудольфъ былъ вынужденъ подписать Вѣнскій мирный договоръ. Кромѣ другихъ политическихъ уступокъ, этимъ договоромъ были возстановлены изданные при Фердинандѣ I и Максимиліанѣ II законы относительно религіозныхъ дѣлъ, и Стефанъ Бочкай былъ признанъ Седмиградскимъ княземъ; но такъ какъ въ томъ же 1606 году Стефанъ умеръ, то Рудольфъ рѣшился на малодушный поступокъ и объявилъ только-что заключенный миръ не имѣющимъ силы, такъ какъ миръ этотъ былъ вынужденный. Венгерскіе чины возмутились противъ такой мѣры; на ихъ сторону сталъ самъ эрцгерцогъ Максимиліанъ, и такимъ образомъ возникли тѣ замѣшательства, которыя повели къ низложенію Рудольфа. Вслѣдствіе

всѣхъ этихъ событій маленькое Седмиградское княжество заняло весьма важное положеніе и потомъ цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ пользовалось значительнымъ вліяніемъ на общественныя дѣла Венгріи.

Въ 1613 году ходъ событій поставилъ, наконецъ, во главѣ Седмиградскаго княжества геніальнаго человѣка, который хорошо разчитанными мѣрами и своими полководческими дарованіями сумѣлъ поддерживать равновѣсіе между Австрійскою имперіей и Оттоманскою Портой и доставилъ своему небольшому государству почти европейское значеніе. Конечно, нельзя отрицать, что не будь затрудненій, въ которыя Вѣнскій дворъ былъ вовлеченъ Тридцатилѣтнею войною, то Гавріилъ Бетленъ (по мадьярски Бетленъ-Габóръ) никакъ не могъ бы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ; но и при этомъ ограниченіи всетаки дѣятельность его составляетъ явленіе необычайное. Твердою рукою взялъ онъ бразды правленія; дѣйствуя съ примѣрнымъ благоразуміемъ, быстро нашелъ онъ средства для своихъ цѣлей и приводилъ ихъ въ исполненіе, постоянно соображаясь съ современными обстоятельствами и съ мѣрою своихъ силъ. Онъ имѣлъ въ виду сдѣлаться Венгерскимъ королемъ; когда же это намѣреніе встрѣтило неодолимыя препятствія, то старался по крайней мѣрѣ утвердить независимость своего княжества и по возможности увеличить его. Поэтому его обвиняли въ чрезмѣрномъ честолюбіи; но честолюбіе есть не иное что̀ какъ сильное побужденіе къ дѣятельности: безъ него многое великое было бы вычеркнуто изъ исторіи. Нельзя не сознаться, что иногда Бетленъ нарушалъ свое слово и часто дѣйствовалъ двулично; но обстоятельства вынуждали его тщательно скрывать свои намѣренія; притомъ неправда и притворство были вообще характеристическою чертою того времени. Мужественно защищая права протестантовъ, онъ навлекъ на себя ненависть римской церкви, а въ послѣдствіи, терпя іезуитовъ, сдѣлался подозрительнымъ и протестантамъ; но въ сущности этимъ доказывается только то, что государственное единство онъ ставилъ выше религіозныхъ распрей. Истинно великимъ являлся онъ собственно въ исполненіи своихъ предпріятій. Изъ замка своего въ Колошварѣ (Клаузенбургѣ) онъ поддерживалъ дѣятельныя и непосредственныя сношенія почти со всѣми европейскими дворами; получалъ самыя точныя свѣдѣнія о происшествіяхъ во всѣхъ государствахъ, и угадывая готовящіяся событія, соображалъ съ ними всѣ свои мѣры. Умѣя съ разу разгадывать планы своихъ противниковъ и предупреждать ихъ внезапнымъ противодѣйствіемъ, онъ съ быстротою молніи велъ на непріятеля свои войска

въ удобнѣйшее для себя время. Онъ никогда не вдавался въ значительное сраженіе, не будучи заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ, и уклонялся отъ всякой битвы, при которой могли бы быть преданы на произволъ случая и счастія его слава, средства и войска. Такимъ образомъ, дѣйствуя попеременно то энергическими ударами, то ловкими переговорами, онъ выдержалъ противъ Фердинанда II три счастливыя войны. По Никольсбургскому договору 6-го января 1622 г., договору, который составлялъ существенную основу и позднѣйшихъ мирныхъ трактатовъ, были вновь подтверждены законы сейма, права и религіозныя вольности въ томъ видѣ, въ какомъ они были постановлены частію Вѣнскимъ мирнымъ трактатомъ 1606 г., частію условіями, на которыхъ въ 1608 г. состоялся выборъ короля Матвѣя, а также и другими узаконеніями. Бетленъ отказался отъ королевскаго титула, но за то получилъ шесть комитатовъ въ сѣверной Венгріи и княжества Ополье (Оппельнъ) и Ратиборъ въ Силезіи съ титуломъ германскаго имперскаго князя. Бетленъ продолжалъ и потомъ заниматься великими предначертаніями; но смерть застигла его на пятидесятомъ году жизни, 15-го ноября 1629 г., передъ самымъ началомъ войны съ Густавомъ Адольфомъ. Представленное Іосифомъ Гаммеромъ изображеніе этого замѣчательнаго человѣка принадлежитъ къ высокопарнымъ каррикатурамъ, нерѣдко встрѣчающимся у этого историка, и потому тѣ простыя слова, которыми Владиславъ Салай характеризуетъ Бетлена, будутъ здѣсь не лишни: „Управленіе Бетлена, говоритъ онъ, было не чуждо внутренняго и внѣшняго величія, и особенный блескъ придаетъ ему то обстоятельство, что способности свои онъ могъ развернуть лишь на весьма тѣсномъ поприщѣ. Еслибъ онъ стоялъ во главѣ обширнаго государства, то двусмысленныя черты его характера явились бы въ свѣтѣ болѣе благовидномъ. У его современниковъ мы напрасно стали бы искать той умѣренности и вѣротерпимости, которыя онъ обнаружилъ. Онъ водворилъ справедливость и законность въ судахъ, порядокъ во всѣхъ отрасляхъ управленія, дисциплину въ арміи; съ усердіемъ заботился о защитѣ границъ, о поддержаніи бурговъ и пограничныхъ форпостовъ. Значительные успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ и горномъ дѣлѣ, а также выстроенные имъ княжескіе дворцы въ Гіулафейерварѣ, Радмотѣ, Альвинчѣ, Балашфальвѣ, Варадѣ, свидѣтельствуютъ о его свѣдѣніяхъ и любви къ изящному. Онъ очень заботился о наукахъ, и въ послѣдній годъ своей жизни пригласилъ Альштеда, Бистерфельда и Опица (людей, почетно извѣстныхъ въ области нѣмецкой литературы

того времени) украсить собою Гіулафейерварскую академію. Это заведеніе, въ послѣдствіи перенесенное въ Нагіеньедъ (Nagyenyéd), и теперь еще свидѣтельствуетъ объ уваженіи, которое Бетленъ питалъ къ наукѣ, и о его истинно царственной щедрости. Онъ былъ очень преданъ единству мадьярскаго племени и пламенно желалъ вновь соединить расторгнутое отечество; но, къ сожалѣнію, исполнить это было не въ его власти, такъ какъ совершеніе подобнаго подвига превышало силы Седмиградскаго княжества, и сверхъ того при турецкомъ покровительствѣ противорѣчило направленію вѣка, которое влекло Мадьяръ къ союзу съ Германскою имперіей". Положеніе, въ которое Бетленъ поставилъ свою страну, удержалось и послѣ его смерти, хотя онъ не оставилъ сына, которому могъ бы передать свои семейные интересы и свое правительственное искусство. Преемникомъ его былъ Георгъ Ракоци, далеко не равнявшійся съ нимъ способностями: онъ не обладалъ ни тѣмъ знаніемъ людей, какимъ въ высшей степени отличался Бетленъ, ни его быстротою взгляда, и не имѣлъ тѣхъ благородныхъ качествъ, которыми Бетленъ умѣлъ привлечь къ себѣ всѣ слои своего народа; тѣмъ не менѣе Ракоци сначала сумѣлъ вполнѣ воспользоваться плодами трудовъ своего предшественника. Съ Портою онъ состоялъ въ благопріятныхъ отношеніяхъ, сохранялъ внѣшній видъ подчиненности, къ которому прибѣгалъ и Бетленъ, разумѣется, безъ униженія и съ благоразумною изворотливостію; съ другой стороны Ракоци былъ огражденъ отъ внѣшнихъ нападеній, имѣя во всякое время готовую къ бою армію, состоявшую подъ начальствомъ генераловъ, вышедшихъ изъ школы Бетлена; кромѣ того сначала Ракоци воздерживался отъ всякаго вмѣшательства во внѣшнія дѣла, имѣя преимущественно въ виду утвердить наслѣдіе власти за своею семьей. Весь ходъ его управленія обѣщалъ продолжительный миръ; но вдругъ блистательныя побѣды шведскаго генерала Торстенсона и тайныя подстреканія французскаго посланника побудили его къ разрыву съ Австріей. Мало того, что сдѣлавъ это, онъ поступилъ неблагоразумно и непредусмотрительно; но онъ не обладалъ рѣдкою способностью Бетлена быстро пользоваться мимолетными выгодами, не страшиться никакихъ жертвъ и съ хладнокровнымъ присутствіемъ духа переносить неожиданные удары судьбы. Наконецъ, онъ былъ скупъ, и ему не приходило въ голову ознакомиться съ тайными путями, которыми можно было достигнуть благорасположенія Константинопольскаго сераля. Своимъ неблагоразуміемъ и слабостью онъ вскорѣ поставилъ себя въ стѣсненное положеніе и только опасному

положенію Австріи былъ обязанъ заключеніемъ Линцскаго мирнаго трактата (16-го декабря 1645), который можно еще считать важнымъ успѣхомъ для Венгріи, такъ какъ имъ яснѣе были опредѣлены прежніе мирные договоры. Трактатъ 16-го декабря 1645 подтверждалъ во всей силѣ 1-ю статью закона, изданнаго сеймомъ въ 1608 г., относящуюся къ свободѣ вѣроисповѣданія, а также 6-ю статью этого закона, и дозволялъ всѣмъ сословіямъ государства, жителямъ городовъ и селъ, равно какъ военнымъ поселенцамъ въ пограничныхъ мѣстахъ, свободно и безпрепятственно отправлять свое богослуженіе, имѣть свои церкви, колокола и кладбища. Такая же свобода была предоставлена и крестьянамъ (jobbágysag) въ помѣстьяхъ фискальныхъ, принадлежавшихъ высшему духовенству, и дворянскихъ. Евангелическихъ пасторовъ запрещено было изгонять; если же гдѣ они были уже изгнаны, жителямъ предоставлялось или возвратить изгнанныхъ, или принять на ихъ мѣсто другихъ. Отнятыя обоюдно церкви было условлено возвратить вмѣстѣ съ ихъ доходами прежнимъ прихожанамъ. Опредѣлено также, чтобы жалобы, заявленныя въ 1638 г. лицами евангелическаго исповѣданія, и жалобы, поступившія отъ нихъ послѣ того, были рѣшены примирительно для успокоенія протестантовъ, или будущимъ сеймомъ, или самимъ королемъ. Тому же сейму, который долженъ былъ собраться по прошествіи трехъ мѣсяцевъ послѣ размѣна мирнаго договора, поручено было назначить наказаніе нарушителямъ свободы вѣроисповѣданія, а статьи Линцскаго мирнаго трактата внести въ число законныхъ декретовъ.

11. Леопольдъ I и Вашварскій миръ. Посягательства на конституцію и свободу вѣроисповѣданія.

Вестфальскій миръ былъ заключенъ не потому, чтобы враждовавшія стороны въ самомъ дѣлѣ примирились между собою, а потому, что государства и правительства были совершенно истощены и чувствовали крайнюю потребность въ мирѣ и спокойствіи. Это было временное соглашеніе, признавшее факты, созданные силою оружія и военнымъ счастіемъ. Разладъ продолжался въ Европѣ по прежнему, и почти съ самаго дня, когда миръ былъ подписанъ, всѣ почти правительства неутомимо стремились къ тому, чтобы опять поколебать основы этого мира. Достигнуто было только одно. Религіозныя партіи были удовлетворены; ихъ области отдѣлены одна отъ другой; ихъ стремленія заключены въ ихъ собственную сферу. Мѣсто религіозныхъ поводовъ, которымъ давалось до сихъ поръ, хотя только для

вида, главное значеніе, заняли политическія побужденія. Это явленіе въ маломъ видѣ повторилось и въ Венгріи, смуты которой вообще представляли только эпизодъ Тридцатилѣтней войны, хотя борьба между Турціей и Австріей, религіозные споры и защита національныхъ учрежденій придавали имъ особенный колоритъ. Сначала впрочемъ элементы вражды какъ бы замолкли. Какъ въ Германіи и большей части европейскихъ государствъ за мирными договорами Мюнстерскимъ и Оснабрюкскимъ, такъ и въ Венгріи за трактатомъ Линцскимъ, послѣдовало нѣсколько мирныхъ годовъ, въ продолженіе которыхъ всѣ старались по возможности приноровиться къ новосозданному положенію. Сверхъ того и Порта, по вышеизложеннымъ причинамъ, все еще обнаруживала самое мирное настроеніе. Уже по Житваторокскому (въ 1606) миру, столь важному для Венгріи, Порта отступилась отъ требованія дани съ Австріи и признала Габсбургскихъ государей Венгерскими королями въ тѣхъ частяхъ страны, которыя находились въ ихъ владѣніи. На основаніи этого же самаго мирнаго договора, послѣ нѣкоторыхъ недоразумѣній, она заключила Джярматскій трактатъ и оба трактата въ Сёни, послѣдній въ 1642, — обѣщая двадцать лѣтъ не нарушать мира. Притомъ Седмиградскому княжескому дому обстоятельства предписывали сохранять дружественныя отношенія къ его сосѣдямъ, если только онъ хотѣлъ утвердить свою власть въ княжествѣ и оградить послѣднее отъ внѣшнихъ опасностей. Наконецъ, и самъ Фердинандъ III имѣлъ весьма важныя причины дѣйствовать какъ можно снисходительнѣе и осторожнѣе. Венгрія все еще имѣла право избирать себѣ государей, и хотя до сихъ поръ большинство націи твердо держалось Габсбургскаго дома, однако на ряду съ королемъ изъ этого дома, могъ быть выбранъ король изъ какой-нибудь другой среды, а раздвоеніе верховной власти, при господствовавшихъ тогда обстоятельствахъ, было еще опаснѣе, чѣмъ полное устраненіе Габсбурговъ. Поэтому императоръ долженъ былъ всячески поблажать всѣмъ партіямъ, дабы обезпечить выборъ себѣ въ преемники своего сына Фердинанда; а такъ какъ Фердинандъ умеръ прежде его, то императору пришлось опять заботиться о выборѣ своего втораго сына Леопольда. Многіе важные вопросы, особенно же религіозный, не смотря на всѣ настоянія протестантскихъ членовъ сейма, были оставлены нерѣшенными. Еще прежде нежели Леопольдъ I вступилъ въ управленіе, Седмиградскій князь Георгъ Ракоци, своимъ опрометчивымъ образомъ дѣйствія, опять возбудилъ броженіе между враждовавшими элементами. Соблазнясь обѣщаніями Шведскаго короля Карла-Гу-

ства и ослѣпленный собственнымъ честолюбіемъ, онъ допустилъ вовлечь себя въ войну съ Польшею, надѣясь пріобрѣсти при этомъ случаѣ въ свою пользу порядочную часть польской земли. Но Данія помѣшала Карлу-Густаву; все предпріятіе рушилось, и Ракоци поссорился по этому случаю съ Портою. Напрасно просилъ онъ помощи у Венгріи: король и народъ оставили его на произволъ судьбы, не рѣшаясь на войну съ Турками. Мая 22-го 1660 г. Ракоци былъ совершенно разбитъ при Колошварѣ (Клаузенбургѣ), тяжело раненъ и черезъ нѣсколько дней послѣ битвы умеръ. Тогда Офенскій паша, Сиди-Али, двинулся къ городу Великому-Варадину (Наги-Вараду), и между тѣмъ какъ австрійскій генералъ Сухесъ (Souches) терялъ драгоцѣнное время въ ничтожныхъ переговорахъ, этотъ городъ и его крѣпость, въ высшей степени важные по своему положенію, были взяты Турками 28-го августа 1660 года.

Вслѣдъ за этими событіями вдругъ выступили наружу несогласія, до тѣхъ поръ только прикрытыя, но не устраненныя трактатами. Нарушеніе важнѣйшихъ правъ и вольностей, вялая борьба съ Турками, ради изгнанія которыхъ Венгерцы только и согласились вступить въ соединеніе съ Австрійскою имперіей, явное стремленіе Вѣнскаго кабинета прежде поработить Мадьяръ, а потомъ уже низложить Турокъ — все это повело къ образованію большой партіи, ожидавшей освобожденія отечества единственно отъ самаго Венгерскаго государства, отъ мужественнаго совокупнаго дѣйствія всѣхъ жителей Венгріи. Во главѣ этой партіи стоялъ тогдашній банъ Хорватіи Николай Црини Шубичъ, правнукъ Сигетскаго героя, человѣкъ одинаково отличавшійся дарованіями полководца, государственнаго мужа и писателя. Онъ нисколько не враждовалъ противъ царственнаго положенія Габсбургскаго дома и противъ власти Австріи вообще; но съ рѣшительною откровенностію возсталъ противъ орудій этого дома и ихъ тайныхъ и явныхъ махинацій. Онъ надѣялся, что императоръ, почитая себя въ Венгріи венгерскимъ государемъ, станетъ во главѣ націи и преимущественно венгерскими силами изгонитъ вторгшагося въ отечество врага. Онъ считалъ это возможнымъ, и дѣйствительно, превосходныя оборонительныя мѣры, принятыя имъ во ввѣренной его управленію области, оправдывали его самоувѣренность. Николай Црини, можетъ-быть, обманывался насчетъ истиннаго положенія Венгріи, такъ какъ частыя обращенія сейма за помощью къ Нѣмецкой имперіи доказывали, что сеймъ не считалъ достаточными собственныхъ силъ Венгріи; онъ могъ также ошибаться и относительно возможности

соединить всю націю, такъ какъ примиреніе между послѣдователями разныхъ вѣроисповѣданій не было еще дѣйствительно твердо, и отчужденіе Седмиградскаго княжества еще продолжалось. Но онъ нисколько не обманывался относительно затаенныхъ мыслей императорскаго двора, которому было бы до крайности непріятно, если бы Венгрія освободилась отъ Турокъ собственными силами. Этотъ дворъ вездѣ, гдѣ было можно, старался водворять въ Венгріи иностранныхъ чиновниковъ; онъ наводнилъ страну иноземною солдатчиною, начальники которой дѣйствовали повелительно и отстраняли насмѣшливо венгерскихъ генераловъ и ихъ войска. Сеймъ безпрерывно жаловался на эти злоупотребленія.

Такой образъ дѣйствій Вѣнскаго двора былъ несправедливъ и неоснователенъ, такъ какъ позднѣйшія событія доказали, что и Австрія одними собственными силами не могла освободить Венгрію отъ турецкаго владычества; этотъ образъ дѣйствій былъ и въ политическомъ отношеніи неразуменъ, потому что оскорблялъ національное чувство и распространялъ духъ законнаго, конституціоннаго сопротивленія до самыхъ низшихъ слоевъ общества.

Но австрійскій дворъ наконецъ обнаружилъ свои тайныя намѣренія тѣмъ образомъ дѣйствій, который онъ усвоилъ себѣ относительно церковныхъ дѣлъ. При Фердинандѣ III, который преимущественно заботился только о томъ, чтобъ утвердить господство своего дома въ Венгріи, религіозный вопросъ былъ оставленъ безъ рѣшенія, и его даже не затрогивали. Правда, Фердинандъ не оказывалъ явной вражды къ протестантамъ, но и не привелъ въ законное исполненіе условій мирныхъ трактатовъ Вѣнскаго и Линцскаго, успокоивая умы надеждами на будущее и любезностями. Но когда на тронъ вступилъ Леопольдъ I, на котораго католическое духовенство имѣло весьма сильное вліяніе, то римская курія немедленно употребила всѣ свои усилія, чтобы возвратить себѣ все, что она утратила въ Венгріи. Покорнымъ орудіемъ ея сдѣлался тогдашній обергофмейстеръ графъ Іоаннъ Фердинандъ Порціа изъ Фріуля. Въ прочихъ наслѣдственныхъ земляхъ Габсбургскаго дома всѣ слѣды реформаціи были весьма легко изглажены, и это внушило куріи соблазнительную надежду, что то же самое можетъ быть совершено и въ Венгріи. Впрочемъ, не смотря на всѣ заблужденія, которымъ правительство предавалось по этому предмету, оно достаточно знало характеръ венгерскаго народа и не рѣшалось приступить въ Венгріи къ тѣмъ же средствамъ, къ которымъ прибѣгало въ другихъ австрійскихъ земляхъ. Стараясь

выиграть время, оно испытывало, развѣдывало, надѣялось утомить противниковъ и вводило предположенныя мѣры лишь понемногу, дабы уже подъ конецъ съ полною увѣренностью нанести рѣшительный ударъ. Сперва оно только не мѣшало магнатамъ, которые, обратившись при Пазмани въ большомъ числѣ въ католичество, принуждали, вопреки договорамъ, и крестьянъ своихъ опять вступить въ лоно католической церкви. Каждый разъ, когда протестантскіе члены сейма настаивали на окончательномъ исполненіи трактатовъ Вѣнскаго и Линцскаго, правительство указывало имъ на опасность, угрожающую отъ Турокъ. „Умѣстно ли, говорило оно, въ виду столь важныхъ опасностей, спорить о религіозныхъ дѣлахъ, и этимъ нарушать спокойный ходъ дѣлъ на сеймѣ? Неужели члены евангелическаго исповѣданія не имѣютъ на столько любви къ отечеству, чтобъ отложить второстепенные вопросы до тѣхъ поръ, пока настанутъ времена мирныя, когда отечество возвратитъ себѣ полную независимость"? Протестанты отвѣчали просто и совершенно здравомысленно, что освобожденіе отъ турецкаго ига зависитъ отъ дѣйствія соединенныхъ силъ Венгріи, а такое дѣйствіе не можетъ послѣдовать безъ удовлетворенія законныхъ требованій націи; поэтому они тѣмъ упорнѣе настаивали на исполненіи своихъ требованій. Если же ужь нечего было отвѣчать на доводы просителей, то имъ говорили: „Да законы въ вашихъ рукахъ, дѣло идетъ только объ исполненіи законовъ; обращайтесь къ комитатамъ и постарайтесь, чтобы комитаты озаботились этимъ исполненіемъ". Въ комитатахъ же всѣ высшія должности были замѣщаемы самыми отъявленными противниками реформаціи. Подъ рукою правительство давало довольно ясно разумѣть, что оно не считаетъ для себя обязательными трактаты Вѣнскій и Линцскій, такъ какъ эти трактаты были у него исторгнуты силою оружія. Разумѣется, правительство не отважилось офиціально высказывать это мнѣніе въ видѣ своего собственнаго, но тѣмъ усерднѣе оно было распространяемо его фанатическими пособниками. Такимъ образомъ австрійскій дворъ поступалъ съ собственными подданными, требовавшими только того, на что они имѣли законное право, и не выходившими изъ предѣловъ начертанныхъ конституціей, какъ съ безсловеснымъ стадомъ, и въ добавокъ еще обергофмейстеръ графъ Порціа, человѣкъ самый пустой и малоумный, взялся заявить и заявилъ венгерскимъ протестантамъ, отъ имени его величества высочайшее неудовольствіе. Надежда Вѣнскаго двора вынудить Венгерцевъ угрозами къ малодушной покорности оказалась совершенно несбыточною; но это заблужденіе стоило

потоковъ крови, вызвало возстаніе, и подъ конецъ угрожало даже самому Габсбургскому дому величайшими опасностями. Вожди венгерскихъ протестантовъ, которые ни на минуту не ошибались относительно намѣренія своихъ противниковъ изъять изъ совѣщаній на сеймѣ религіозныя дѣла и подчинить ихъ дисциплинарной власти правительства, продолжали твердо и непоколебимо настаивать на строгомъ исполненіи трактатовъ и даже объявили, что безъ того они не примутъ участія въ совѣщаніяхъ сейма. Свое благоразуміе и предусмотрительность они доказали тѣмъ, что при каждомъ обсужденіи церковныхъ догматовъ уклонялись отъ какихъ бы то ни было богословскихъ преній и просто требовали только полной вѣротерпимости, настаивая, чтобъ эта вѣротерпимость была почитаема не милостью монарха, но законнымъ правомъ свободныхъ гражданъ государства. Такая непоколебимая настойчивость протестантовъ на ихъ требованіи повела къ тому, что наконецъ ихъ дѣло обратилось въ предметъ, тѣсно связанный съ конституціей и общественнымъ правомъ, а потому на ихъ сторону перешли даже многіе вліятельные католики. Уже Николай Црини, прощаясь съ евангелическими депутатами при отъѣздѣ ихъ изъ Пожуна, сказалъ слѣдующія достойныя истиннаго государственнаго человѣка слова: „Я принадлежу не къ той религіи, къ какой вы, но ваша свобода есть и моя свобода, и несправедливость, оказываемая вамъ, оказывается и мнѣ. Если бы король при ста тысячахъ католическихъ воиновъ имѣлъ еще сто тысячъ лютеранскихъ и сто тысячъ кальвинистскихъ, то они совокупными силами непремѣнно освободили бы отечество“! Всѣ эти спорные вопросы развились изъ сеймовыхъ совѣщаній 1659 и 1662 годовъ, о которыхъ Салай разказываетъ совокупно, и содержали зародыши и начала запутанныхъ распрей, которыми исполнена венгерская исторія слѣдовавшихъ за тѣмъ десятилѣтій.

Непосредственно послѣ сейма 1662 года общественное мнѣніе страны сильно взволновалось; народъ проникся недовѣрчивостію, пустившею глубокіе корни; недостатокъ самоувѣренности оковывалъ всѣ дѣйствія правительства. При такомъ неблагопріятномъ внутреннемъ положеніи Австріи и Венгріи вспыхнула въ добавокъ война съ Турками, въ которую и народъ, и правительство были вовлечены почти противъ воли. Воинственный и весьма даровитый великій визирь Ахмедъ Кеприли выступилъ, весною 1663 года, во главѣ своей арміи въ походъ противъ Венгріи, отвергъ всѣ предложенія мирныхъ переговоровъ, овладѣлъ 25-го сентября Ершекуйваромъ (Neuhäusel), уже

тревожилъ своими легкими разъѣздами Моравію и этимъ вынудилъ къ бездѣйствію осторожнаго австрійскаго военачальника Монтекукули. Походъ 1664 года открылся при болѣе благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Паденіе Ершекуйвара, этого твердаго оплота противъ Турокъ, изумило и напугало всѣ христіанскія государства Европы: многія изъ нихъ рѣшились поддержать Австрію вспомогательными войсками. Между тѣмъ какъ Црини энергически и умно отстаивалъ свою позицію въ юго-западной Венгріи, Монтекукули 1-го августа 1664 года одержалъ надъ Ахмедомъ Кеприли рѣшительную побѣду при С.-Готардѣ на Раабѣ,—побѣду, въ которой, кромѣ австрійскихъ полковъ и венгерской кавалеріи, участвовали войска Германской имперіи подъ начальствомъ Леопольда Баденскаго, и 7.000 Французовъ подъ командою Колиньи. Тогда надежды всѣхъ друзей отечества оживились: уже думали, что настало время всѣмъ соединеннымъ силамъ націи двинуться, подъ искуснымъ предводительствомъ, противъ Турокъ, какъ вдругъ всѣ эти прекрасныя предположенія были уничтожены миромъ, который Леопольдъ заключилъ 10-го августа въ Вашварѣ и подписалъ 27-го сентября. Этотъ миръ былъ оскорбителенъ для націи, вопервыхъ, своими условіями: Нагиварадъ и Ешекуйваръ, слѣдственно восточный и западный оплоты страны, да сверхъ того Зеринваръ и Секелигидъ, были на двадцать лѣтъ оставлены въ рукахъ Турокъ; вовторыхъ, онъ былъ оскорбителенъ и по формѣ, такъ какъ его заключили, не посовѣтовавшись съ венгерскими коронными чиновниками и не обративъ ни малѣйшаго вниманія на интересы Венгріи. Не только послѣ побѣды, но и послѣ совершеннаго пораженія, нельзя было согласиться на столь унизительныя условія. Съ этихъ поръ будущность Венгріи сильно омрачилась. Благородный Николай Црини, пораженный скорбью объ утратѣ основаннаго имъ самимъ Зеринвара, удалился въ свой родовой замокъ Чакторня и въ томъ же году окончилъ свою жизнь трагическою смертью. Многочисленная австрійская партія совершенно распалась; почетнѣйшіе Венгерцы удалились отъ двора, и въ числѣ ихъ даже Николай Веселени, состоявшій до того времени въ должности надора. Начались тайныя совѣщанія; постепенно образовался обширный заговоръ, участники котораго замышляли просить иностранной помощи и даже вступить въ союзъ съ Турками, если министры императора не обратятся вполнѣ на конституціонный путь. Предпріятіе не было лишено поддержки: вся нація была сильно взволнована; протестанты и жители Седмиградскаго княжества были готовы къ возстанію. Но вдругъ умеръ Веселени, и заговорщики ли-

шились вождя, способнаго удачно повести дѣло. Заговоръ рушился, такъ какъ успѣху его помѣшало личное честолюбіе нѣкоторыхъ участниковъ. Многіе зачинщики, члены важнѣйшихъ фамилій, погибли въ 1671 году на эшафотѣ, какъ государственные измѣнники, и въ томъ числѣ Петръ Црини, братъ знаменитаго бана Хорватіи. Но этимъ не ограничились лица, имѣвшія въ своихъ рукахъ власть и помышлявшія больше всего объ уничтоженіи свободы венгерскаго народа. Князь Лобковичъ и Гохеръ, его помощникъ по министерству, наводнили страну новыми толпами солдатъ, которыхъ грабежи довели жителей до отчаянія. Правительство не обращало вниманія ни на протестаціи комитатовъ, ни даже на мольбы и ходатайство высшаго католическаго духовенства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого были новыя безпокойства и мятежи, подавленные съ чрезвычайными жестокостями и послужившіе предлогомъ для отмѣны разныхъ конституціонныхъ учрежденій. Такъ, напримѣръ, отмѣнено званіе надора и королевскаго намѣстника, и правителемъ Венгріи назначенъ Каспаръ Ампрингенъ, гросмейстеръ Нѣмецкаго ордена. Невыносимая тиранія этого властолюбиваго человѣка вызвала новые заговоры. Тогда наконецъ сдѣланы были попытки совершенно искоренить протестантство. Въ 1674 году, въ Пресбургѣ (Пожунѣ) осудили на смерть разомъ триста евангелическихъ пасторовъ. Правда, милостію императора, это наказаніе было замѣнено тѣмъ, что по большей части имъ было предоставлено на выборъ или отказаться отъ своего званія, или выѣхать изъ государства; но тѣмъ не менѣе до семидесяти пасторовъ были отчасти заключены въ тюрьмы, отчасти сосланы на галеры въ Тріестъ и Неаполь. Но все было безполезно! Внутреннее сопротивленіе не ослабѣло; вся нація раздѣлилась на двѣ большія партіи: раболѣпныхъ слугъ правительства и мятежниковъ. Стало нѣсколько лучше, когда было доказано, что князь Лобковичъ во множествѣ случаевъ превысилъ данное ему полномочіе, и когда это повело къ удаленію его отъ должности. Угрожаемый Франціей, императоръ Леопольдъ созвалъ въ 1676 году въ Вѣнѣ венгерскій сеймъ и пытался добиться примиренія; но переговоры не имѣли успѣха. Созванное собраніе было составлено изъ вѣрнѣйшихъ и самыхъ усердныхъ приверженцевъ австрійскаго дома; но и они потребовали прежде всего возстановленія званія надора и конституціонныхъ учрежденій, не согласовавшихся съ видами императора. Въ Вѣнѣ заботились только о томъ, чтобы выпутаться изъ временнаго затрудненія и ни за что не хотѣли отказаться отъ самовластія.

12. Борьба за свободу подъ предводительствомъ Эмериха (Мирка) Текели, до установленія права преемственнаго престолонаслѣдія въ мужескомъ потомствѣ Габсбургскаго дома.

Около этого времени начался тотъ обширный, достопамятный мятежъ, который сначала проявлялся лишь въ мелкихъ событіяхъ, но вскорѣ принялъ болѣе обширные размѣры, и наконецъ, получилъ европейское значеніе. Онъ повелъ ко вмѣшательству Франціи и напослѣдокъ превратился въ продолжительную, упорную войну съ Портою,— войну, которая послѣ изумительныхъ колебаній военнаго счастья кончилась въ исходѣ столѣтія совершеннымъ освобожденіемъ Венгріи отъ турецкаго ига. При началѣ мятежа вождемъ его былъ Михаилъ Текели; но вскорѣ средоточіемъ и главою всего движенія сдѣлался Эмерихъ Текели. Предки этого замѣчательнаго человѣка еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ были простыми немешами, и только прадѣдъ его Себастіанъ Текели пріобрѣлъ, посредствомъ обширной торговли лошадьми, весьма большіе капиталы. Разбогатѣвъ, онъ купилъ въ 1579 году помѣстье Лашки, вступилъ посредствомъ женитьбы въ близкое родство съ домами Батіани, Надажди и Форгачей; въ 1598 году, чрезвычайно отличившись при взятіи Гіора (Рааба), былъ возведенъ, съ титуломъ барона, въ сословіе магнатовъ и во времена Бочкая занялъ важное мѣсто въ средѣ протестантскихъ чиновъ верхней Венгріи. Съ тѣхъ поръ богатство этого семейства безпрерывно возрастало. Отецъ Эмериха, Стефанъ Текели, получилъ кромѣ того въ приданое за своею женой весьма большія помѣстья въ Седмиградскомъ княжествѣ. Этотъ самый Стефанъ, будучи искреннимъ другомъ Веселени и Надажди, помогалъ ихъ предпріятію значительными денежными суммами. Въ 1670 году онъ заперся въ крѣпостцѣ Арва и умеръ въ то самое мгновеніе, когда, по приказу короля, Павелъ Эстергази готовился взять крѣпость приступомъ. Получивъ это извѣстіе, тринадцати-лѣтній Эмерихъ Текели, котораго отецъ отослалъ въ крѣпостцу Ликаву, въ Липтовскомъ комитатѣ, удалился въ материнскія помѣстья въ Седмиградскомъ княжествѣ. Уже въ такихъ молодыхъ лѣтахъ онъ оказалъ необыкновенныя способности, которыя были притомъ развиты превосходнымъ воспитаніемъ. Эти умственныя преимущества, а также чрезвычайно большое состояніе, которое вскорѣ еще значительно увеличилось новымъ наслѣдствомъ въ Мармарошскомъ комитатѣ, обратили на него общественное вниманіе. Если принять въ соображеніе, что богатыя помѣстья этого семейства были

разсѣяны отъ береговъ Вага до Седмиградскаго княжества, слѣдственно, въ тѣхъ самыхъ комитатахъ, которые до тѣхъ поръ составляли главное поприще борьбы за религіозную и политическую свободу, и что семейство Текели преемственно участвовало въ этой борьбѣ, то легко понять, почему Эмерихъ Текели вскорѣ сдѣлался главою всѣхъ обиженныхъ, изгнанныхъ, опальныхъ и недовольныхъ (bujdosók) и средоточіемъ всѣхъ ихъ попытокъ. Въ 1678 году, когда онъ сталъ во главѣ движенія, ему было двадцать одинъ годъ отъ роду. Въ это время дѣятельность Австріи была парализована: императоръ, какъ глава Германской имперіи, еще былъ въ войнѣ съ Франціей, которая дѣйствовала весьма удачно при помощи новыхъ военныхъ изобрѣтеній, отличныхъ генераловъ и тонкой двуличной дипломатіи. Людовикъ XIV поддерживалъ мятежъ въ Венгріи деньгами и вспомогательными войсками. Опираясь на такой порядокъ вещей, *куруци* (kuruczen, то-есть, возставшіе) прежде всего требовали полной амнистіи и возвращенія конфискованныхъ имуществъ, возстановленія званія надора и государственныхъ вольностей, признанія правъ евангелическихъ церквей, изгнанія іезуитовъ, замѣщенія должностей въ королевской камерѣ природными Венгерцами и вообще завѣдыванія государственными дѣлами при законномъ посредствѣ сейма. Различныя превратности долголѣтней междуусобной войны, поперемѣнныя побѣды то куруцей, то императорскихъ войскъ, надежды на иностранное пособіе, нерѣдко не сбывавшіяся, частыя перемирія и безплодныя попытки примиренія, закоренѣлыя привычки самовластія и честолюбивые замыслы — все это передано у Салая съ поразительною вѣрностью. Въ продолженіе этихъ событій самыя рѣшительныя послѣдствія имѣлъ сеймъ, собравшійся въ Сопронѣ (Эденбургѣ). Именно въ концѣ 1680 года Вѣнскій дворъ получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что не только Французскій король готовитъ новые удары Германіи, но что и на Босфорѣ собираются страшныя грозовыя тучи. Поэтому императоръ счелъ необходимымъ какъ можно скорѣе достигнуть соглашенія съ Венгріей и съ этою цѣлью созвалъ въ 1681 году сеймъ въ Сопронѣ. Предложенія правительства доказывали, что оно желаетъ возстановить внутреннее спокойствіе, ввести дисциплину и порядокъ въ войскѣ, защитить границы государства, улучшить администрацію и судопроизводство, и сдѣлать все это съ помощью сейма. Правительство согласилось на возстановленіе званія надора по выбору сейма, и въ эту должность былъ назначенъ Павелъ Эстергази, постоянно расположенный къ австрійскому дому. Такимъ образомъ пра-

вительство возвратилось къ законнымъ конституціоннымъ основамъ. Пытались также всѣми средствами побудить вождя возстанія, Эмериха Текели, перейдти на сторону короля, и переговоры съ нимъ приняли даже романическій оттѣнокъ; къ нему приступили съ его слабой стороны, именно, со стороны его привязанности къ прекрасной Илонѣ (Еленѣ) Крини, вдовѣ Франца Ракоци II. Но Текели былъ слишкомъ тѣсно связанъ съ Портой и потому безъ ея содѣйствія не могъ согласиться на миръ; австрійскій же дворъ рѣшительно отказался отъ сношеній съ турецкимъ правительствомъ, и сверхъ того не было никакой возможности достигнуть соглашенія по религіознымъ дѣламъ, составлявшимъ жизненный вопросъ для возставшихъ. Протестанты, тотчасъ по открытіи сейма, потребовали, чтобы сеймъ прежде всего обезпечилъ имъ религіозную свободу; но правительство, подъ различными предлогами, воспрепятствовало обсужденію этого вопроса. Правда, оно предлагало протестантамъ довольно значительныя уступки; но эти уступки были ими отвергнуты, и они рѣшительно объявили, что не примутъ участія въ совѣщаніяхъ сейма, прежде чѣмъ будетъ рѣшенъ вопросъ о свободѣ вѣроисповѣданія. Съ перваго взгляда ихъ поступокъ можетъ показаться необъяснимымъ упрямствомъ, такъ какъ даже голландскій посланникъ, очевидно не имѣвшій надобности ихъ обманывать, совѣтовалъ имъ принять уступки правительства; между тѣмъ они правильно обсудили и поняли намѣренія своихъ противниковъ. Позднѣйшія событія доказали, что при дворѣ и въ правительственныхъ сферахъ все еще питали затаенное намѣреніе при первомъ удобномъ случаѣ сокрушить протестантство въ Венгріи. На этотъ разъ, впрочемъ, моральная побѣда осталась на сторонѣ королевскаго правительства. Возвращеніемъ на конституціонный путь оно укрѣпило въ странѣ австрійскую партію, совершенно перетянуло къ себѣ католическихъ членовъ сейма, поставило протестантовъ въ одинокое положеніе и оттѣснило главнаго своего противника Текели на сторону Турокъ. Однако этого было еще недостаточно для отвращенія угрожавшей бури. Текели снова водрузилъ знамя мятежа, завоевалъ въ 1682 году почти всю верхнюю Венгрію, вступилъ въ явный союзъ съ Портой, которая объявила его государемъ Венгріи, и созвалъ сеймъ въ Кашицахъ (Кашау), гдѣ принималъ поздравленіе отъ чиновъ. Затѣмъ великій визирь Кара-Мустафа двинулся съ огромною арміей черезъ Венгрію къ Вѣнѣ и осадилъ этотъ городъ. Австрія подвергалась тогда величайшей опасности, и не смотря на то, что столицу геройски защищалъ Ридигеръ Штарембергъ, она была бы непремѣнно

взята, если бы не подоспѣла во время внѣшняя помощь. 12-го сентября 1683 года, турецкія полчища потерпѣли сильное пораженіе отъ совокупнаго нападенія вспомогательныхъ нѣмецкихъ войскъ подъ командою герцога Карла Лотарингскаго и польской арміи подъ предводительствомъ короля Яна Собѣсскаго. Съ этого удара подъ Вѣною началось постепенное ослабленіе турецкаго могущества. Еще въ томъ же году Турки потерпѣли новое пораженіе при Парканѣ и у нихъ былъ отнятъ Острыгомъ (Гранъ). Правда, осада Буды (Офена), предпринятая Карломъ Лотарингскимъ въ 1684 году, была временно оставлена по причинѣ недостаточности приготовленныхъ для этого предпріятія военныхъ средствъ; но въ 1685 году былъ взятъ важный Эршекуйваръ (Neuhäusel), и военныя дѣйствія Австрійцевъ нашли твердую опору въ самомъ венгерскомъ народѣ, когда Текели поссорился съ турецкими военачальниками и храбрый вождь куруцей, Петнегази, перешелъ на сторону короля. Наконецъ, въ 1686 году началась продолжительная осада Офена, осада столь же достопамятная по геройской защитѣ Турокъ, какъ и по терпѣливому упорству христіанскаго войска. Это войско, для прикрытія своего предпріятія протянувшее свои линіи до Секешфейервара, состояло по прежнему подъ начальствомъ Карла Лотарингскаго и считало въ рядахъ своихъ болѣе 80.000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ 20.000 Мадьяръ и Хорватовъ, были войска Германской имперіи подъ командою курфирста Максимиліана Баварскаго и маркграфа Людовика Баденскаго. Противъ этихъ союзныхъ силъ крѣпость оборонялъ отважный и опытный въ военномъ дѣлѣ Абдурахманъ во главѣ 16.000 воиновъ, закаленныхъ въ бояхъ. Съ 24-го іюня начался цѣлый рядъ приступовъ, продолжавшихся во все лѣто: Абдурахманъ, надѣясь, что городъ будетъ выученъ приближавшимся къ нему великимъ визиремъ, защищался съ безпримѣрнымъ упорствомъ; но наконецъ 2-го сентября союзныя войска, сдѣлавъ общій приступъ, ворвались въ крѣпость по трупамъ гарнизона. За взятіемъ Офена, въ 1687 году, послѣдовала побѣда при Могачѣ и занятіе Седмиградскаго княжества. Всеобщее ликованіе распространилось по всему государству, и только изъ отдаленнаго Шарошскаго комитата донеслись прискорбныя вѣсти объ уголовномъ судѣ въ Пряшовѣ (Еперіесѣ), затѣянномъ презрѣннымъ и кровожаднымъ Карафою.

Хотя война еще не кончилась и далеко было до прочнаго мира съ Турками, однако императоръ счелъ своевременнымъ постараться объ осуществленіи постояннаго намѣренія всѣхъ своихъ предшествен-

никовъ и сдѣлать венгерскую корону наслѣдственнымъ достояніемъ Габсбургскаго дома. Съ этою цѣлью уже 22-го августа, вскорѣ послѣ Могачской битвы, сеймъ былъ созванъ къ 18-му октября 1687 г. въ Пресбургѣ (Пожунѣ). Предложенія короля состояли въ двухъ важныхъ пунктахъ: вопервыхъ, объявить корону Венгріи наслѣдственною по праву первородства въ мужескомъ колѣнѣ Габсбургскаго дома, съ условіемъ однако же, что по пресѣченіи этого мужескаго колѣна право націи самой выбирать себѣ королей снова вступитъ въ силу; и вовторыхъ, отмѣнить постановленіе Золотой Буллы, дававшее епископамъ, магнатамъ и немешамъ право оказывать дѣятельное сопротивленіе тѣмъ распоряженіямъ короля, которыя они сочтутъ незаконными. За эти уступки король обѣщалъ добросовѣстно уважать и поддерживать древнюю конституцію страны, вольности и права какъ сословій, такъ и частныхъ лицъ, признать нераздѣльность венгерской территоріи, стараться о возвращеніи тѣхъ частей ея, которыя еще не были отняты у непріятеля, и наконецъ, посредствомъ общей амнистіи, изъ которой исключался только Текели, вполнѣ возстановить прежній порядокъ вещей. Что касается до перваго изъ этихъ предложеній, то согласію на него благопріятствовало и внѣшнее и внутреннее положеніе государства. Уже при обсужденіи событій, слѣдовавшихъ за смертью императора Сигизмунда, Салай замѣтилъ, что хотя право свободнаго выбора королей, присвоиваемое націей, и восшествіе на престолъ по праву наслѣдства въ принципѣ рѣзко противорѣчили другъ другу, однако въ примѣненіи своемъ нисколько не имѣли вліянія на существовавшій въ дѣйствительности порядокъ вещей и слились какъ бы въ одно нераздѣльное понятіе. Право наслѣдія имѣло и теперь гораздо болѣе силы. Габсбургскіе государи съ самаго начала основывали свои притязанія на венгерскій тронъ на правѣ наслѣдія, а сеймъ столь же рѣшительно поддерживалъ право націи на свободный выборъ королей. Враждебнаго столкновенія между обоими принципами до сихъ поръ избѣгали только тѣмъ, что сеймъ, хотя продолжалъ настаивать на правѣ свободнаго выбора, однако постоянно избиралъ въ короли старшаго (первороднаго) члена Габсбургскаго дома, и наоборотъ, этотъ домъ, хотя и выставлялъ на видъ свое право наслѣдія, не оспаривалъ однако у сейма право свободнаго выбора. Послѣ того какъ австрійское оружіе увѣнчалось столь многими побѣдами, невозможно было ожидать, чтобы Габсбургскій домъ сталъ слабѣе настаивать на своихъ притязаніяхъ, чѣмъ въ прежнее время; можно было даже опасаться, что дальнѣйшее сопротивленіе этимъ

притязаніямъ побудитъ императора принудить сеймъ къ принятію сдѣланнаго ему предложенія, что́ могло имѣть крайне вредныя послѣдствія для конституціонныхъ вольностей страны. Поэтому благоразуміе предписывало лучше добровольно покориться тому, что́ было необходимо, нежели настаивая на правѣ чисто мнимомъ, подвергаться опасности утратить болѣе важныя выгоды. То же самое требовалось и внутреннимъ положеніемъ края. Въ такое время, когда конституціонныя учрежденія, вольности и привилегіи націи постепенно утвердились въ понятіяхъ націи и потому считались ея неизмѣнными, изъ рода въ родъ переходящими, на законѣ основанными преимуществами, нельзя было оставлять одинъ тронъ на волю слѣпаго случая и мимолетныхъ влеченій народнаго представительства. Всѣ понимали, что не слѣдовало дѣлать отечество игралищемъ своекорыстной олигархіи, какъ это уже было тогда въ Польшѣ, и что только водвореніе наслѣдственной монархіи могло повести дворянство къ его истинному назначенію и поставить его на почву національности. Конечно, въ числѣ поводовъ, какими корона сопровождала свои предложенія, были нѣкоторые весьма оскорбительные для націи, и потому большинство сейма не благопріятствовало отмѣнѣ избирательнаго права; но оно промолчало, чувствуя, что не могло бы поддержать своихъ словъ дѣломъ. Притомъ довольно значительная доля высшей аристократіи, по искреннему убѣжденію, благопріятствовала видамъ Габсбургскаго дома, чѣмъ доказала свою политическую прозорливость и зрѣлость, такъ какъ этимъ она обезпечивала себѣ консервативное положеніе, предоставляя въ то же время немешегу поприще свободнаго движенія и иниціативы. Равнымъ образомъ цѣлость и единство венгерской территоріи обезпечивались твердымъ положеніемъ королевскаго дома болѣе, нежели какою бы то ни было другою мѣрою; и сверхъ того тѣмъ же самымъ естественно упрочивался для Венгріи тѣсный союзъ съ нѣмецкими областями Габсбургскаго дома. Въ продолженіе многихъ вѣковъ, не смотря на частыя ссоры и войны, событія болѣе и болѣе сближали оба эти государства, чему много содѣйствовала и прекрасная, широкая рѣка Дунай, протекающая по той и другой странѣ. Чрезъ посредство единаго государя, оба государства вступали въ естественный союзъ относительно внѣшнихъ и международныхъ дѣлъ, тогда какъ внутреннее управленіе, не только на основаніи права, но и въ силу историческаго развитія и несходства національностей, должно было остаться отдѣльнымъ. Что же касается до права опротивленія, дарованнаго Золотою Буллой короля Андрея, то оно

относилось ко времени весьма отдаленному, и въ эту пору составляло лишь законное подтвержденіе того, что̀ издавна фактически существовало въ жизни. Нація могла обойдтись безъ него, не опасаясь никакихъ вредныхъ послѣдствій. Гдѣ конституція проникла въ кровь и плоть народа, тамъ онъ имѣетъ множество средствъ явно поддерживать конституцію, и не пользуясь правомъ возмущаться; а народу, лишенному этой моральной силы, не послужатъ ни къ чему условія договоровъ, существующихъ только на бумагѣ.

Въ историческихъ преданіяхъ сохранилось, что достопамятному государственному акту 1687 года предшествовали, въ присутствіи самого Леопольда, чрезвычайно оживленныя и отчасти запальчивыя совѣщанія его чешскихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ министровъ. Первые и вторые, говоритъ преданіе, заявили при этомъ случаѣ мнѣніе, что Венгрію надобно почитать завоеванною страной, что по причинѣ своего послѣдняго возстанія она утратила навсегда свою конституцію и впредь должна быть управляема непосредственно на основаніи императорскихъ декретовъ. Противъ этого мнѣнія возражали венгерскіе министры, и императоръ подъ конецъ согласился съ ними. Михаилъ Горватъ говоритъ объ этихъ совѣщаніяхъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи своей исторіи; Салай, напротивъ, не сказалъ о нихъ ни слова. Можетъ-быть, онъ думалъ, что простыя пренія, не имѣвшія никакихъ послѣдствій, надобно было исключить изъ ряда дѣйствительныхъ фактовъ, особенно же потому, что за недостаткомъ офиціальныхъ документовъ, хотя можетъ-быть и скрывающихся гдѣ-нибудь въ архивахъ, нельзя о нихъ составить никакого вѣрнаго сужденія. Какъ бы то ни было, однако самое заявленіе императора даетъ поводъ думать, что были какія-то совѣщанія въ упомянутомъ смыслѣ, ибо въ этомъ заявленіи было сказано: „Императоръ дѣлаетъ сіи уступки націи по врожденнымъ ему кротости и милосердію, хотя онъ имѣетъ право дать сему королевству, по собственной волѣ, новые законы, удержать на основаніи военнаго права государство, пріобрѣтенное силою оружія, за собою и своими достославными потомками и управлять имъ, водворивъ въ немъ цѣлесообразные и милосердые законы“. Венгерцы, конечно, могли хладнокровно выслушать это замѣчаніе о королевской власти, такъ какъ самый важный вопросъ для нихъ состоялъ въ признаніи ихъ конституціи, которой упомянутымъ заявленіемъ вновь сообщалась законная сила. Тѣмъ не менѣе вышеозначенная прибавка къ королевскому заявленію плохо прикрывала тайную мысль, которой внутренняя несостоятельность сама собою бро-

сается въ глаза; та же мысль и въ послѣдствіи неоднократно проявлялась въ усиленной мѣрѣ. Король не могъ основательно ссылаться на право завоеванія, на которое онъ указывалъ въ своемъ заявленіи. Очевидно было, что Австрія не могла одними своими силами изгнать Турокъ изъ Венгріи. Она должна была для этого нѣсколько разъ обращаться къ пособію своихъ союзниковъ и въ строгомъ смыслѣ слова не могла говорить о правѣ завоеванія и примѣнять его къ дѣлу безъ согласія этихъ союзниковъ. Одинъ изъ союзниковъ, благородный Собѣсскій, возвращаясь въ Польшу, очень вразумительно сказалъ, что онъ приходилъ за тѣмъ, чтобъ освободить Венгрію, но не за тѣмъ, чтобы сокрушать ея вольности. Притомъ къ союзникамъ Австріи принадлежала преимущественно сама Венгрія. Не она ли ос временъ Мурада I, въ продолженіе полутораста лѣтъ, почти одна, безъ всякаго посторонняго пособія, сдерживала распространеніе турецкаго могущества? И потомъ со времени битвы при Могачѣ, не доставляла ли она безпрестанно деньги и войска для продолженія борьбы съ Турками? Правда, что тогда силы ея были ослаблены междуусобною войной и распрями ея политическихъ партій. Но развѣ не такова же была въ то время судьба и болѣе обширныхъ европейскихъ государствъ, напримѣръ, Германской имперіи, да и самой Австріи? Въ императорскомъ заявленіи сказано еще, что и возстаніе Текели составляетъ поводъ почитать Венгрію страною завоеванною; но кому неизвѣстно, что это возстаніе было вызвано только неисполненіемъ договорныхъ обязательствъ, поддерживаемо насиліями и разрослось вслѣдствіе всякаго рода неразумныхъ поступковъ правительства? Можно ли было почитать это возстаніе справедливымъ предлогомъ къ объявленію Венгріи завоеванною страною, когда фактически извѣстно, что конституціонными постановленіями сейма въ Эденбургѣ (Сопронѣ) этотъ мятежъ былъ почти совершенно лишенъ поддержки со стороны націи и поддерживался только матеріальнымъ перевѣсомъ турецкой силы? Король былъ совершенно въ правѣ прибѣгнуть ко всѣмъ возможнымъ средствамъ для возстановленія подобающаго ему уваженія; но не имѣлъ ни малѣйшаго права вести войну противъ историческихъ и законныхъ учрежденій страны,—учрежденій, на которыхъ основывалось его собственное положеніе. Если бы турецкое владычество хотя сколько-нибудь соотвѣтствовало требованіямъ цивилизаціи и благоустроеннаго порядка, то по всей вѣроятности Венгрія, не будь усилій законныхъ органовъ страны, была бы навсегда утрачена для Австріи. Правительство императора, сколько ни было

оно слѣпо, не могло однако не понимать опасностей, которыя угрожали бы Австріи, если бы современемъ какое-нибудь сильное государство, воспитанное въ христіанской образованности, обилующее умственными вспомогательными средствами, захотѣло воспользоваться господствующимъ въ Венгріи неудовольствіемъ и усвоить себѣ въ большемъ размѣрѣ роль Оттоманской Порты. Всѣ эти соображенія настоятельно предписывали совершенно успокоить націю; а это было невозможно безъ искренняго признанія конституціи. Самовластное управленіе страною въ силу завоеванія уничтожило бы всѣ выгоды, пріобрѣтенныя правительствомъ, вызвало бы новые мятежи, поставило бы правительство въ необходимость постоянно содержать въ Венгріи сильныя арміи, и потому непрочность обладанія ею продолжилась бы отъ этого на неопредѣленно долгое время. Поэтому императоръ Леопольдъ обнаружилъ болѣе здраваго смысла, нежели его чешско-нѣмецкіе совѣтники, признавъ безъ околичностей венгерскую конституцію и настаивая только на правѣ престолонаслѣдія Габсбургскаго дома. Тѣ же политическія соображенія, которыя предписывали Мадьярамъ не противиться желаніямъ Габсбургскаго дома, налагали и на государей этого дома обязанность уважать права и вольности венгерскаго народа. Дѣйствительно, королевскія предложенія не встрѣтили противорѣчія. Предъявленное сейму 6-го ноября 1687 г. королевское посланіе было обсуждаемо въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ и 14-го ноября окончательно принято обѣими палатами. А затѣмъ, 9-го декабря, молодой наслѣдникъ трона эрцгерцогъ Іосифъ былъ торжественно коронованъ какъ наслѣдственный король Венгріи.

13. Событія до Карловацкаго мира.

Между тѣмъ какъ Габсбургскій домъ утверждалъ такимъ образомъ свое владычество въ Венгріи, война съ Турками продолжалась настойчиво и дѣятельно, и въ 1689-мъ году было уже отнято у Турокъ много городовъ; но еще значительнѣе были успѣхи, пріобрѣтенные въ слѣдовавшемъ за тѣмъ году. По завоеваніи оцѣпленнаго со всѣхъ сторонъ Секешфейервара, храбрый главнокомандующій императорскихъ войскъ, Максъ Эммануилъ, курфирстъ Баварскій, вспомоществуемый генералами Гейслеромъ и Валлисомъ и мадьярскою конницей подъ начальствомъ Баркоци, приступилъ къ осадѣ Бѣлграда (по мадьярски Нáндорфейервáръ). Первыя траншеи были открыты 12-го августа, а 6-го сентября 1688-го г. побѣдоносная союзная армія вступила въ городъ и принудила крѣпость къ сдачѣ. Порта предлагала

заключить миръ, но переговоры не имѣли успѣха. Потомъ маркграфъ Людовикъ Баденскій провелъ императорскую армію за Лиссу до подножія Балкановъ, и подъ конецъ похода 1689-го года въ его власти былъ весь нижній Дунай до Никополиса: Сербія была вся завоевана; Боснія, за исключеніемъ немногихъ пунктовъ, приведена къ присягѣ въ вѣрности; Валахія удержана въ бездѣйствіи посредствомъ гарнизоновъ. Но всѣми этими успѣхами Австрійцы были обязаны только оплошности дурно предводимаго въ то время турецкаго войска, а такъ какъ мѣры, принятыя для удержанія покоренныхъ областей оказались недостаточными, то уже въ 1690 году дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ. Уже въ послѣдніе дни 1689-го года Турки начали дѣйствовать наступательно и заняли Качаникъ, потомъ на злосчастномъ Косовомъ полѣ они сокрушили отрядъ войска генерала Штрассера и проникли до Новаго Базара (на границѣ нынѣшнихъ старой и новой Сербіи, то-есть, турецкой и свободной). Вскорѣ потомъ умеръ Седмиградскій князь Михаилъ Апоффи I. Порта немедленно назначила въ преемники ему Эмериха Текели, который проникъ съ арміей черезъ Валахію, разбилъ храбраго генерала Гейслера при Черныештѣ и овладѣлъ княжествомъ Седмиградскимъ Вслѣдствіе этого двойнаго движенія всѣ завоеванныя области подверглись фланговому нападенію съ запада и востока. Правда, маркграфу Людовику Баденскому удалось вытѣснить непріятеля изъ Седмиградскаго княжества; но между тѣмъ великій визирь Киприли-Мустафа прорвалъ центръ австрійской линіи, взялъ Виддинъ и Смедерево (Семендрію) и началъ осаду Бѣлграда, который 8-го октября снова былъ взятъ Турками. Опираясь на эту крѣпость, Порта получила возможность продолжать свои наступательныя дѣйствія; Австрія же въ свою очередь была вынуждена держаться въ оборонительномъ положеніи. Впрочемъ оборона была производима дѣятельно, и венгерская территорія была ограждена отъ вторженія. Неоднократно повторявшіяся усилія Текели снова вторгнуться въ Седмиградское княжество не имѣли успѣха вслѣдствіе энергическихъ и благоразумныхъ мѣръ, принятыхъ для удержанія этой страны, столь важной для обороны Венгріи; а когда Киприли-Мустафа, съ хорошо снаряженною арміей, переправился черезъ Саву, чтобы снова завоевать утраченныя Турціей венгерскія области, то 19-го августа 1691 года Людовикъ Баденскій нанесъ ему рѣшительное пораженіе при Сланкаменѣ, лежащемъ ниже впаденія Тиссы и выше впаденія Савы въ Дунай. Въ слѣдующіе годы война была ведена съ перемѣннымъ счастіемъ, пока наконецъ принцъ Евгеній Са-

войскій знаменитою побѣдой 11-го сентября 1697 года при Центѣ на Тиссѣ не положилъ конца послѣдней попыткѣ султана Мустафы утвердиться въ Седмиградскомъ княжествѣ. Силы Турціи были истощены, да и самъ императоръ Леопольдъ желалъ мира по причинѣ возникшихъ вновь споровъ съ Франціей. Тогда начались переговоры, кончившіеся 26-го января 1699 года заключеніемъ Карловацкаго мира, 16-го февраля утвержденнаго императоромъ Леопольдомъ. Такъ какъ уже въ предварительныхъ условіяхъ было постановлено, что обѣ стороны удержатъ за собою тѣ земли, которыми они владѣли при открытіи переговоровъ, то Седмиградское княжество осталось подъ владычествомъ императора, а Темешварскій банатъ во власти Турціи. Наконецъ, послѣ шестнадцати-лѣтней кровопролитной войны, Венгрія была освобождена, и въ этомъ тяжкомъ трудѣ принимали славное участіе всѣ Венгерцы. Они доходили до Балканскихъ горъ; между ихъ генералами отличились Николай Пальфи, Адамъ Батіани, Павелъ Деакъ и многіе другіе. Въ битвѣ при Сланкаменѣ Адамъ Црини, подобно предку своему, умеръ геройскою смертью за отечество.

14. Развитіе конституціи въ продолженіе габсбургскаго періода.

Къ числу самыхъ оригинальныхъ замѣчаній Салая принадлежитъ, конечно, то, что именно подъ австрійскимъ владычествомъ венгерская конституція продолжала развиваться непрерывно и въ послѣдовательной связи, и что самыя опасности, угрожавшія ей со всѣхъ сторонъ, служили къ ея укрѣпленію, частію вслѣдствіе случайнаго сплетенія событій, частію потому что самъ народъ дѣятельно употреблялъ ихъ въ свою пользу. Такъ какъ съ самаго водворенія Габсбургской династіи венгерскіе короли большею частію жили не въ Венгріи, и поэтому лишь весьма рѣдко вступали въ непосредственное соприкосновеніе съ различными слоями венгерскаго общества; то образовался обычай посылать ко двору венгерскихъ уполномоченныхъ, которые были обязаны оставаться при королѣ, представлять отчеты объ отечественныхъ дѣлахъ и вообще быть посредниками между главою государства и венгерскими мѣстными властями. Въ этомъ учрежденіи содержались зародыши образовавшейся въ послѣдствіи венгерской придворной канцеляріи, кругъ дѣйствія которой съ теченіемъ времени расширился. По тѣмъ же причинамъ и формы общаго сеймоваго представительства получили постепенно болѣе опредѣленности. Прежнія, часто въ разныя мѣста съѣзжавшіяся, собранія прекратились, и изъ различныхъ сословій составились постепенно двѣ постоянныя

палаты, которыя собирались одновременно въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и засѣдали по обоюдному соглашенію; это были: верхняя палата, или палата магнатовъ, большихъ землевладѣльцевъ, къ которой были присоединены высшіе духовные и свѣтскіе сановники, и нижняя палата, или палата сословій, состоявшая изъ представителей немешеговъ и депутатовъ отъ городовъ. Большія народныя собранія прежняго времени должны были выйдти изъ обычая уже по причинѣ продолжительности сеймовыхъ засѣданій; но право участія всей націи въ законодательствѣ все еще сохранялось, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Сообразно съ этимъ неизмѣннымъ принципомъ, магнаты получили право, въ случаѣ невозможности явиться въ собраніе, замѣщать себя своими уполномоченными, а немешеги избирали въ каждомъ комитатѣ своихъ депутатовъ, договорясь предварительно о подлежащихъ обсужденію вопросахъ, и снабжали этихъ депутатовъ инструкціями, съ которыми они были обязаны въ точности сообразоваться. Безземельные немешеги, хотя люди свободные и имѣвшіе право голоса, мало однако отличались своимъ общественнымъ положеніемъ отъ такъ-называемыхъ іоббагіоковъ или крестьянъ, обязанныхъ работать (на барщинѣ), и потому составляли естественный переходъ отъ немешеговъ къ крестьянскому сословію, которое получило представительство, по крайней мѣрѣ косвенное, въ лицѣ низшаго духовенства и деревенскихъ нотаріусовъ. Что касается до парламентскихъ формъ сейма, то послѣдній собирался вслѣдствіе королевскаго циркуляра (meghivó levél), а предложенія правительства сообщались сейму въ особенномъ документѣ (a királyi elöterjesztések). Палатинъ или надоръ руководилъ совѣщаніями верхней палаты, а персоналъ или семелинёкъ (szemelynök) — преніями нижней палаты. Иниціатива была предоставлена преимущественно, хотя и не всегда, верхней палатѣ; соглашеніе между обѣими палатами производилось большею частью чрезъ посредство личныхъ посольствъ. Въ продолженіе совѣщаній о какомъ-нибудь предметѣ, между сеймомъ и короною часто происходилъ обмѣнъ письменныхъ сообщеній, который со стороны сейма производился адрессами (felirások), а со стороны короны декретами (leiratok). При вполнѣ историческомъ и практическомъ развитіи венгерскаго законодательства, которое никогда не допускало общихъ преобразованій на основаніи новыхъ теорій о правѣ, каждый вопросъ подвергался обсужденію по мѣрѣ надобности; постановленныя резолюціи пріобрѣтали, по утвержденіи ихъ королемъ, силу закона, и были потомъ включаемы въ общее собраніе законовъ, какъ отдѣльныя законоположенія

того или другаго сейма. Между тѣмъ какъ совѣщанія сейма были ограничены практически установленными формами, въ комитатѣ развивались истинныя національныя основанія свободы и независимости. Во главѣ его стоялъ высшій чиновникъ феишпанъ (föispán) или великій жупанъ, собственно непосредственный органъ правительства во всѣхъ административныхъ дѣлахъ, облеченный исполнительною властью. Будучи избираемъ королемъ изъ почетнѣйшихъ жителей комитата, великій жупанъ, хотя и долженъ былъ официіально исполнять приказы высшихъ королевскихъ властей, однако во всемъ остальномъ пользовался независимымъ отъ нихъ общественнымъ положеніемъ, и потому всегда старался согласовать интересы короны съ интересами комитата. Гораздо важнѣе въ политическомъ отношеніи было положеніе алишпана или поджупана, который избирался общимъ собраніемъ комитата и управлялъ его совѣщаніями. Это-то собраніе имѣло наибольшее значеніе въ общественномъ устройствѣ Венгріи. Какъ конгрегація или *megyének közönsége,* оно составлялось изъ всѣхъ дворянъ безъ различія, такъ что въ немъ самый послѣдній бочкорошъ (bocskoros) пользовался одинаковымъ правомъ съ знатнымъ магнатомъ, а потому помянутое собраніе имѣло основу рѣшительно демократическую. Оно надзирало за избранными имъ же самимъ комитатскими чиновниками, сообщало имъ указанія, какъ исполнять предписанія королевскихъ властей, и имѣло право возражать на эти предписанія, если находило ихъ несогласными съ законами. Сборъ податей проходилъ черезъ руки этого же собранія; оно вело счетъ такъ-называемымъ податнымъ дворамъ и надзирало за кадастромъ. Правосудіе было въ рукахъ судей, назначаемыхъ этимъ же собраніемъ, и оно одно могло предавать суду за общественныя преступленія. Наконецъ, для рѣшенія дѣлъ эта конгрегація могла назначать изъ своей среды особенныя депутаціи (küldöttségek), и въ кругу своего дѣйствія водворять свои собственные уставы, не требуя разрѣшенія правительства. Итакъ это было учрежденіе вполнѣ самостоятельное, въ которомъ не могла пустить корней бюрократическая іерархія, приводимая въ движеніе по желанію центральной власти. Притомъ все положеніе комитатовъ основывалось не столько на письменныхъ законахъ, сколько на древнихъ, вѣками утвержденныхъ преданіяхъ и обычаяхъ, а вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ власти и замѣшательствъ при турецкомъ господствѣ, когда сохраненіе возможнаго законнаго порядка само собою переходило въ руки вармегіековъ, общественная власть послѣднихъ естественно еще болѣе окрѣпла. Не было, конечно, недо-

статка и въ нѣкоторыхъ вредныхъ сторонахъ и злоупотребленіяхъ; но если вспомнимъ, что въ послѣднія два столѣтія комитаты часто были единственнымъ, послѣднимъ убѣжищемъ свободы и независимости, что они не могли быть сокрушены даже беззаконіями османской администраціи и постоянно поддерживали право владѣнія собственностью, то поймемъ, почему это учрежденіе пользуется такою сильною популярностью, почему оно такъ любезно и дорого жителямъ Венгріи.

15. Дѣла Седмиградскаго княжества.

Хотя вообще отдѣльныя части Венгріи постепенно опять присоединились къ ней, однако въ Седмиградскомъ княжествѣ дѣла приняли иной оборотъ. Со времени Великоварадинскаго трактата въ этомъ княжествѣ развилось стремленіе составить отдѣльное государство. Правда, во дни Бочкая, Бетлена и Ракоци этотъ духъ сепаратизма служилъ охраною свободному развитію учрежденій; но по мѣрѣ приближенія того дня, когда Венгрія должна была вполнѣ освободиться отъ владычества Порты, этотъ духъ сталъ проявляться сильнѣе, и княжество видимо старалось уклониться отъ сліянія съ общимъ отечествомъ. Положеніе страны сдѣлалось до крайности затруднительнымъ. Тогдашній князь Михаилъ Апаффи I, чтобы сохранить отдѣльное существованіе своего княжества, вынужденъ былъ вступить въ тѣ же отношенія къ Вѣнскому двору, въ какихъ до сихъ поръ онъ состоялъ къ Портѣ. Съ этою цѣлью онъ завязалъ переговоры съ генераломъ Караффою, и когда ему обезпечили обладаніе княжествомъ, то 9-го мая 1688 года онъ призналъ верховный протекторатъ императора Леопольда и его потомковъ надъ Седмиградскимъ княжествомъ. Но положеніе дѣлъ вскорѣ опять сдѣлалось чрезвычайно шаткимъ. Киприли-Мустафа, одержавъ нѣсколько побѣдъ, снова овладѣлъ Бѣлградомъ. 15-го апрѣля 1690 г. умеръ Михаилъ Апаффи I. Чины, и въ числѣ ихъ нѣкоторыя лица, питавшія честолюбивыя намѣренія, поспѣшили ходатайствовать передъ Вѣнскимъ дворомъ объ утвержденіи конституціи княжества и о признаніи несовершеннолѣтняго Михаила Апаффи II законнымъ княземъ. Относительно перваго пункта императоръ Леопольдъ любезно заявилъ утѣшительныя увѣренія; но что касается до судьбы молодаго князя, то далъ отвѣтъ уклончивый: очевидно, онъ уже тогда былъ твердо намѣренъ соединить Седмиградское княжество съ короною. Чтобы достигнуть этого, онъ долженъ былъ привлечь къ себѣ населеніе тѣмъ болѣе, что и Порта предъявляла

свои притязанія на верховную власть надъ княжествомъ, и съ этою цѣлью назначилъ въ него княземъ Эмериха Текели. Поэтому генералъ Ветерани, пользовавшійся въ Венгріи большою популярностью, заключилъ 10-го января 1691 года съ вліятельными вождями страны договоръ, въ основаніе котораго были приняты: свободное отправленіе богослуженія, сословное представительство и признаніе всѣхъ наслѣдственныхъ вольностей и привилегій. Но такъ какъ этотъ договоръ въ нѣкоторыхъ частяхъ могъ быть почитаемъ только предварительнымъ, и такъ какъ партіи не могли придти къ соглашенію относительно своихъ намѣреній, то императору представлялся благопріятный случай наивыгоднѣйшимъ образомъ воспользоваться своимъ правомъ верховной власти. Поэтому послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ состоялся 9-го апрѣля 1693 года королевскій декретъ, которымъ между прочимъ было установлено (притомъ по настоятельному желанію самихъ Седмиградцевъ) совершенно отдѣльное отъ венгерской короны управленіе седмиградскими дѣлами; хотя, какъ было сказано въ декретѣ, очень было бы желательно, чтобы согласно обычаю, установленному преданіемъ, дѣла Седмиградскаго княжества, за изъятіемъ развѣ только архива и регистратуры, остались въ соединеніи съ венгерскою канцеляріей. Упомянутое распоряженіе содержало въ себѣ зародышъ седмиградской придворной канцеляріи, образовавшейся въ послѣдствіи. Это была временная уступка партіи Михаила Апаффи II, — партіи, которая обнаруживала большую дѣятельность, и отъ которой можно было опасаться, чтобы при продолжающейся еще войнѣ съ Турками она не приняла сторону послѣднихъ. Какъ скоро внѣшнія опасности миновались, императоръ пересталъ оказывать какое бы то ни было вниманіе молодому князю. Въ 1694 году, когда князь вступилъ въ бракъ съ дѣвицею протестантскаго исповѣданія, вмѣсто католички, на которой его хотѣли женить, его потребовали въ Вѣну и отпустили оттуда на такихъ условіяхъ, послѣ которыхъ уже не могло быть рѣчи объ оставленіи его княземъ Седмиградскимъ. Дѣйствительно, въ 1696 году было опредѣлено потребовать, чтобъ онъ отрекся отъ званія князя, и такъ какъ онъ не согласился на отреченіе, то въ виду возобновленія войны съ Турціей, его препроводили съ военнымъ конвоемъ сперва въ Сатмаръ, а потомъ въ Вѣну, гдѣ онъ и оставался до конца своей жизни въ званіи нѣмецкаго имперскаго князя. По Карловацкому миру, Порта уступила Седмиградское княжество Австріи, а потому соединеніе этого княжества съ Австріей стало совершившимся фактомъ. Съ той поры государственныя отношенія къ венгерской ко-

ронѣ сдѣлались двусмысленны и сбивчивы; они противорѣчили древнимъ историческимъ основаніямъ, въ силу которыхъ Седмиградское княжество изстари состояло въ органической связи съ Венгріей. Слѣдовало бы возвратиться къ этой связи, какъ скоро порядокъ вещей, установленный Великоварадинскимъ трактатомъ, былъ отмѣненъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнить и отдѣльную придворную канцелярію, ибо съ отмѣною упомянутаго трактата должно было прекратиться и отдѣльное существованіе княжества. Но австрійскій дворъ усвоилъ себѣ политику Порты и предполагалъ пользоваться княжествомъ по своему усмотрѣнію, какъ орудіемъ для противодѣйствія національнымъ движеніямъ Венгріи.

16. Подготовленіе къ новому посягательству на венгерскія учрежденія. Дѣйствія князя Франца Ракоци II, до разрыва мирныхъ переговоровъ въ Эршекуйварѣ.

Мадьяры могли бы еще оставить отдѣльное положеніе Седмиградскаго княжества безъ вниманія, если бы въ остальной Венгріи дѣла шли законнымъ путемъ съ соблюденіемъ конституціонной свободы. Но этого не было, а напротивъ, какъ въ религіозныхъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ водворилось реакціонное направленіе. Правда, при первомъ извѣстіи о казняхъ, затѣянныхъ въ Пряшовѣ (Эперіесѣ) Караффою, императоръ Леопольдъ тотчасъ предписалъ прекратить ихъ, а энергическое вмѣшательство сейма устранило и ихъ послѣдствія; но особенная милость, какою Караффа пользовался и по отозваніи своемъ, достаточно доказывала, что онъ дѣйствовалъ согласно съ желаніемъ лицъ, имѣвшихъ власть въ своихъ рукахъ. Это воззрѣніе вполнѣ согласовалось и съ послѣдовавшими затѣмъ мѣропріятіями правительства. 2-го апрѣля 1691 года, когда въ Седмиградскомъ княжествѣ только-что была признана свобода вѣроисповѣданій, въ Венгріи появилось извѣстное правительственное распоряженіе, которому данъ былъ видъ объясненія 26-й статьи закона 1681 года: этимъ распоряженіемъ отправленіе евангелическаго богослуженія было ограничено только нѣкоторыми мѣстностями, да и въ нихъ пасторы могли пользоваться назначенными для общественнаго употребленія колоколами, кладбищами, погостами и другими заведеніями — только съ разрѣшенія католическаго духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ протестантамъ было предписано соблюдать католическіе праздники. Въ другихъ мѣстахъ, не указанныхъ закономъ, евангелическому духовенству не было дозволено совершать богослуженіе въ церквахъ;

но жители этихъ мѣстъ, принадлежащіе къ евангелическому исповѣданію, могли въ домахъ своихъ пасторовъ крестить дѣтей, вѣнчаться и совершать другіе религіозные обряды, заплативъ однако же мѣстному католическому священнику извѣстную пошлину. Какъ это предписаніе, такъ и другія ему подобныя, достаточно доказывали, что католическая іерархія стремилась въ своемъ высокомѣріи унизить протестантовъ въ церковномъ отношеніи до степени илотовъ, и что протестанты очень вѣрно угадывали намѣренія своихъ враговъ, настаивая въ 1681 году, чтобы дѣло о религіи было рѣшено сеймомъ, и возражая противъ предоставленія этого дѣла на рѣшеніе короля. Впрочемъ, полное подавленіе протестантизма могло бы успѣшно совершиться въ Венгріи, если бы двору, къ счастью для его враговъ, не пришла въ голову безумная мысль посягнуть и на гражданскую свободу Венгерцевъ. Первые признаки возобновившагося стремленія уничтожить, вопреки всѣмъ присягамъ, древнія привилегіи страны обнаружились уже вскорѣ послѣ завоеванія Будина (Офена); еще открытѣе начали они появляться послѣ битвы при Сланкаменѣ, когда правительство стало полагать, что ему уже нечего бояться турецкаго могущества. Въ то время стали ходить по рукамъ двѣ записки, въ которыхъ обсуждался этотъ предметъ. Одна была написана кардиналомъ Колоничемъ, который въ послѣдствіи былъ архіепископомъ Гранскимъ и архиканцлеромъ имперіи; другую, на итальянскомъ языкѣ, написалъ францисканскій монахъ, Анджело Габріелле, изъ Ниццы. Оба были согласны въ томъ, что прежде всего надобно уничтожить уставъ комитатовъ, такъ какъ именно онъ составляетъ древній оплотъ общественныхъ вольностей; но первый предлагалъ для достиженія предположенной цѣли разныя административныя мѣры и совѣтовалъ сохранить нѣкоторый признакъ конституціи, а послѣдній, считая вполнѣ законною только одну королевскую власть, предлагалъ, безъ всякихъ околичностей, открыто и прямо приступить къ дѣлу; мало того, набожный францисканецъ думалъ даже, что апостолическій престолъ въ правѣ освободить короля отъ данной имъ присяги. Австрійскіе министры не рѣшились принять такое безсовѣстное предложеніе монаха; что же касается до предложеній кардинала, то министры полагали, что ихъ можно по крайней мѣрѣ испытать. Къ первой попыткѣ они приступили въ 1696 году, созвавъ въ Вѣну венгерскихъ нотаблей, передъ которыми кардиналъ Колоничъ изложилъ свой планъ, состоявшій въ слѣдующемъ: прежде всего перенести въ Венгрію сполна все австрійское законодательство, слить венгерское

дворянство съ австрійскимъ, и такимъ образомъ, — что̀ для кардинала было важнѣйшимъ дѣломъ, — возвратить всю страну къ католичеству. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ даже безстыдство объявить, что Венгрію прежде всего надобно обратить въ плѣнницу, потомъ въ нищую и наконецъ въ католичку. Нѣсколько времени продолжались переговоры, происходившіе съ одинаковымъ съ обѣихъ сторонъ озлобленіемъ; но наконецъ благородный архіепископъ Калочскій Павелъ Сечени (Széchenyi), представъ передъ императоромъ, объяснилъ ему ничтожество кардиналова плана. Его представленія подѣйствовали; предпріятіе было оставлено, но не совсѣмъ. Въ 1697 г. въ верхней Венгріи произошло возстаніе, вызванное своеволіемъ одного офицера. Оно было быстро подавлено и притомъ подавлено преимущественно при пособіи Александра Кароли, Сатмарскаго великаго жупана, но тѣмъ не менѣе послужило правительству предлогомъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Уже при послѣднихъ переговорахъ въ Вѣнѣ министры потребовали съ Венгріи чрезвычайно большаго денежнаго взноса, но тогда дѣло ограничилось уплатою лишь умѣренной суммы. При новомъ собраніи нотаблей въ 1698 году требованіе податей было еще болѣе увеличено. Члены собранія объявили, что при томъ истощеніи, въ какомъ находилась страна, ей невозможно платить столь высокія пошлины; но всѣ представленія остались тщетны. Такъ какъ предвидѣлось скорое заключеніе мира съ Турками, и такъ какъ вся Венгрія была наводнена войсками, то правительство думало, что ему нѣтъ никакой надобности дѣйствовать умѣренно, имѣя такія силы въ своемъ распоряженіи. Произвольно были наложены подати на дворянство, заняты всѣ комитаты войсками. Вопреки стародавнему обычаю, къ участію въ заключеніи Карловацкаго мира не призвано ни одного венгерскаго сановника; о королѣ Венгріи не было при этомъ мирѣ и рѣчи. Сеймъ былъ устраненъ, сопротивленіе протестантовъ сломлено, страна истощена и повергнута въ бѣдность. Казалось, политическая система кардинала Колонича вполнѣ удалась; однако же разчеты высокомѣрныхъ и близорукихъ враговъ Венгріи не оправдались: дѣла приняли совсѣмъ иной оборотъ.

По всей странѣ распространилось ледяное спокойствіе; но въ сердцахъ Венгерцевъ кипѣли негодованіе и злоба. Вдругъ, при этомъ положеніи дѣлъ, западный горизонтъ Европы началъ омрачаться тучами: возникли несогласія, а потомъ и война за престолонаслѣдіе въ Испаніи. Въ то время выступилъ на сцену молодой Францъ Ракоци II, сынъ Франца Ракоци I и Илоны Црини, которая, вступивъ во

второй бракъ съ Эмерихомъ Текели, жила съ нимъ изгнанницею въ Турціи. Дѣдъ Ракоци II (съ материнской стороны) умеръ отъ руки палача, дядя двадцать лѣтъ томился въ тюрьмѣ. По причинѣ такого родства, а еще болѣе вслѣдствіе ранняго развитія умственныхъ способностей, молодой Ракоци скоро навлекъ на себя подозрѣніе австрійскаго двора; его подвергли строгому надзору и поручили опеку надъ нимъ кардиналу Колоничу. Воспитателями его были іезуиты, но имъ не удалось пріобрѣсти прочное вліяніе на его умъ. Вынужденный обуздывать самыя естественныя движенія своего сердца, онъ рано пріучился къ скрытности и притворству. Хотя въ верхней Венгріи у него были богатыя помѣстья, однако, чтобы не возбуждать подозрѣній, онъ обыкновенно жилъ въ Вѣнѣ, не носилъ національнаго костюма и большею частію говорилъ по нѣмецки. Мало того, онъ даже показывалъ видъ будто презираетъ все венгерское, а между тѣмъ душа его была исполнена пламенной любви къ отечеству, и онъ постоянно занимался только изысканіемъ средствъ освободить его. Очень мало нашлось людей, умѣвшихъ разгадывать его тайныя мысли, и въ числѣ этихъ немногихъ былъ принцъ Евгеній Савойскій. Впрочемъ, — какъ справедливо замѣчаетъ Салай, — Ракоци, имѣвшій съ небольшимъ двадцать лѣтъ отъ роду, сдѣлался главою новаго движенія не столько по собственной волѣ, сколько вслѣдствіе естественнаго развитія обстоятельствъ и положенія, принятаго тою партіей, которая въ душѣ упорно негодовала на резолюцію сейма 1687 года. Людовикъ XIV, стараясь ставить всевозможныя затрудненія Габсбургскому дому, который противодѣйствовалъ его видамъ на Испанію, обратилъ свое вниманіе на Венгрію. Французская дипломатія ясно видѣла, что всеобщее, хотя затаенное, раздраженіе Венгерцевъ рано или поздно должно повести ко взрыву; она чувствовала, въ какомъ положеніи долженъ былъ находиться Ракоци, вслѣдствіе участи, постигшей многихъ изъ его родственниковъ, и потому завязала съ нимъ тайные переговоры чрезъ посредство своихъ агентовъ. Эти переговоры начались уже въ ноябрѣ 1700 года. Между тѣмъ полковникъ Лонкваль, одинъ изъ привычныхъ посѣтителей Ракоци, обыкновенно бывавшихъ съ нимъ въ его Шарошскомъ помѣстьи, не подалеку отъ Пряшова, донесъ Вѣнскому двору о свойствѣ происходившихъ тутъ совѣщаній. Поэтому 21-го мая 1701 года молодой князь былъ арестованъ и отвезенъ въ Винеръ-Нейштадтъ, въ ту самую тюрьму, изъ которой дѣдъ его Петръ Црини былъ отвезенъ на эшафотъ. Съ рѣдкимъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа отвѣчалъ онъ слѣдственной коммиссіи, наряженной для его допроса.

Онъ протестовалъ противъ личнаго состава суда, такъ какъ членами его были только Нѣмцы, а онъ, Ракоци, какъ имперскій князь и венгерскій магнатъ, былъ подсуденъ только венгерскому сейму въ соединеніи съ германскимъ; но, прибавилъ онъ, не смотря на все это, я готовъ отвѣчать, вслѣдствіе моей благоговѣйной преданности императору. Уже почти шесть мѣсяцевъ содержался онъ въ заключеніи и процессъ его не былъ еще конченъ, какъ ему удалось (7-го ноября 1701 года) бѣжать изъ тюрьмы и черезъ верхнюю Венгрію благополучно пробраться въ Польшу. Тамъ съѣхался онъ съ искреннимъ другомъ своимъ и Шарошскимъ гостемъ, графомъ Николаемъ Берчени. Они жили скрытно, уединенно и выжидали благопріятнаго оборота обстоятельствъ. Французскій дворъ и теперь продолжалъ съ нимъ переговариваться, а между тѣмъ въ Венгріи самъ кардиналъ Леопольдъ Колоничъ помогалъ развитію мятежа всякаго рода стѣсненіями и насильственными мѣрами, которыя принималъ противъ протестантовъ. Мятежъ вспыхнулъ въ 1703 году, въ то же самое время, когда бо̀льшая часть австрійскихъ войскъ была выведена изъ Венгріи и направлена противъ Франціи. Въ мѣстностяхъ верхней Тиссы поднялись озлобленные тяжкими податями крестьяне; Ракоци приблизился съ навербованными войсками къ границѣ. Но такъ какъ не смотря на строгія предписанія, крестьяне вскорѣ принялись за грабежъ, то Сатмарскій великій жупанъ Александръ Кароли, собравъ нѣкоторыя регулярныя войска, разсѣялъ 7-го іюня 1703 года ихъ нестройныя скопища въ стычкѣ при Долгой. Узнавъ о такомъ началѣ предпріятія, мало обѣщавшемъ успѣха, Ракоци нѣсколько времени не зналъ, на что̀ рѣшиться: идти ли впередъ, или отказаться отъ своего намѣренія и возвратиться назадъ. Впрочемъ, онъ вскорѣ ободрился, надѣясь на Бога и правоту своего дѣла, продолжалъ движеніе, и 16-го іюля 1703 года вступилъ на венгерскую территорію. Между тѣмъ Александръ Кароли не обманывался въ положеніи дѣлъ; онъ ясно понималъ, что его побѣда при Долгой не поведетъ ни къ чему, если правительство не постарается хорошимъ законодательствомъ пресѣчь зло въ самомъ его источникѣ и отвратить истинные поводы къ мятежу. Онъ поспѣшилъ въ Вѣну, обратился къ кардиналу Колоничу и къ высшимъ венгерскимъ сановникамъ, просилъ ходатайства вліятельныхъ іезуитовъ, добился аудіенціи у императора, умолялъ, заклиналъ смягчить страданія народа, облегчить бремя его подавляющее, удовлетворить его справедливыя желанія, возстановить законный порядокъ въ комитатахъ. Все было напрасно. Въ Вѣнѣ такъ были увѣрены въ

глубокой мудрости своихъ мѣръ, что не терпѣли противъ нихъ ни малѣйшихъ возраженій. Высшій военный судъ сухо отвѣчалъ, что не можетъ отступить отъ сдѣланныхъ имъ распоряженій, и нѣмецкіе министры отвѣчали Сатмарскому великому жупану высокомѣрными, по ихъ мнѣнію остроумными, но въ сущности весьма плоскими насмѣшками. Злополучный жупанъ еще продолжалъ свои безплодныя усилія предупредить насильственный разрывъ Венгріи съ королевскимъ правительствомъ, какъ Ракоци уже пробрался чрезъ Карпатскіе горные проходы и спустился въ равнину къ Мункачу, надѣясь привлечь на свою сторону гарнизонъ этого города, въ которомъ находилось много его приверженцевъ. Едва прибывъ туда, онъ узналъ о приближеніи полковника Монтекукули съ кирасирами; видя невозможность удержаться съ своими большею частію нестройными толпами въ открытомъ городѣ, состоявшемъ почти исключительно изъ деревянныхъ, крытыхъ соломою домовъ, Ракоци приказалъ отступать. Это отступленіе было еще не вполнѣ совершено, какъ на утренней зарѣ непріятельскіе кирасиры оцѣпили Мункачъ и выступили на главную площадь города. Ракоци только своему присутствію духа и хладнокровной храбрости былъ обязанъ тѣмъ, что успѣлъ уйдти среди мрака, распространившагося отъ пороховаго дыма. Благополучно провелъ онъ свой арріергардъ вбродъ черезъ Латорчу, добрался до виноградниковъ и поспѣшилъ обратно къ польской границѣ. Тамъ встрѣтилъ его Берчени, который только-что возвратился изъ Данцига съ деньгами, вспомогательными войсками и благопріятными обѣщаніями тамошняго французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Вскорѣ къ нему присоединились и вооруженные отряды изъ разныхъ мѣстъ Венгріи. Получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстіе, что въ Венгріи повсюду приготовляются къ возстанію, онъ снова перешелъ венгерскую границу и вдоль Боршовы достигъ береговъ Тиссы. Австрійскіе военачальники были вынуждены отступить и вслѣдъ за тѣмъ возстали всѣ сѣверные комитаты отъ Седмиградскаго княжества до Гегіали (Hegyalja). Вскорѣ послѣ того произошло слѣдующее, обильное послѣдствіями, событіе. Александръ Кароли прожилъ въ Вѣнѣ до 16-го августа 1703 г. Глубоко оскорбленный непріятностями, которымъ онъ подвергался въ этой столицѣ, онъ отправился въ Кошицы, куда сбѣжались изъ окрестностей приверженцы Леопольда. Не имѣя возможности возвратиться въ Нагикароли, уже занятый войсками Ракоци, и отрѣзанный отъ всѣхъ другихъ помѣстій своихъ, онъ просилъ вспомоществованія у австрійскаго генерала Нигрели. „Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи“, воз-

разилъ генералъ. На эти слова Кароли спокойно отвѣчалъ: „Если здѣсь я не могу найдти помощи, то долженъ буду обратиться за нею туда, гдѣ мнѣ не откажутъ въ ней“. Немедленно снесся онъ съ Павломъ Орошемъ, который начальствовалъ войсками Ракоци въ Гегіали, и черезъ него завелъ переговоры съ Берчени, съ которымъ былъ лично знакомъ. 8-го октября сѣлъ онъ съ четырьмя товарищами на коня и ускакалъ въ Сину, гдѣ былъ принятъ форпостами куруцей, а 15-го прибылъ въ Лучъ (Lucz) къ Берчени, объявилъ себя безусловно сторонникомъ Ракоци, присягнулъ ему въ вѣрности и былъ назначенъ полковникомъ. Отпаденіе этого всѣми уважаемаго человѣка имѣло самое рѣшительное вліяніе. Его примѣру послѣдовала бо́льшая часть высшаго дворянства, и движеніе, сначала бывшее простымъ мятежемъ крестьянъ, вскорѣ обняло всѣ слои общества и превратилось въ общее національное дѣло.

Таково было начало достопамятной борьбы, которая затянулась на много лѣтъ, и послѣ продолжительныхъ колебаній могла быть кончена только вторичнымъ признаніемъ правъ и вольностей венгерской націи. Въ описаніи этой борьбы Салай выставилъ на видъ цѣлый рядъ новыхъ, совершенно неизвѣстныхъ фактовъ; лучше всѣхъ предшествовавшихъ ему историковъ разъяснилъ онъ связь событій, а также воззрѣнія и поводы, которыми руководствовались важнѣйшіе участники въ этихъ событіяхъ. Онъ имѣлъ къ тому возможность только вслѣдствіе того, что пользовался богатымъ архивомъ графовъ Кароли, и „за это“, прибавляетъ онъ, „благодарить графовъ Кароли обязанъ не одинъ я, но и венгерская наука“.

Первымъ слѣдствіемъ присоединенія Александра Кароли къ возстанію было быстрое занятіе инсургентами большей части верхней Венгріи. Уже въ послѣднихъ числахъ декабря 1703 года Кароли, начальствуя пятью тысячами человѣкъ, занялъ островъ Шюттъ (по мадьярски Чаллокёзъ, который образуется рукавами Дуная между Пресбургомъ и Раабомъ), а въ январѣ слѣдующаго года утвердился во всей области отъ Баконскаго лѣса до Сопрона (Эденбурга). Очень естественно, что эти событія, случившіяся въ самое сомнительное и опасное для Австріи время, предшествовавшее битвѣ при Гохштедтѣ, произвели въ Вѣнѣ сильное безпокойство; однако австрійскій дворъ нисколько еще не думалъ объ уступчивости, по прежнему питая свою обычную надежду порохомъ и свинцомъ вынудить Венгерцевъ къ вѣрноподданническому повиновенію. Положительно извѣстно, что австрійскій дворъ побуждалъ тогдашняго короля Польши, Августа

Саксонскаго, къ участію въ подавленіи венгерскаго возстанія, и что даже такой человѣкъ, какъ принцъ Евгеній Савойскій, считалъ нужнымъ прибѣгнуть къ иностранной помощи, чьей бы то ни было, и какъ бы ни обошлась она дорого. Лишь послѣ того, какъ ожидаемая помощь не пришла, въ Вѣнѣ присмирѣли, и по крайней мѣрѣ, по виду, стали справедливѣе обсуждать дѣло. Почтенному и всѣми любимому архіепископу Калочскому Павлу Сечени поручили вступить въ переговоры съ вождями инсургентовъ. Онъ съ безкорыстнымъ самоотверженіемъ принялся за дѣло, но встрѣтилъ затрудненія, почти непреодолимыя. Обѣщаніе императора Леопольда созвать сеймъ, представить рѣшеніе спорныхъ вопросовъ на волю самихъ конституціонныхъ властей и поручить водвореніе мира исключительно эрцгерцогу Іосифу, уже провозглашенному королемъ Венгріи, не могло произвести благопріятнаго оборота дѣлъ, такъ какъ въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій озлобленіе народа противъ правительства все болѣе и болѣе возрастало. „Кто поручится",—спросили Александръ Кароли и Николай Берчени,—„что слово, столь часто даваемое, не будетъ и впредь нарушено?" Они рѣшительно настаивали, чтобы примиреніе было упрочено вмѣшательствомъ и поручительствомъ иностранныхъ державъ. Къ этому присоединилось еще то, что Францъ Ракоци помышлялъ о возстановленіи независимости Седмиградскаго княжества, предполагая имѣть на него неоспоримыя права. На это требованіе австрійскій дворъ никакъ не соглашался; хотя мысль объ отдѣльномъ существованіи Седмиградскаго княжества уже пользовалась въ венгерскомъ народѣ нѣкоторою популярностью, ибо всѣ чувствовали, что тотъ способъ, какимъ этотъ вопросъ прежде былъ рѣшаемъ, очень мало соотвѣтствовалъ общимъ интересамъ Венгріи. Наконецъ, какъ, съ одной стороны, изъ всего образа дѣйствія Вѣнскихъ государственныхъ людей было видно, что они преимущественно имѣютъ въ виду только выиграть время, чтобы при первомъ благопріятномъ случаѣ силою раздавить сопротивленіе, такъ, съ другой, и революціонная партія имѣла въ виду одну только мысль — уничтожить уступки 1687 года, возстановить старое право выбора королей и проложить другой династіи путь къ трону. Поэтому до соглашенія было еще очень далеко. Переговоры въ мѣстечкѣ Св. Николая и въ Джіонджіошѣ, изъ которыхъ первые происходили въ концѣ января, а вторые въ мартѣ 1704 г., не повели ни къ чему, и война продолжалась. Уже въ началѣ года императорскіе генералы Гейстеръ и Пальфи открыли походъ, имѣя въ виду предписанную имъ цѣль, — преиму-

щественно поддерживать сообщенія между австрійскими провинціями и Хорватіей, которая отвергла предложенія Ракоци; это было необходимо для Австрійцевъ, чтобъ имѣть общій опорный пунктъ, откуда они могли бы врываться во внутренность Венгріи. Упомянутое порученіе было въ точности исполнено; но хотя въ открытомъ полѣ императорскія войска большею частію оставались побѣдителями, однакожь въ сущности они господствовали только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были временно заняты ими. Часто разгоняемые, куруци постоянно собирались вновь; число ихъ безпрерывно увеличивалось; они пресѣкали сообщенія австрійскихъ войскъ и даже угрожали ихъ тылу. Сверхъ того Кароли произвелъ удачный и прибыльный набѣгъ черезъ Швехатъ почти до самой Вѣны. Притомъ и жестокосердый образъ дѣйствія генерала Гейзера озлобилъ народъ и поощрялъ его продолжать сопротивленіе. Такимъ образомъ обоимъ австрійскимъ генераламъ не удалось даже оказать помощь императорскому военачальнику въ Седмиградскомъ княжествѣ, генералу Рабутину, который, будучи отвсюду стѣсненъ, едва держался на небольшомъ пространствѣ княжества. Между тѣмъ какъ эта нерѣшительная война распространяла во всей странѣ волненіе и тревогу, Павелъ Сечени съ возрастающимъ усердіемъ продолжалъ свои миротворныя попытки. Въ маѣ, между нимъ и Ракоци происходили новые переговоры въ Паксѣ на Дунаѣ, въ Толнавскомъ комитатѣ. Когда, сообразно повелѣнію императора, архіепископъ объяснилъ безполезность ручательства иностранныхъ державъ, Ракоци спросилъ у него: „Можно ли удивляться недовѣрію венгерскихъ вождей въ виду варварскаго и кровожаднаго образа дѣйствій какого-нибудь Гейзера? Этотъ образъ дѣйствій внушаетъ мысль, что на дѣлѣ въ Венгріи царствуетъ не императоръ, который дѣлаетъ уступки и обѣщанія, а присланные имъ туда слуги его“. Предложенное перемиріе Ракоци отвергъ безусловно, какъ вредное дѣлу свободы. Какъ эти переговоры, такъ и другіе, нѣсколько разъ возобновлявшіеся, не имѣли никакого успѣха. Война продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ; та и другая сторона то одерживала побѣды, то подвергалась пораженію; особенно же упорно сражались въ комитатахъ, пограничныхъ съ наслѣдственными австрійскими землями, такъ какъ и та, и другая сторона, преимущественно стремились овладѣть крѣпкими позиціями въ этой мѣстности. Не подалеку отъ Пресбурга одинъ корпусъ арміи австрійскаго генерала Пальфи, состоявшій подъ начальствомъ генерала Ритчана, былъ, 28-го мая 1704 года, такъ разбитъ Николаемъ Берчени при Со-

моланахъ, что инсургенты могли возстановить сообщеніе между обоими берегами Дуная и снова овладѣть всею мѣстностью отъ Вертесбергена до Нейзидлерскаго озера (по мадьярски Jerto-Tava). Тогда съ юга поспѣшилъ генералъ Гейстеръ, напалъ при Семерѣ въ расплохъ на Форгача, начальствовавшаго инсургентами, и прежде чѣмъ Александръ Кароли, предпринявшій вторичный набѣгъ на Вѣну, успѣлъ придти къ нему на помощь, нанесъ инсургентамъ 13-го іюня рѣшительное пораженіе. Но дальнѣйшимъ успѣхамъ императорскихъ войскъ воспрепятствовалъ Кароли, который, 5-го іюля, близь Нагифалу, частію разсѣялъ, частію взялъ въ плѣнъ пѣхоту Рабатта. Въ остальную часть года между обѣими сторонами происходили только незначительныя схватки и маловажныя движенія, такъ что ни та, ни другая сторона не имѣла рѣшительнаго перевѣса, что̀ ободрило приверженцевъ мира къ новымъ усиліямъ. Условясь предварительно въ простомъ перемиріи, делегаты воюющихъ сторонъ собрались около половины октября въ Штявницѣ (по мад. Шелмечбанъ, по нѣм. Шемницъ) на совѣщаніе, въ которомъ, въ качествѣ посредниковъ, приняли участіе и посланники англійскій и голландскій. Но едва императорскіе делегаты высказали свои предложенія, какъ завязались споры сперва о перемиріи, которое, по увѣренію возставшихъ, было нарушено Гейстеромъ, а потомъ о самыхъ условіяхъ мира. При господствовавшемъ обоюдномъ раздраженіи договориться было невозможно, и уже 1-го ноября переговоры прервались. Вскорѣ потомъ Кошицы, послѣ продолжительной осады, сдались Ракоци; но усилія послѣдняго утвердиться и въ сосѣдствѣ Вага были уничтожены битвою 25-го декабря 1704 года при Нагисомбатѣ (Тернавѣ), гдѣ Гейстеръ нанесъ Ракоци чувствительный уронъ. Къ концу года императорскія войска господствовали въ мѣстностяхъ, простирающихся по Дунаю и занятыхъ Словаками и Нѣмцами, а внутренность Венгріи, прилегающая къ Тиссѣ и содержащая преимущественно мадьярское населеніе, была на сторонѣ Ракоци. Поэтому онъ дѣятельно занялся военными приготовленіями къ новому походу, и этихъ приготовленій такъ испугался высшій придворный военный совѣтъ, что настоятельно совѣтовалъ возобновить мирные переговоры. Неутомимый Сечени открылъ эти переговоры весною 1705 года въ Эрлау; но вскорѣ они опять остановились по той причинѣ, что обѣ стороны никакъ не могли договориться относительно ручательствъ и обезпеченій въ вѣрномъ исполненіи обѣщаній Вѣнскаго двора. Наконецъ, архіепископъ Колочскій осмѣлился откровенно присовѣтовать императору, чтобъ онъ принялъ условія, предложен-

ныя возставшими, такъ какъ лишь этимъ путемъ можно было устранить недовѣрчивость, глубоко вкоренившуюся въ сердцахъ Венгерцевъ; но когда письмо его прибыло въ Вѣну, Леопольдъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ и 5-го мая 1705 г. умеръ.

По вступленіи на тронъ Іосифа I венгерскія дѣла, казалось, начали было принимать благопріятный оборотъ. Уже 15-го мая надоръ Павелъ Эстергази разослалъ циркуляръ, въ которомъ отъ имени императора положительно увѣрялъ, что впредь предписанія конституціи будутъ строго соблюдаться, и даже самъ кардиналъ Колоничъ, котораго событія вынуждали до сихъ поръ къ безмолвію, заявилъ подобное же увѣреніе въ своемъ посланіи къ духовенству. Все это были въ сущности только слова; но такъ какъ въ то же время былъ отозванъ ненавистный всѣмъ Венгерцамъ генералъ Гейстеръ и замѣненъ графомъ Гербевилемъ, то это распоряженіе внушало надежду, что на сей разъ дворъ въ самомъ дѣлѣ намѣренъ дѣйствовать искренно. Самъ Ракоци съ обычною ему тонкостью и прозорливостью убѣдился, что ему нельзя противиться почти всеобщему стремленію къ миру; но не смотря на то онъ продолжалъ вооруженія и войну, справедливо полагая, что этимъ только путемъ можно добиться выгоднаго мира. Александръ Кароли еще стоялъ въ полѣ противъ южной Венгріи, держась большею частью береговъ Кёрёша, а Ракоци между тѣмъ готовился нанести сильный ударъ въ окрестностяхъ Вага. Онъ надѣялся пресѣчь сообщенія Гербевиля съ Липчей и такимъ образомъ овладѣть не только этимъ городомъ, гдѣ уже оказывался недостатокъ въ предметахъ первыхъ потребностей, но и лежащимъ сѣвернѣе его городомъ Тренчиномъ. Надежды его не оправдались; Гербевиль отразилъ его 11-го августа 1705 года, и линія на Вагѣ была оставлена. Этотъ неожиданный оборотъ побудилъ Ракоци ускорить осуществленіе мысли, для исполненія которой онъ уже прежде принялъ мѣры, именно, созвать собраніе депутатовъ отъ народа и имъ предоставить рѣшеніе дѣла о мирѣ. Это собраніе было созвано въ мѣстечкѣ Сечени въ Новоградскомъ комитатѣ, и засѣданія его открылись 12-го сентября 1705 года. Оба вѣроисповѣданія имѣли своихъ представителей, и кромѣ значительнаго числа католическихъ духовныхъ особъ и магнатовъ, были депутаты отъ 21-го комитата и депутаты отъ верхне-венгерскихъ городовъ. Явился также и архіепископъ Сечени, во главѣ прочихъ императорскихъ делегатовъ. Ракоци объявилъ въ произнесенной имъ рѣчи, что онъ отказывается отъ званія, носимаго имъ до сихъ поръ, возвращается къ положенію

простаго немешега и предоставляетъ управленіе страны на рѣшеніе сейма. Но въ концѣ своей рѣчи онъ жаловался на тѣхъ, которые, не смотря на его приглашеніе, не явились въ собраніе, и по его требованію, сеймъ пригласилъ отсутствовавшихъ явиться въ Сечени, угрожая имъ въ случаѣ неповиновенія строгими наказаніями. Начало совѣщаній обѣщало благопріятный исходъ, но избраніе протестанта Радванскаго въ персоналы нижней палаты и заявленіе немешеговъ, что они станутъ совѣщаться въ отдѣльныхъ сходкахъ, вызвали сильныя возраженія со стороны католиковъ и магнатовъ. Однако ловкій графъ Берчени отвратилъ угрожавшій разрывъ; онъ поставилъ на видъ, что съѣхавшееся собраніе, хотя законно пользуется полномочіемъ сейма, однако, при готовности короны удовлетворить жалобамъ страны и при невольномъ, безъ сомнѣнія, отсутствіи многихъ членовъ, не можетъ дѣйствовать безусловно въ качествѣ сейма. Поэтому онъ предложилъ почитать сіе собраніе конвентомъ союзныхъ чиновъ и главою этого союза избрать князя Ракоци. Эта мысль была всѣми одобрена; тотчасъ приступили къ выбору членовъ комитета и поручили ему распорядиться организаціей собранія. Потомъ приготовили уставъ союза, по которому, съ цѣлью возстановленія всѣхъ правъ страны, на Ракоци было возложено завѣдываніе не только военными, но законодательными, церковными и политическими дѣлами. Въ назначенный день ему присягнули по порядку депутаты всѣхъ комитатовъ; ихъ примѣру послѣдовали духовенство, магнаты и наконецъ посланцы отъ городовъ. 20-го сентября 1705 года — то было воскресенье — явился къ алтарю и Ракоци среди торжественнаго собранія, и въ присутствіи пробста Андрея Петера изъ Эрлау, принесъ предписанную присягу. Въ заключеніе этого торжественнаго акта, Николай Берчени и Симонъ Форгачъ три раза подняли князя вверхъ при троекратно раздавшемся звукѣ барабановъ, трубъ и литавръ и при громкихъ восклицаніяхъ *эльенъ!* Для завѣдыванія дѣлами, князю были приданы совѣтъ изъ 21-го члена и особый комитетъ, который долженъ былъ заниматься исключительно финансовыми дѣлами и пребываніе свое имѣть въ Кашицахъ. Первымъ попеченіемъ князя было составить проекты законовъ, необходимыхъ для управленія страною, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимали законы, относившіеся къ религіозному вопросу. При пособіи Адама Вая, эти религіозные вопросы были рѣшены удачно и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно. Эти законы придаютъ историческую важность союзу, образовавшемуся въ Сечени, такъ какъ они составляютъ первое, со-

вершенно независимое отъ правительственныхъ вліяній соглашеніе между различными религіозными партіями, истекавшее изъ истинныхъ потребностей народа и основанное на дѣйствительныхъ началахъ справедливой и безпристрастной вѣротерпимости, а потому включенное въ послѣдующіе договоры. Однако, не смотря на столь благопріятное начало дѣятельности сейма, засѣдавшаго въ Сечени, переговоры о мирѣ и даже о перемиріи вскорѣ прекратились. Причины этого заключались въ положеніи Ракоци, какъ избраннаго Седмиградскаго князя, и въ такомъ обстоятельствѣ, которое не относилось къ кругу дѣятельности собранія, совѣщавшагося въ Сечени. Князь находилъ, что императоръ овладѣлъ Седмиградскимъ княжествомъ совершенно вопреки древнимъ народнымъ вольностямъ и правамъ, на основаніи которыхъ, по его мнѣнію, наслѣдовать въ княжествѣ имѣлъ право только онъ, Ракоци. Тѣмъ не менѣе онъ заявилъ готовность отказаться отъ всѣхъ своихъ притязаній, если и императоръ откажется въ свою очередь отъ предъявляемыхъ имъ требованій и предоставитъ народу право безпрепятственнаго выбора. На это Іосифъ I столь же мало былъ согласенъ, какъ и отецъ его Леопольдъ; притомъ, еще по предписанію Леопольда, генералъ Рабутинъ созвалъ особенное собраніе и заставилъ его объявить избраніе Ракоци не имѣющимъ силы. Но такъ какъ этотъ генералъ съ большимъ трудомъ удерживался въ княжествѣ, а Вѣнскій дворъ хотѣлъ вполнѣ овладѣть страною прежде начатія переговоровъ, чтобы предъявить это овладѣніе фактомъ уже совершившимся, то графу Гербевилю было предписано двинуться въ Седмиградское княжество съ большимъ отрядомъ войскъ и поддержать генерала Рабутина. Ракоци зналъ объ этомъ еще до открытія засѣданій собранія въ Сечени, получивъ о томъ извѣстіе отъ своихъ тайныхъ приверженцевъ въ австрійскомъ лагерѣ. Поэтому онъ приказалъ Александру Кароли занять наблюдательную позицію между Коморномъ и Граномъ. Вотъ почему Кароли и не могъ прибыть въ Сечени. Дѣйствительно Гербевиль, во главѣ двадцати одного полка, двинулся въ началѣ сентября въ походъ, достигъ ниже Буды Дуная, и обратился черезъ Кечкеметь, Кёрёшъ, Чонградъ къ Сегедину, въ окрестностяхъ котораго, въ половинѣ октября, переправился чрезъ Тиссу. Какъ скоро Ракоци узналъ о движеніи австрійской арміи, то возложилъ завѣдываніе военными дѣлами въ Седмиградскомъ княжествѣ на Симона Форгача. Александру Кароли было поручено, рыская вокругъ арміи Гербевиля, во время ея похода, препятствовать всякимъ къ ней подвозамъ, пере-

сѣкать сообщенія, опустошать на ея пути страну. Самъ Ракоци, закрывъ 3-го октября 1705 года собраніе въ Сечени, попытался занять горные проходы и не пропускать чрезъ нихъ императорскую армію, которая отъ Сегедина обратилась къ Великому Варадину. Но всѣ усилія его были тщетны: 11-го ноября, въ стычкѣ при Жибо, онъ былъ опрокинутъ Гербевилемъ, который, прорвавшись въ княжество, занялъ Колошваръ (Клаузенбургъ) и въ короткое время овладѣлъ всею страною. Впрочемъ тяжкая потеря на восточной сторонѣ была отчасти вознаграждена новыми выгодами, пріобрѣтенными на западѣ: Очкай, Батіани, Михаилъ Чаки, Георгъ Кишфалуди и другіе вожди инсургентовъ переправились въ разныхъ пунктахъ черезъ Дунай и овладѣли большею частью земель до штирійской границы. Но и среди этой военной сумятицы все еще не теряли изъ вида мирныхъ переговоровъ, тѣмъ болѣе, что однимъ изъ постановленій собранія въ Сечени Ракоци былъ уполномоченъ продолжать ихъ; однако дѣло тянулось медленно, такъ какъ при переговорахъ, открытыхъ въ Тернавѣ, заключеніе перемирія было поставлено въ зависимость отъ многихъ предварительныхъ вопросовъ, о которыхъ долгое время не могли договориться. Равнымъ образомъ и совѣщанія, продолжавшіяся въ Мишкольчѣ, сначала не обѣщали повидимому успѣха; но наконецъ, при продолжавшемся посредничествѣ посланниковъ англійскаго и голландскаго, союзные чины признали удовлетворительными уступки, предложенныя императоромъ Іосифомъ, и затѣмъ послѣдовало соглашеніе на перемиріе, которое должно было продолжаться до послѣднихъ чиселъ іюня 1706. Но вопросъ о Седмиградскомъ княжествѣ все еще представлялъ почти непреодолимыя затрудненія, и Ракоци обнаруживалъ тѣмъ болѣе несговорчивости, чѣмъ болѣе не благопріятствовали ему событія. Вѣнскій дворъ старался затронуть этого человѣка со стороны его сердечныхъ привязанностей; супругѣ его, которую до тѣхъ поръ задерживали въ Вѣнѣ, позволили повидаться съ нимъ въ Нитрѣ, а потомъ въ Эршекуйварѣ, гдѣ посланцы союза имѣли свое мѣстопребываніе; но и это средство не побудило Ракоци отступиться отъ своихъ требованій. Между тѣмъ въ Эршекуйварѣ начались съ обѣихъ сторонъ совѣщанія. 15-го іюня Берчени представилъ собранію двадцать три пункта мирныхъ условій, проектированные союзнымъ совѣтомъ; императорскіе делегаты отвѣчали на каждый изъ нихъ особо, но обратныхъ отвѣтовъ со стороны союза не послѣдовало еще и 15-го іюля, до котораго было продолжено перемиріе. А такъ какъ императоръ Іосифъ не согласился на возобновленіе перемирія, то

война опять началась, и Ракоци извѣстилъ объ этомъ народъ прокламаціей отъ 30-го іюля, изданною въ Эршекуйварѣ. „Эти совѣщанія“, говоритъ Салай, „были не что иное, какъ только разсужденія о государственныхъ правахъ, и при нихъ каждая сторона имѣла единственною цѣлью временно успокоить своихъ приверженцевъ; о дѣйствительномъ же мирѣ вожди той и другой стороны въ то время вовсе не думали“. Въ особенности императоръ Іосифъ воспользовался перемиріемъ единственно для увеличенія и улучшенія своихъ военныхъ силъ и поручилъ теперь вести войну противъ инсургентовъ по возможности самымъ энергическимъ образомъ Гвидону Штарембергу, котораго весною 1706 назначилъ главнокомандующимъ въ Венгріи.

На этомъ оканчивается историческій трудъ Салая, именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ читатель, увлекаемый прелестью разказа, мастерскою группировкою матеріала, разнообразіемъ личныхъ характеровъ и фактовъ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждетъ развязки дѣла. Шестой томъ изданъ только въ отрывкахъ, но и изъ нихъ видно, что это была бы самая лучшая часть сочиненія, еслибъ авторъ успѣлъ ее докончить. Уже въ концѣ пятаго тома мы видимъ, какъ скоплялись мрачные признаки страшной грозы: сперва дикія безпорядочныя толпы крестьянъ, потомъ пестрыя полчища отважныхъ куруцей, за ними общее движеніе немешеговъ, которому наконецъ князь Францъ Ракоци своимъ рыцарскимъ мужествомъ и холодною разсудительностію сообщилъ жизнь и указалъ цѣль. На ряду съ нимъ выступаетъ впередъ пламенно краснорѣчивый Берчени и благородный, благодушный Александръ Кароли, отличавшійся аристократическою важностію; здѣсь видимъ мы бурнаго, но неразсудительнаго Форгача, тамъ слѣпаго Батіани и цѣлый рядъ вождей куруцей. Съ другой стороны, мы ясно усматриваемъ, какъ сильно были поражены противники Ракоци вовсе неожиданнымъ для нихъ оборотомъ дѣлъ; въ какое затруднительное положеніе былъ поставленъ императоръ Леопольдъ и какъ обманывали его министры. Между тѣмъ какъ Вѣнскій дворъ то прибѣгаетъ къ насильственнымъ мѣрамъ, то по неволѣ пытается завязать мирные переговоры, честь его оружія поддерживаютъ въ Венгріи человѣколюбивый Пальфи и безпощадно-жестокій, мрачный Гейстеръ, а въ Седмиградскомъ княжествѣ вѣрный долгу Рабутинъ; за обученными, регулярными войсками слѣдуютъ необузданныя, дѣйствующія въ разсыпную толпы Сербовъ и Хорватовъ, обозначающія свой путь опусто-

шеніями и жестокостями. Между озлобленными партіями выступаетъ посредникомъ человѣколюбивый архіепископъ Сечени, неутомимо старающійся примирить ихъ. Безпристрастно требуетъ онъ отъ императора справедливости и благоразумной уступчивочти, отъ возставшихъ — самоотверженія, примиренія. Непрерывно трудятся надъ тѣмъ же посланники англійскій и голландскій, такъ какъ имъ нужно противопоставить Франціи сильную Австрію; напротивъ, Людовикъ XIV продолжаетъ держать при дворѣ Ракоци своихъ агентовъ, заботясь о томъ, чтобы не зажили язвы Австріи. Среди этой путаницы разнородныхъ интересовъ медленно тянутся мирные переговоры: то обѣщаютъ они скорый и благопріятный исходъ, то опять задерживаются новыми событіями. Описаніе возстанія, которымъ начальствовалъ Ракоци, принадлежитъ къ самымъ полнымъ историческимъ картинамъ въ трудѣ Салая; оно преисполнено разоблаченіемъ новыхъ сторонъ дѣла, поучительно вѣрнымъ объясненіемъ людей и обстоятельствъ, и въ немъ мастерски выставлено на видъ, какимъ образомъ партіи собственными же словами обнаруживали тайныя побудительныя причины своихъ дѣйствій. Но смерть поразила Салая, прежде чѣмъ онъ окончилъ свой превосходный трудъ, надъ которымъ неутомимо работалъ цѣлыя четырнадцать лѣтъ; онъ скончался, находясь уже у самой цѣли. Сатмарскій мирный договоръ и послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ Прагматическая санкція, какъ основные камни нынѣшняго государственнаго права Венгріи, должны были служить границею для его труда. Можно сказать, Салай остановился въ изложеніи своей „Исторіи Венгріи“ на такой же богатой событіями и послѣдствіями, но прикрывавшейся религіознымъ знаменемъ эпохѣ, какъ и та обильная политическими и общественными переворотами эпоха, въ которой онъ самъ былъ участникомъ и очевидцемъ.

Неудачи Итальянской войны 1859 г. заставили австрійское правительство обратиться къ своимъ народамъ и обѣщать имъ возстановленіе конституціи. Созваніе венгерскаго сейма 1861 г. возвратило Салая къ дѣятельности депутата. Въ первой половинѣ марта въ Пештѣ происходили выборы депутатовъ на сеймъ. Такъ-называемый внутренній городъ единогласно избралъ Франца Деака. Въ то же время баронъ Этвешъ предложилъ Салая въ кандидаты избирателямъ такъ-называемаго Леопольдштадта, заселеннаго по большей части зажиточными купцами. Въ своей рѣчи Этвешъ объяснилъ имъ, что первое требованіе при выборѣ депутата состоитъ въ томъ, чтобъ онъ имѣлъ

патріотическій образъ мыслей; но къ счастію Венгріи, такое качество почти всеобще въ ней; если бы дѣло зависѣло только отъ него, то можно было бы выбирать депутатовъ по жребію, и тогда оказалось бы особымъ несчастіемъ, еслибъ изъ урны выпало имя человѣка, не удовлетворяющаго патріотическимъ требованіямъ. Но второе требованіе состоитъ въ томъ, чтобы избранный вполнѣ соотвѣтствовалъ возложенной на него задачѣ. И чтобъ удовлетворить этому условію, надобно выяснить себѣ цѣль предстоящаго сейма. Затѣмъ Этвешъ опредѣлилъ эту цѣль такимъ образомъ: „Поддержаніе національной самостоятельности Венгріи; охраненіе, развитіе и упроченіе началъ, выработанныхъ 1848 годомъ посредствомъ правильнаго примѣненія ихъ къ жизни". „А потому намъ нуженъ представитель, продолжалъ Этвешъ, прошедшее котораго привязывало бы его къ пріобрѣтеніямъ 1848 года, и убѣжденія котораго въ этомъ отношеніи не могли бы представлять сомнѣній, который не могъ бы свернуть съ пути, на коемъ мы желаемъ видѣть его, не приходя въ разладъ не только съ своими избирателями, но и съ самимъ собою. Это наше первое условіе. Другое заключается въ томъ, чтобъ избираемый нами обладалъ всѣми познаніями, въ которыхъ мы нуждаемся для защиты нашей конституціонной самостоятельности на предстоящемъ сеймѣ. Отправляясь отъ этого условія, я осмѣливаюсь предложить моимъ товарищамъ по выборамъ человѣка, по моему крайнему убѣжденію, вполнѣ удовлетворяющаго всѣмъ этимъ требованіямъ: его прошедшее, больше чѣмъ чье-нибудь, нераздѣльно связано съ тѣми принципами, побѣдѣ которыхъ мы обязаны законами 1848 года. Поддерживаемый немногими друзьями, онъ боролся за идею объ отвѣтственности министерства въ такое время, когда даже самые либеральные кружки считали невозможнымъ проведеніе этой мысли. Будучи представителемъ города, онъ поднялъ свой голосъ за права городскаго сословія, когда оно имѣло только одинъ голосъ отъ цѣлаго комитата. Будучи писателемъ и членомъ сеймовой коммиссіи, онъ сдѣлалъ для института присяжныхъ, этой главной гарантіи конституціонной жизни, болѣе чѣмъ кто-либо другой въ странѣ. Этотъ человѣкъ — Владиславъ Салай. Между всѣми принципами, на которыхъ основываются вѣчно-памятные законы 1848 года, нѣтъ ни одного, которому Салай не оказалъ бы безспорной услуги". Затѣмъ Этвешъ напомнилъ избирателямъ еще то, что на предстоящемъ сеймѣ будутъ обсуждаться важнѣйшіе государственные вопросы, и прибавилъ: „Развѣ есть въ Венгріи кто-нибудь, кто сумѣлъ бы лучше Салая изложить современное состояніе госу-

дарственныхъ вопросовъ, кто зналъ бы лучше его тѣ акты, на которыхъ мы основываемся при защищеніи нашихъ правъ? И если есть такой человѣкъ, то гдѣ же тотъ, который доказалъ свои обширныя познанія въ этомъ отношеніи столь же несомнѣнно, какъ Салай?". Въ заключеніе баронъ Этвешъ коснулся и того, что Салай, какъ человѣкъ ученый, принадлежитъ цѣлой странѣ, между тѣмъ какъ представителемъ Леопольдштадта долженъ быть представитель гражданскаго элемента въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Баронъ Этвешъ замѣтилъ по этому поводу слѣдующее: „Тридцать лѣтъ Салай живетъ въ Пештѣ. Я хорошо знаю число этихъ лѣтъ, потому что мы выросли съ нимъ вмѣстѣ. Будучи мальчиками, мы вмѣстѣ съ другими дѣтьми играли въ мячъ тамъ, гдѣ стоятъ теперь дома, которыхъ владѣтели и жители собрались здѣсь для выборовъ. Съ тѣхъ поръ другъ мой постоянно жилъ здѣсь, за исключеніемъ того времени, когда онъ былъ на сеймѣ въ Пресбургѣ, представителемъ страны во Франкфуртѣ и потомъ за границей вслѣдствіе именно этого представительства. Конечно, онъ не имѣлъ здѣсь доходныхъ занятій и не построилъ себѣ дома; но здѣсь жилъ онъ, здѣсь онъ работалъ не безъ успѣха въ области науки, не добиваясь значительнаго состоянія, а обогащая нашу литературу драгоцѣнными сочиненіями, которыя будутъ прочнѣе, чѣмъ многіе дома, построенные въ то же время. И послѣ всего этого Салай не гражданинъ въ полномъ смыслѣ этого слова, не достойный представитель этого общества, члены котораго трудятся для блага своего отечества въ другомъ направленіи, но также какъ онъ со всѣмъ стараніемъ и по мѣрѣ своихъ силъ? Городское сословіе само унизило бы свое достоинство, унизило бы положеніе, занимаемое имъ въ каждой цивилизованной странѣ, если бы рѣшило, что живущій духовнымъ трудомъ не принадлежитъ къ городскому сословію.... Можетъ-быть, я сказалъ больше, чѣмъ слѣдовало; можетъ-быть, мнѣ вовсе не надобно было говорить, что я уже съ ранней молодости связанъ тѣсною дружбой съ Салаемъ. Если же кто-нибудь полагаетъ, что дружба дѣлаетъ меня пристрастнымъ, — то мы здѣсь подъ открытымъ небомъ и обязаны, какъ избиратели этого округа, высказывать наши убѣжденія свободно и откровенно. Тридцать лѣтъ Салай живетъ въ этомъ городѣ; всѣмъ извѣстна его дѣятельность какъ человѣка, писателя и депутата на сеймѣ: кто можетъ сказать о немъ болѣе чѣмъ я, пусть выступитъ и говоритъ!"

Въ отвѣтъ на эту рѣчь барона Этвеша избиратели Леопольдштадта выбрали Салая своимъ депутатомъ. Вскорѣ послѣ того онъ

самъ явился въ собраніе и благодарилъ за оказанное ему довѣріе, напомнивъ при этомъ, какъ восьмнадцать лѣтъ тому назадъ, будучи представителемъ королевскаго вольнаго города Крупины, онъ говорилъ за полноправіе городскаго сословія. Затѣмъ онъ продолжалъ: „Когда я сложилъ съ себя званіе депутата, довѣрители мои прощались со мною словами: благослови васъ Богъ, если вы останетесь вѣрны тѣмъ началамъ, которыя защищали отъ нашего имени! Я остался вѣренъ этимъ началамъ, и Божіе благословеніе покоилось на мнѣ и друзьяхъ моихъ въ тяжкія времена, какъ здѣсь въ отечествѣ, такъ и въ Германіи, Англіи, Бельгіи и Швейцаріи. Въ первый годъ моей страннической жизни, когда не только враги наши, но и друзья полагали, что наступилъ конецъ нашему національному существованію, когда нѣкоторые отыскивали уже камень, чтобы положить его на нашу могилу, я почувствовалъ въ себѣ стремленіе еще разъ пережить духовно, передъ окончательнымъ уничтоженіемъ, тысячелѣтнюю исторію нашего народа. Такъ я сдѣлался историкомъ Венгріи. Пока я писалъ ея исторію, во мнѣ все болѣе и болѣе усиливалась вѣра въ то, что если мадьярскому племени суждено было основать государство на этой священной землѣ послѣ неудачныхъ попытокъ Славянъ и Нѣмцевъ, то это государство и на будущія времена останется мадьярскимъ, не смотря на всѣ угрожающія ему опасности, если только мы останемся вѣрны себѣ. Я былъ увѣренъ, что оно будетъ развиваться все блистательнѣе, если на будущее время будетъ болѣе удовлетворять требованіямъ демократіи. Эти чувства мои суть вмѣстѣ съ тѣмъ и ваши; это убѣжденіе мое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ваше, — въ силу ихъ я стою здѣсь какъ представитель вашъ, въ силу ихъ я явлюсь на сеймѣ какъ вашъ депутатъ“. Затѣмъ Салай представилъ всю трудность задачи, которая выпадала на долю венгерскаго сейма 1861 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ надежду на благопріятный исходъ, если сеймъ будетъ слѣдовать внушеніямъ историческаго прогресса и общественной гуманности и поставитъ такимъ образомъ націю какъ бы подъ защиту европейскаго ареопага. „Это наша цѣль, заключилъ онъ, и для достиженія этой цѣли я, простой человѣкъ, охотно послужу орудіемъ. Ничто не совратитъ меня съ моего пути, ни блескъ, ни сила, ни похвалы, ни порицанія. Я буду дѣйствовать не одинъ; со мною будутъ другіе депутаты; со мною будутъ мои избиратели, а съ ними милліоны народа — мудрые старцы и красивые юноши, сильные мужи и нѣжныя жены, и всѣ они будутъ слѣдить за нашею борьбой съ біеніемъ сердца. Богъ услышитъ нашу

молитву, Онъ освѣжитъ пылающее чело бойца лавромъ побѣды; благословеніе Его низойдетъ на всѣхъ, не знающихъ иной цѣли, кромѣ спасенія отечества, его величія и процвѣтанія!“ Слова эти вызвали въ слушателяхъ необыкновенный восторгъ.

Въ то самое время какъ Францъ Деакъ, единогласно избранный въ депутаты отъ такъ-называемаго внутренняго города, произносилъ съ балкона гостинницы „Англійская Королева“ нѣсколько благодарственныхъ словъ къ своимъ избирателямъ, въ то самое время избиратели Леопольдштадта несли на своихъ плечахъ Владислава Салая въ его квартиру. Изъ одного окна ея уже развѣвалось національное знамя, принесенное въ даръ дамами Леопольдштадта вновь избранному депутату. Толпа потребовала отъ Салая нѣсколькихъ словъ на прощанье: „Еще разъ благодарю васъ, любезные мои сограждане, за ваше довѣріе, говорилъ онъ. Благодарю васъ за это знамя, лучшій изъ прекрасныхъ знаковъ вашего довѣрія. Передайте мою благодарность за это женамъ и дочерямъ вашимъ. Сыновьямъ же вашимъ, вмѣсто поклона, скажите отъ меня: пусть они послѣдуютъ вашему высокому примѣру настоящей гражданской доблести“.

Ходъ преній на венгерскомъ сеймѣ 1861 года извѣстенъ [1]): партія умѣренныхъ либераловъ, имѣя во главѣ своей опытнаго вождя въ лицѣ Франца Деака, одержала верхъ; адресъ, имъ составленный, принятъ былъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, хотя и встрѣтилъ въ Вѣнскомъ правительствѣ самый холодный пріемъ. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что во время преній объ адресѣ говорили многіе, не знавшіе что́ сказать, такъ что тѣ, которые сумѣли бы сказать многое, должны были ограничиваться самымъ необходимымъ. Салай былъ изъ числа послѣднихъ, и его единственная рѣчь, сказанная въ пользу адреса, была такъ хороша, что вызвала теплую похвалу даже отъ величайшаго врага деакистовъ, или венгерской „министеріальной партіи“, консервативнаго *Pesti Hirnök*. Мадьярскій историкъ явился въ своей рѣчи истымъ Мадьяромъ. Въ самомъ началѣ Салай указалъ на то, какъ еще совѣтники Фердинанда I старались нивелировать Венгрію и лишить ее самостоятельности. Это стремленіе, сказалъ онъ, уже болѣе трехсотъ лѣтъ проходитъ какъ красная нить черезъ всю исторію Венгріи, и если члены Вѣнскаго правительства не „вынули пера изъ рукъ Фердинанда V“ въ то время, когда онъ подписывалъ

---

[1]) См. книгу: *Der Ungarische Reichstag 1861* (Pest, 1861); Bd. I, 471 Bd. II, 470; Bd. III, 455.

законы 1848 г., то это было сдѣлано въ надеждѣ, что можно будетъ при случаѣ уничтожить эти законы; но должно сожалѣть о томъ, что благодаря такому образу дѣйствій Вѣнскаго правительства, германизмъ считается въ Венгріи тождественнымъ съ абсолютизмомъ. Самъ Салай издавна чувствуетъ личную симпатію къ Нѣмцамъ; жители Венгріи нѣмецкаго происхожденія всегда оказывались вѣрными Венгерцами. Въ 1860 году въ Венгріи праздновалось соглашеніе со всѣми народами, но не съ Нѣмцами, такъ какъ они никогда не переставали быть вѣрными братьями Венгріи, такъ какъ не предшествовало никакого раздора, который требовалъ бы умиротворенія (при этихъ словахъ въ палатѣ раздались громкія рукоплесканія). Нѣмцы въ Германіи также выражали свое сочувствіе къ Венгріи, чему онъ, Салай, былъ свидѣтелемъ въ 1848 году. Онъ твердо вѣруетъ въ то, что это сочувствіе снова проявится, какъ только Нѣмцы получатъ народное представительство. Абсолютизма держатся только нѣкоторые нѣмецкіе годарственные люди въ Вѣнѣ, которымъ было тѣсно въ маленькомъ государствѣ, которые не умѣли сдерживать свою страсть къ централизаціи: если бы въ ихъ руки попался цвѣтъ Венгріи, они сумѣли бы и изъ него выжать достаточно яда, чтобъ отравить Венгрію и Австрійскую имперію. Можно и къ Венгріи примѣнить поговорку: „Ars non habet osorem, nisi ignorantem“. Венгрію ненавидятъ лишь не знающіе ее: называютъ упрямствомъ, если Венгрія придерживается Прагматической санкціи; но не считаютъ упрямствомъ, когда она держится того, что связываетъ страну съ династіей, и когда она принимаетъ на себя соотвѣтственную часть въ государственныхъ налогахъ. Гентцъ назвалъ Венгрію даже центромъ Австрійской имперіи. Сила Венгріи есть сила династіи, и истинно венгерская политика есть политика династическая. Затѣмъ Салай перешелъ къ провинціямъ, не имѣвшимъ представителей на сеймѣ, и привелъ нѣсколько историческихъ доказательствъ въ пользу требованій мадьяронской партіи въ городѣ Рѣкѣ (Фіумѣ) и въ Далмаціи, желавшей имѣть своихъ представителей на венгерскомъ сеймѣ. При этомъ онъ прочелъ малоизвѣстное, относящееся сюда письмо графа Казиміра Драганича отъ 1797 г. къ венгерскому историку Коллеру, въ которомъ Драганичъ говоритъ въ пользу присоединенія Далмаціи къ Венгріи. Вмѣстѣ съ возстановленіемъ цѣлости Венгріи, Салай требовалъ возстановленія законовъ 1848 г., въ особенности законовъ о печати, и парламентской формы правленія; кромѣ того онъ настаивалъ на отмѣнѣ всѣхъ законовъ, не допускающихъ совершенной равноправности венгерскихъ гражданъ

безъ различія религіи и національности. „Передъ Богомъ нѣтъ избранныхъ народовъ“, сказалъ онъ; „поэтому никто не долженъ быть лишенъ полнаго пользованія конституціонными правами“. Онъ настаивалъ на разрѣшеніи свободнаго употребленія всѣхъ языковъ, принятыхъ въ странѣ, на сколько это можетъ быть соглашено съ единствомъ страны. „Болѣе проницательные люди — продолжалъ Салай, намекая на увлеченія такъ-называемыхъ революціонистовъ и на кошутовскіе проекты дунайской конфедераціи — видятъ, можетъ-быть, Венгрію въ будущемъ, какъ составную часть Богъ знаетъ какого Дунайскаго государства; я же вижу въ такомъ будущемъ только хаосъ. Предѣлы, ограничивающіе земли венгерской короны, достаточно обширны: въ нихъ довольно мѣста для всѣхъ національностей, которыя могутъ жить безъ взаимныхъ столкновеній; точно также могутъ мирно и на равныхъ правахъ существовать рядомъ всѣ вѣроисповѣданія. Такая равноправность, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, требуется не только справедливостью, но и *политикой*“. Что Венгерецъ любитъ свою независимость, это хорошо и благородно, это такъ и должно остаться; но есть одна форма независимости, которая опасна: это — отдѣльность. „Мы хотимъ быть независимыми, говорилъ Салай, но не хотимъ упускать изъ вида европейскія отношенія“. Вслѣдствіе этого равноправность должна простираться на всѣ просвѣщенныя націи Европы. Онъ, Салай, вполнѣ присоединяется къ предложенію Деака, какъ относительно его формы, такъ и содержанія. „Естественныя науки — заключилъ онъ — знаютъ большое число элементовъ; но ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ самъ по себѣ образующею силой; только въ соединеніяхъ они способны производить новыя тѣла. То же происходитъ и въ мірѣ нравственномъ. Идея, принципъ права несомнѣнно величественны и святы, но чтобы сдѣлать эту идею плодотворною, чтобы создать изъ нея живой законъ, для этого частное право должно идти рука объ руку съ умѣренностію, уголовное право — съ милосердіемъ, государственное право — съ политическою мудростью“.

Непосредственно передъ сеймомъ 1861 года и во время его, вся дѣятельность Салая, какъ писателя, была направлена къ тому, чтобы собрать менѣе извѣстный историческій матеріалъ для вопросовъ, стоявшихъ на очереди, и сдѣлать его доступнымъ для болѣе обширнаго круга читателей. За исключеніемъ различныхъ журнальныхъ статей, онъ напечаталъ въ то время рядъ небольшихъ статей, находившихся въ непосредственной связи съ вопросами дня, какъ то: „Объ отноше-

ніи сербскихъ поселеній въ Венгріи къ государству", „Фіуме (Рѣка) на венгерскомъ сеймѣ", „О венгерско-хорватскомъ вопросѣ".

Только-что названныя брошюры были въ свое время переведены на нѣмецкій языкъ и изданы въ Лейпцигѣ. Онѣ произвели сильное впечатлѣніе на южныхъ Славянъ и вызвали съ ихъ стороны отвѣтныя брошюры [1]). Въ брошюрѣ своей о венгерскихъ Сербахъ Салай преимущественно старался выставить на видъ попытки Сербовъ къ разрыву съ Венгріей и довелъ свой разказъ до сейма 1848 г. Зависимое отношеніе Сербовъ къ Венгріи онъ производилъ отъ той эпохи, которая послѣдовала за пораженіемъ Сербовъ Турками въ битвѣ на Косовомъ полѣ. Подчиненныя отношенія сербскихъ князей и деспотовъ къ королю Сигизмунду, обширныя предпріятія Матвѣя Гуніади, съ цѣлію колонизаціи страны, попытки Сербовъ соединиться съ Седмиградскимъ княжествомъ и договоры, которые сербскіе патріархи, два раза переходившіе чрезъ Саву и Дунай и оба раза приводившіе въ Венгрію многочисленныя сербскія поселенія, заключали съ австрійскими императорами, — все это изложено Салаемъ вкратцѣ. Гораздо подробнѣе онъ начинаетъ говорить объ отношеніяхъ венгерскихъ Сербовъ со временъ Леопольда I, при которомъ Сербы сдѣлали первую попытку отдѣлиться отъ Венгріи. Такія стремленія Сербовъ кажутся Салаю тѣмъ опаснѣе, что поддерживались греческою церковью, къ которой они принадлежатъ. Доведя свой разказъ до 1848 года, Салай замѣчаетъ, что конституція могла бы удовлетворить тѣмъ требованіямъ Сербовъ, которыя они выставляли въ качествѣ одного изъ племенъ, населяющихъ Венгрію; но они желали гораздо бо́льшаго. Въ концѣ статьи Салай предлагаетъ краткій обзоръ событій до 1860 г. и въ заключеніе высказываетъ мысль, что не только въ церкви и школѣ, но даже въ судѣ и администраціи необходимо дозволить употребленіе различныхъ языковъ. Брошюра Салая объ отношеніяхъ города Рѣки къ Венгріи представляетъ попытку, — не вездѣ, впрочемъ, удачную, — доказать, что этотъ городъ принадлежалъ къ такъ-называемому венгерскому прибрежью и входилъ въ составъ земель вен-

---

[1]) См.: 1) *Ueber das Verhältniss der serbischen Niederlassungen in Ungarn zum Staate;* со стороны Сербовъ о томъ же вопросѣ и въ то же время писалъ Стоячковичъ въ брошюрѣ: *Ueber die staatsrechtlichen Verhältnisse der Serben in der Woiwodina und überhaupt in den Ländern der ungarischen Krone.* 2) *Fiume auf dem ungarischen Landtage;* на это сочиненіе отвѣчалъ докторъ Рачки въ своей книгѣ: *Rieka prema Hrvatskoj.* 3) *Zur ungarisch-kroatischen Frage* вызвало отвѣтъ со стороны Кватерника въ брошюрѣ: *Was ist die Wahrheit?*

герской короны. Докторъ Рачки въ своей недавно изданной книгѣ, о которой упомянуто выше: „Рѣка относительно Хорватіи“, побѣдоносно разбилъ доказательства Салая. Брошюра о хорватскомъ вопросѣ имѣетъ характеръ полемическій и направлена противъ хорватскихъ историковъ и публицистовъ; на эту брошюру послѣдовало нѣсколько отвѣтовъ. Какъ бы, впрочемъ, мы ни смотрѣли на эти мелкія сочиненія Салая, мы должны сказать здѣсь, что и въ нихъ виденъ его историческій талантъ, хотя здѣсь Салай является болѣе публицистомъ, подчиняющимся внушеніямъ современной политики, чѣмъ ученымъ.

Послѣ скораго и неутѣшительнаго окончанія венгерскаго сейма 1861 года, Салай снова обратился къ своей исторіи и параллельнымъ съ нею работамъ. Эти спеціальныя исторіи отдѣльныхъ эпохъ или личностей составляли, такъ-сказать, гирланды, которыя обвивались около могучаго столба историческаго сочиненія, и Салай не только обогащалъ ими непосредственно историческую литературу, но примѣръ его находилъ многихъ, часто весьма даровитыхъ послѣдователей. Для всего молодаго поколѣнія венгерскихъ историковъ онъ былъ возбудителемъ, учителемъ и образцомъ.

Въ концѣ 1861 года извѣстный историкъ мадьярской литературы Тольди былъ назначенъ профессоромъ въ Пештскомъ университетѣ, и такимъ образомъ освободилось мѣсто перваго секретаря въ венгерской академіи наукъ. Единогласно было признано, что нѣтъ другаго человѣка, который бы во всѣхъ отношеніяхъ такъ удовлетворялъ условіямъ, соединеннымъ съ этимъ мѣстомъ, какъ Салай. Самъ же Салай боялся, чтобы обязанности секретаря не заняли слишкомъ много времени и не отвлекли его отъ научныхъ работъ. Только когда дирекція, и въ особенности Деакъ, неоднократно повторили свои настоянія, чтобы Салай принялъ это мѣсто; когда поставили новому секретарю на видъ всѣ возможныя облегченія; когда въ особенности Ченгери, второй секретарь академіи и старинный другъ Салая, обѣщалъ ему принять на себя часть секретарскихъ занятій, только тогда Салай согласился на предложеніе академіи и былъ избранъ въ должность перваго секретаря ея. Съ тѣхъ поръ отчеты Салая принадлежали къ числу самыхъ блестящихъ частей программы въ торжественныхъ годичныхъ засѣданіяхъ академіи; онъ не только умѣлъ облекать въ привлекательныя формы и оживлять сухія числа, о которыхъ долженъ былъ докладывать, но почти всегда предпосылалъ имъ нѣкоторыя общія замѣчанія, которыя бы могли тотчасъ остановить на себѣ вниманіе публики.

Въ введеніи къ отчету 1863 года онъ немногими словами указалъ на стремленія мадьярской націи основать у себя академію наукъ, начавшіяся еще во второй половинѣ XVIII столѣтія, и коснулся дѣятельности академіи отъ ея основанія до конца 1847 года. „Затѣмъ — продолжалъ онъ — послѣдовали 1848 и 1849 годы, и точно въ грустный осенній день нація нашла поле опустошеннымъ и въ прахѣ все то, что она любила. Едва выдавались изъ обломковъ тамъ и сямъ столбы, украшенные божественною короной, и какъ Deus terminus, указывавшіе въ этой необозримой пустынѣ не только пройденную, но и предстоящую дорогу. Такимъ путеводителемъ была и академія... академія, которая, будучи академіей *мадьярскаго языка*, опирается на мадьярскую національность и связанную съ нею государственную жизнь, и будучи академіей *наукъ*, желаетъ, чтобы здравая сила, то-есть, знаніе, а не скелетъ схематологіи, направляла націю къ прекрасному будущему. Мы народъ *востока;* это доказываетя многими чертами типа нашей внутренней и внѣшней жизни; это доказывается быстрымъ теченіемъ крови въ нашихъ жилахъ, юностью нашей души, не смотря на такое множество перенесенныхъ нами горестей; это доказывается особымъ оттѣнкомъ нашего языка и нашего чувства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы народъ *запада;* ибо мы перешли къ западному исповѣданію девять съ половиною столѣтій тому назадъ, ибо реформація водворилась у насъ такъ скоро, такъ совершенно и такъ положительно; ибо мы, уже въ теченіе многихъ столѣтій пользуемся свободными учрежденіями государственной жизни, развившимися въ западной Европѣ; ибо мы въ теченіе долгихъ лѣтъ уважали основателя нашихъ учрежденій, которыя были блестящимъ образцомъ западной цивилизаціи“.

Рѣчь Салая въ слѣдующемъ годичномъ засѣданіи, 23-го января 1864 года, которую можно назвать его лебединою пѣснью, чуть не праздновалась какъ „событіе“ всѣмъ образованнымъ обществомъ Венгріи. Дѣйствительно, никогда еще прекрасныя мысли Салая не облекались въ такія классическія формы, какъ въ этой рѣчи. Онъ началъ ее съ описанія перваго торжественнаго годичнаго засѣданія академіи, которое было 8-го сентября 1832 года. Тогда сѣдой палатинъ, эрцгерцогъ Іосифъ, нарочно прибылъ изъ Буды въ залъ Пештскаго комитата, чтобы занять мѣсто почетнаго президента; справа и слѣва отъ него сидѣли основатели академіи, графъ Телеки и Сечени. Талантливый поэтъ Кёльчей воспѣвалъ одушевленными словами память умершаго брата по Апполону, Франца Казинчи. Клики радо-

сти собравшагося народа, какъ звуки органа, примѣшивались къ голосу оратора, точно также, какъ крики вѣрующей толпы заглушаютъ трубы, когда Римъ провозглашаетъ мучениковъ святыми; но по щекамъ женщинъ катились слезы, слезы участія къ тому, кто кончилъ теперь свои страданія, слезы удивленія передъ тѣмъ, кто столько сдѣлалъ. „Все таки, прибавилъ Салай, нѣтъ причины съ грустью мечтать о возвращеніи того времени; вопервыхъ, потому что академія не постарѣла, а сохранила всю свѣжесть своей молодости, этотъ невыразимый талисманъ бытія, возвратиться къ которому такъ тоскливо стремился Гёте въ своемъ предисловіи къ „Фаусту"; вовторыхъ, потому что Венгрія обогатилась знаніями не въ ущербъ этой юношеской свѣжести, и именно непосредственно при помощи академіи". Затѣмъ Салай опять возвращается къ своей любимой мысли, проходящей какъ красная нить по всѣмъ его сочиненіямъ и рѣчамъ, къ мысли, что Венгрія должна принять въ себя европейскую культуру, во всей ея полнотѣ и величіи. Особенность венгерской націи должна состоять не въ удержаніи устарѣлыхъ внѣшностей, часто мѣшающихъ полету генія, а въ томъ, что нація, пришедшая изъ отдаленныхъ степей Азіи и основавшая здѣсь государство, должна казаться великою не только въ дѣлахъ войны, но и мира; послѣднія дѣла суть всегда плоды истинной цивилизаціи; — но достигнуть высшей культуры, прибавилъ онъ, можно только путемъ расширенія своихъ знаній. „И для королей нѣтъ особаго способа изучать математику, точно также нѣтъ особаго пути, по которому венгерская нація могла бы достинуть высшей степени культуры. Говоря о наукѣ — заключилъ онъ — я разумѣю не ту ловкость фокусника, которая оказываетъ каждому за хорошую плату ту же услугу, какую и плутъ, помогающій обманщику банкроту поддѣлывать книги; — я разумѣю истинную науку, о которой мудрецъ говоритъ, что она есть признакъ благословенія Божія на челѣ націи, вѣрный союзникъ нравственности и ярко блестящая утренняя звѣзда свободы"...

Не прошло и полгода, а Салая уже не было въ живыхъ: 17-го іюля въ Зальцбургѣ, на пути въ Вильдбадъ, куда его посылали лѣчиться, онъ умеръ, окруженный своею семьей.

Цѣна 1 рубль.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № 3.

LIBRARY OF CONGRESS
0 021 288 973 8